

Сомерсет Моэм

W. Somerset Maugham

Миссис Крэддок
Покоритель Африки

Библиотека классики (АСТ)

Сомерсет Моэм
**Миссис Крэддок.
Покоритель Африки**

«Издательство АСТ»

1902, 1907

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Миссис Крэддок. Покоритель Африки / С. Моэм —
«Издательство АСТ», 1902, 1907 — (Библиотека классики (АСТ))

ISBN 978-5-17-157543-4

Берта всегда была романтической особой и всю жизнь мечтала о большой любви. Правда, оба мужчины, которым она отдавала когда-то свое сердце, были созданы, по большей части, ее воображением. Пробившийся в крупные помещики фермер Крэддок — добрый, но грубоватый и приземленный человек, неспособный оценить силу и глубину личности жены. А юный Джеральд, напротив, — порочный, обозленный на весь мир, циничный мальчишка, в котором словно сконцентрировалось все разочарование жизнью «золотой молодежи». Так сможет ли миссис Крэддок обрести с кем-то из них такое желанное счастье? Некогда богатое и уважаемое семейство Аллертон разорено. Молодая идеалистка Люси стремится исправить ошибки своего отца и восстановить доброе имя семьи. Бесстрашный завоеватель Африки и настоящий джентльмен Алек Маккензи готов помочь в этом своей возлюбленной и берет ее легкомысленного младшего брата Джорджа в экспедицию по Африке. Роман о любви, чести и предательстве, который заставит то весело смеяться, то искренне сострадать героям.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-157543-4

© Моэм С., 1902, 1907

© Издательство АСТ, 1902, 1907

Содержание

Миссис Крэдок	7
Предисловие	7
Письмо-посвящение	11
Глава I	12
Глава II	16
Глава III	20
Глава IV	26
Глава V	30
Глава VI	37
Глава VII	42
Глава VIII	48
Глава IX	54
Глава X	59
Глава XI	63
Глава XII	68
Глава XIII	73
Глава XIV	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сомерсет Моэм

Миссис Крэдок. Покоритель Африки

© The Royal Literary Fund, 1902

© Перевод. Н. Сечкина, 2021

Школа перевода В. Баканова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Миссис Крэдок

Предисловие

Этот роман был написан в 1900 году. Сочтя его чрезвычайно дерзким, издатели – в том числе Уильям Хайнеманн – один за другим отказались печатать книгу. Наконец ее прочел Робертсон Николл, партнер издательской компании «Ходдер и Стотон». Он решил, что роман «не того сорта», чтобы публиковать его у себя в издательстве, однако дал ему неплохую оценку и уговорил Уильяма Хайнеманна пересмотреть свое решение. Хайнеманн прочел роман и согласился напечатать его с условием, что я выброшу куски текста, которые он посчитал скандальными. Это было в 1902 году. Судя по всему, книга имела определенный успех, поскольку в следующем году вышло переиздание, и еще одно – в 1908-м. Тридцать лет спустя роман опубликовали вновь. Это издание было отпечатано с оригинальной рукописи с сохранением «оскорбительных для нравственности» отрывков, потому как я, убей бог, не мог вспомнить вымаранных мест, а сравнивать рукописный текст с отпечатанным экземпляром у меня не хватило терпения. Мне самому книга, наоборот, показалась пристойной почти до тошноты. Тем не менее я внес некоторую правку.

Автор умер много лет назад, и я распорядился рукописью, как если бы она принадлежала ушедшему из жизни другу, и роман, им не отредактированный, передал мне для подготовки к публикации. Я оставил все как есть, со всеми ошибками, и удовлетворился лишь мелкими исправлениями. Авторская пунктуация не подчинялась никаким правилам, так что я приложил немало усилий, дабы привести ее в порядок. Бессчетные тире, которые писатель, боюсь, использовал слишком часто и вольно, я заменял двоеточиями, точками с запятой и запятыми. Я опускал ряды многоточий, при помощи коих писатель стремился привлечь внимание читателя к красоте чувства либо тонкости наблюдения, и ставил точки вместо восклицательных знаков, что маячили на страницах телеграфными столбами, очевидно, с целью подчеркнуть изумленное восхищение автора остротой собственного ума.

Понятия не имею, отчего он манерно взялся употреблять формы слов, уместные скорее в средневековом романе, нежели в современной прозе. Я убрал эти изыски везде, где нашел, но если они все же попадутся на глаза читателю, прошу простить молодого автора за его заблуждение, а редактора – за невнимательность.

Занятную историю рассказывают об Альфреде де Мюссе. Как-то раз, сидя у Жорж Санд и дожидаясь возвращения хозяйки, он взял со стола одну из книг, написанных ею. Произведение показалось ему невероятно многословным. Вернувшись домой Жорж Санд застала де Мюссе с карандашом в руке – поэт вычеркивал из книги все ненужные прилагательные. Говорят, это ей не слишком понравилось. Я могу понять и его порыв нетерпимости, и ее гнев, но сам в данном вопросе – сторонник умеренности. Некоторые излюбленные словечки автора теперь выглядят странно и старомодно, и все же я решил оставить их, поскольку нет причин утверждать, что современные замены, которые я мог бы употребить, точно так же не устареют через несколько лет. Мода на эпитеты проходит быстро, и распространенное сегодня «презанный», вне всяких сомнений, по прошествии некоторого времени будет звучать столь же искусственно, как «несносный» – слово, ходившее в 1890-х годах.

Далее, я вычеркнул множество «вполне», «в некоторой степени» и «довольно», так как автор романа имел неприятную склонность избегать безусловных утверждений. Я был безжалостен к наречиям. Когда молодой писатель использовал пять слов вместо одного, я оставлял одно; когда же он не выражал свою мысль ясно, я брал на себя смелость заменять его высказывание тем, которое, на мой взгляд, совершенно точно подразумевалось. Английский язык

очень сложен, и автор, с чьей работой я позволил себе описанные вольности, так им и не овладел. Ему никогда не объясняли ни сложностей композиции, ни тайнств стиля. Он начал писать, как дитя учиться ходить. Автор усердно пытался изучать лучшие образцы творчества, однако, не имея опытного наставника, порой выбирал неудачные примеры и уделял много внимания писателям, которых сегодня большая часть публики считает жеманными и пустыми.

Несколько месяцев назад в галерее на Корк-стрит проходила выставка небольших французских картин начала века. В то время я часто бывал в Париже, с удовольствием заглядывал в лавочки на рю де ла Бёти или гулял на другом берегу Сены, где полотна выставлялись на обозрение, и потому, должно быть, видел их и замечал, что другим они нравятся. При всем том я отмахивался от этих картин небрежным жестом, считая их салонными и заурядными, поскольку недавно открыл для себя Мане, Моне и Писсарро, и зарисовки (изображения набережных, бульваров, убогих улочек и Елисейских Полей) ни о чем мне не говорили. Однако когда я вновь увидел их после долгого перерыва, они показались мне прелестными. *Fiacres*¹, омнибусы, легкие двухместные повозки, запряженные резвыми лошадьми, которыми правили женщины – *femmes du monde*² или известные *cocottes*³, одетые по последней моде и спешащие в Булонский лес; маленькие солдаты в необычной форме; *nounous*⁴ в чепцах с длинными шелковыми лентами, толкающие перед собой детские коляски на пути в Люксембургский сад, – все это воспринималось как само собой разумеющееся, в голову даже не приходило, что жизнь столь пестра и радостна. Хорошо ли, плохо ли были написаны эти картины, а большинство из них свидетельствовало о тщательности упражнений в изящных искусствах, – не имело значения; годы придали им ностальгическое очарование, против которого не устоять. Это были *жанровые сцены*. И теперь, перечитав «Миссис Крэдок» перед новым изданием, я воспринимаю роман как жанровую картинку. Его нелепицы вызывают у меня смущенную улыбку, но я не трогаю их, потому что они принадлежат своему времени, и если роман чего-то стоит (а об этом судить читателям), то именно благодаря достоверному, хочется верить, отображению жизни в одном из уголков Англии на закате девятнадцатого столетия.

Действие происходит между 1890 и 1900 годом. Мир тогда сильно отличался от теперешнего. Телефон и граммофон уже были изобретены, однако стали частью обыденной жизни и заняли место в каждом доме лишь много лет спустя. Радио, конечно, еще не знали. Автомобиль также принадлежал будущему, а первый летательный аппарат братья Райт продемонстрировали только в 1903 году. Повсеместно вошли в моду «безопасные» велосипеды, и собирались целые компании, чтобы прокатиться на них в парк Баттерси или за город.

Женщины убрали волосы в высокую прическу, а если длины не хватало, на голове закреплялась накладная из собственных же волос, вычесанных гребнем. Поверх такого внушительного сооружения надевалась шляпка, украшенная цветами, фруктами и перьями. Дамы носили высокие воротники и пышные юбки в пол, а также корсеты на китовом усе, затянутые до невозможности. Молоденькие девушки хвастались восемнадцатидюймовыми талиями. Одно время невероятно модным считался рукав, пышный у плеча и узкий от локтя до запястья. К концу десятилетия волосы уже не забирали на макушке, а укладывали в «пучок» на затылке, и все женщины взбивали замысловатую (часто искусственную) челку. Горничные носили чепчики и опрятные фартуки, а хозяйка могла посчитать за дерзость, если прислуга явилась бы ей на глаза без головного убора.

Для визитов в гости, клубы и конторы мужчины надевали сюртуки и цилиндры. Некоторые смельчаки носили визитки, разумеется, с шелковым цилиндром. Котелок служил при-

¹ Легкий наемный экипаж (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Дамы высшего света (фр.).

³ Кокотки, женщины легкого поведения (фр.).

⁴ Няньки (фр.).

надлежностью автобусных кондукторов, кучеров, клерков и прошелыг. На вечерние приемы мужчинам полагался фрак с черным жилетом и белым галстуком; в белых жилетах ходили только важные персоны. О смокинге ничего не слышали. Даже в сельской местности, где были привычны костюмы из твида и бриджи, пока не окрещенные брюками-гольф, мужчины носили жесткие стоячие воротнички и крахмальные рубашки.

Эра близилась к концу, однако поместное дворянство, которому вскоре предстояло лишиться власти, принадлежавшей им столь долгое время, даже не подозревало об этом. В связи с упадком сельского хозяйства земля перестала быть источником дохода, и все же, несмотря на это, мелкопоместные дворяне верили, что все будет идти своим чередом, как раньше. К классу богатых капиталистов, уже начавшему их вытеснять, они испытывали только презрение. Они принадлежали к благородному сословию. Да, по большей части эти люди были глупы, ограниченны и нетерпимы; чересчур благонаравны и педантичны, но при этом не лишены достоинств. Думаю, автор обошелся с ними не совсем справедливо. Они жили и действовали согласно своим убеждениям. То, что кто-то рожден владеть именем, а прочие обязаны трудиться на его земле за сущие гроши, считалось естественным, и не в праве английского джентри было посягать на волю непостижимого провидения. В общем и целом поместные дворяне были честными, порядочными людьми, лишены зависти, хорошо воспитанными, добрыми и радушными, но они пережили свое время, и то, что в ходе событий им было суждено исчезнуть, пожалуй, можно считать неизбежностью. Теперь их усадьбы либо заброшены, либо переделаны под школы или дома престарелых, а на обширных участках, которые они распродали, построены дома, пабы и кинотеатры.

Как это распространено среди романистов, автор «Миссис Крэдок» списал своих персонажей (за единственным исключением) с реальных, знакомых ему людей. Исключение это составляет мисс Лей. Прообразом ее героини послужила портретная статуя Агриппины⁵ из музея в Неаполе. Звучит неправдоподобно, но это факт. При всем том, когда я перечитывал книгу, меня главным образом привлекла фигура автора, явно проступающая на страницах романа. По-видимому, его нельзя было назвать приятным молодым человеком. Взять хотя бы нелепые предубеждения этого чудака: не понимаю, почему он так невзлюбил георгианский стиль. По-моему, ни в одной другой стране жилищная архитектура не достигла таких высот, как в Англии при Георгах: дома, возведенные в этот период, были величавы, красивы и просторны. Тем не менее, описывая дом, в котором жила главная героиня, автор неизменно делал это со злой насмешкой, называл «пятном, уродующим пейзаж». Подозреваю, его немало восхищали особняки из красного кирпича со створчатыми окнами и мансардными крышами, которые архитекторы возводили повсюду в сельской местности. Однако это всего лишь вопрос вкуса, а, как известно, человек может иметь вялый характер и одновременно обладать тонким вкусом.

Не знаю, с какой стати автор полагал (если только не позаимствовал свое мнение у Мэтью Арнольда⁶), что все англичане – обыватели и что остроумие, блестящие способности и культура достались исключительно французам. Молодой писатель не упускал шанса пройти насчет соотечественников. С определенной наивностью он оценивал французов так же высоко, как они ценят себя сами, и ни на миг не сомневался в том, что Париж – средоточие цивилизации. Современную французскую литературу он изучил лучше, нежели отечественную. Именно под влиянием первой он приобрел некоторую манерность письма, например, целые ряды многоточий, о которых я уже упоминал и которыми французские писатели того времени пользовались сверх меры. Единственным оправданием автору, помимо молодости, может служить то, что

⁵ Агриппина (часто Агриппина Младшая; 15 – ок. 59 н. э.) – внучка императора Тибериуса, сестра Калигулы, мать Нерона.

⁶ Мэтью Арнольд (1822–1888) – английский поэт и культуролог, один из наиболее авторитетных литературоведов и эссеистов викторианского периода. Стоял у истоков движения за обновление англиканской церкви.

Англия для него олицетворяла сдержанность и подчинение условностям, тогда как Франция – вольный дух и свободу. Я крайне неодобрительно отношусь к его привычке время от времени вылезать на первый план романа и с едким сарказмом обращаться непосредственно к читателю. Где он обучился этому скверному приему, сказать трудно.

В силу того, что для своего возраста автор немало попутешествовал по Европе и довольно свободно разговаривал на четырех иностранных языках, а также по той причине, что молодой человек много читал не только на английском и французском, но и на немецком, испанском и итальянском языках, у него сложилось чрезвычайно благоприятное мнение о себе. Бывая в Европе, он свел знакомство с людьми – молодыми и не очень, – которые разделяли его превратные убеждения. Со средствами, достаточными для жизни в те недорогие времена, и дипломом без отличия они приезжали из Оксфорда или Кембриджа и вели бесцельное существование в Париже, Флоренции, Риме и на Капри. Писатель был слишком простодушен и не замечал в них безвольных слабаков. Они не стеснялись называть себя эстетами и воображали, что сгорают ярким, небесным пламенем. Они полагали Оскара Уайльда величайшим мастером английской прозы девятнадцатого века. Сознывая в душе, что приятели находят его незрелым юнцом и даже в чем-то мещанином, автор изо всех сил старался соответствовать их высокому уровню. Он послушно восхищался произведениями искусства, которые вызывали восхищение у них, и презирал все то, что презирали они. Наш молодой человек был не только глупым, но также надменным, самоуверенным и часто вздорным. Если бы я встретился с ним сейчас, то с первой же минуты почувствовал бы к нему глубокую неприязнь.

У.С.М.

1955

Письмо-посвящение

«Дорогая мисс Лей!

Полагаю, вы не сочтете оскорбительным, если я задамся вопросом, когда же, собственно, имел счастье познакомиться с вами. И хотя я прекрасно помню, что это случилось не так давно, мне кажется, что мы с вами знакомы целую жизнь. Если не ошибаюсь, наша встреча произошла позапрошлым летом в Неаполе, верно? (Я все забываю, отчего вы, по обыкновению, посещаете зимние курорты в конце лета; названные вами причины были своеобразны, но не убедительны – надеюсь, не ради того, чтобы избежать общения с соотечественниками?) В тот день я наслаждался видом прекрасной портретной статуи Агриппины в Галерее Шедевров, когда вы, присев рядом, о чем-то меня спросили. Мы разговорились (кстати, оба даже не подумали, требует ли этикет присутствия кого-либо из родственников; вы сразу положились на мою порядочность) и с тех пор провели вместе немало времени. По правде говоря, вы почти не покидали моих мыслей.

Теперь, когда наши пути расходятся (от этой избитой фразы вы наверняка поморщитесь), позвольте сказать вам, какую радость доставило мне ваше расположение и какое невыразимое удовольствие я получал от наших встреч, всякий раз сожалея, что неумолимые обстоятельства делают их столь редкими. Должен признаться, я благоговею перед вами, хотя вы этому и не поверите, ведь не раз упрекали меня в легкомыслии (на самом деле вы гораздо несерьезней меня!), однако ваша легкая насмешливая улыбка в ответ на какое-либо мое замечание постоянно заставляет меня думать, что я сказал глупость – а по вашему мнению, нет на свете более тяжкого греха...

Вы как-то говорили, что, если знакомство оставило приятное воспоминание, следует избегать соблазна возобновить его – иное время и место способствуют новым впечатлениям, которые не могут соперничать со старыми, вдвойне идеализированными сперва новизной, затем расставанием. Эта максима сурова, но оттого, видимо, еще более верна. И все же не хотелось бы верить, что будущее приготовило нам лишь забвение. Меня ожидает работа, а вы затеряетесь в лабиринте итальянских отелей, в которых, по странному капризу, предпочитаете прятать свои достоинства от окружающих. Я не рассчитываю на встречу с вами (звучит ужасно сентиментально, а вы, знаю, терпеть не можете бурного проявления чувств. И – да, в моем письме чересчур много скобок), однако же страстно надеюсь, что однажды вы решитесь на этот маленький эксперимент. Что скажете?

Искренне преданный вам, дорогая мисс Лей (пожалуйста, не смейтесь, я хотел бы написать – Любящий вас),

У.М.».

Глава I

Эту книгу можно также озаглавить «Триумф любви».

Берта смотрела из окна на унылую серость дня. Небо было свинцовым, тучи – тяжелыми и низкими. На неухоженной подъездной аллее, ведущей к воротам, бесчинствовал ветер; с обрамлявших дорогу вязов облетела вся листва, их голые ветви словно дрожали от страха перед наступающим холодом. Стоял конец ноября, день выдался мрачный и безрадостный. Казалось, уходящий год отбрасывает на все вокруг тень смертного ужаса. Воображение отказывалось рисовать в измученном мозгу картины благословенного сияния солнца, картины весны – юной девы, которая щедро разбрасывает из своей корзины цветы и зеленые листья.

Берта обернулась и посмотрела на тетюшку, разрезавшую страницы свежего номера журнала «Спектейтор». Прикидывая, какую книгу взять у Мьюди⁷, мисс Лей пробежала глазами осенние списки и хвалебные фразы, выуженные ловкими издателями из неблагоприятных отзывов.

– Что-то ты сегодня беспокойна, Берта, – заметила тетя в ответ на пристальный взгляд племянницы.

– Пожалуй, прогуляюсь к воротам.

– Ты ходила туда уже дважды за последний час. Обнаружила что-то новое?

Берта не ответила и опять отвернулась к окну; дневной пейзаж запечатлелся в ее сознании до последней мелочи.

– О чем вы думаете, тетя Полли? – спросила она, внезапно обернувшись к тетюшке и поймав устремленный на нее взор.

– О том, что необходимо обладать большой проницательностью, чтобы распознать переживания девушки по виду ее прически.

– Да нет у меня никаких переживаний, – рассмеялась Берта. – Наоборот, мне хочется... – она умолкла, подыскивая слова, – распустить волосы, встряхнуть ими, что ли.

Мисс Лей ничего не сказала и опустила глаза в журнал. Она едва ли задумалась над тем, что имела в виду племянница, давно перестав изумляться ее привычкам и поступкам. Удивление тетюшки вызывало лишь то, что эти привычки и поступки слабо соответствовали общепринятому мнению о Берте как о независимой молодой женщине, от которой следует ожидать чего угодно. За три года, прожитые вместе после кончины отца Берты, обе женщины научились прекрасно ладить друг с другом. Их взаимная привязанность была сдержанной и всячески достойной уважения, как нельзя более подходящей двум благовоспитанным дамам, связанным вопросами обоюдного удобства и внешних приличий.

Мисс Лей, призванная в Италию к смертному одру брата, познакомилась с племянницей в силу прискорбных обстоятельств, и к тому времени Берта оказалась слишком взрослой и независимой, чтобы признать авторитет чужого человека. С другой стороны, мисс Лей не имела ни малейшего желания кем-либо командовать. Она была пассивной натурой, никого не трогала и желала лишь, чтобы ее тоже оставили в покое. Однако если долг повелевал ей взять под свое крыло осиротевшую племянницу, было только к лучшему, что Берте уже восемнадцать и девушка (если бы не условности «приличного общества») вполне способна о себе позаботиться. Мисс Лей возблагодарила провидение, открыв, что ее подопечная решительно настроена идти своим путем и не цепляться за юбки старой девы, которая горячо дорожит своей свободой.

⁷ Чарльз Эдуард Мьюди (1818–1890) – основатель одной из лондонских библиотек, выдававших на дом художественную литературу; изучал читательские вкусы и открыл большое количество филиалов.

Они путешествовали по континенту, осматривали церкви, картины и города, более всего стремясь при этом скрыть друг от друга свои эмоции. Подобно краснокожему индейцу, который сносит самые страшные пытки со стиснутыми зубами, мисс Лей считала в высшей степени позорным проявлять чувства при виде трогательной сцены. Сентиментальность она прятала за тонким цинизмом, шутила, что не способна плакать, и банальность этого приема – подражание лицедею Гримальди⁸ – заставляла мисс Лей посмеиваться над собой; слезы она считала неприличной слабостью. «Слезы даже хорошенькую женщину превращают в пугало, а уж дурнушку делают просто отталкивающей», – говаривала она.

В конечном итоге мисс Лей сдала внаем свою лондонскую квартиру и вместе с Бертой поселилась в родовом имении Корт-Лейз недалеко от Блэкстебла, в графстве Кент, обратившись к радостям сельской жизни. Дамы жили в полной гармонии, хотя внешне демонстрация взаимной привязанности ограничивалась лишь вежливым поцелуем по утрам и вечерам, почти одинаково бесстрастным, как с отдающей, так и с принимающей стороны. Обе ценили достоинства друг друга, особенно талант к острословию, который время от времени проявлялся в легких дружеских колкостях. Тем не менее у обеих хватало ума жить в ладу, и поскольку одна к другой не питала ни пылкой любви, ни холодной ненависти, поводов портить отношения просто не было. Собственно, именно поэтому беспокойство Берты в тот самый день ничуть не тревожило мисс Лей и, по ее мнению, легко объяснялось жаром молодой крови. Повышенный интерес племянницы к воротам в холодный и мрачный осенний вечер не вызвал у тетки ни осуждающего жеста, ни удивленного движения бровей.

Берта надела шляпку и вышла. Аллея из вязов, двумя ровными рядами протянувшихся от фасада Корт-Лейз до ворот, ранее представляла собой внушительное зрелище, но теперь прямо свидетельствовала об упадке старинной усадьбы. Там и сям на месте поваленных деревьев зияли прогалы, а один громадный ствол, рухнувший во время прошлогодней бури, до сих пор валялся на земле и гнил, к полному равнодушию управляющих и фермеров-арендаторов. По обе стороны от вязовой аллеи тянулись широкие полосы луга, некогда хорошо ухоженного, а ныне заросшего щавелем и сорняками. Там, где когда-то прогуливались изящные дамы в кринолинах и джентльмены в париках с бантами, обсуждавшие последние труды Ричардсона⁹, сейчас щипали траву овцы. За лугом тянулась живая изгородь, которую давно не подстригали, а за ней широко простиралась угодья семьи Лей.

Берта шла и смотрела на большую дорогу за воротами; для нее было облегчением не ощущать на себе холодного взгляда тетки. Чувства теснили грудь Берты, трепыхались, словно птицы в силках, рвущиеся на свободу, однако ни за что на свете молодая женщина не позволила бы кому-то заглянуть ей в душу, переполненную надеждами, смутной тоской и тысячью непонятных желаний. Она вышла на сельский тракт, что вел из Блэкстебла в Теркенбери; вся дрожа, с бьющимся сердцем устремила взгляд вперед. Дорога, подметаемая ледяным ветром, была пустынна, и Берта едва не застонала от разочарования.

Вернуться домой она не могла: стены и крыша казались душной тюрьмой. Берта испытывала какое-то особенное удовольствие, стоя на обжигающе-холодном ветру, который забирался под одежду и пронизывал до костей. Ожидание было невыносимым. Берта вернулась за ворота и посмотрела на дорожку, ведущую к большому белому зданию – ее дому. Подъездной путь требовал поправки; сухие листья, которые никто не трудился убирать, с шелестом носились во всех направлениях. Особняк высился прямоугольной коробкой, не вписываясь в окружающий пейзаж. Построенный при короле Георге II, он, казалось, так и не приобрел власти над землей,

⁸ Джозеф Гримальди (1778–1837) – английский актерклоун.

⁹ Сэмюэл Ричардсон (1689–1761) – английский писатель, родоначальник «чувствительной» литературы XVIII и начала XIX вв.

которую занимал. Невыразительный фасад, вереница окон и дорический портик ровно посередине – дом будто бы поставили на землю без всякого фундамента, точно карточный домик на пол. Годы не сделали сооружение красивее, и сейчас оно смотрелось так же, как сто с лишним лет назад, – уродливым пятном на местности, чужеродным и пошлым. Дом стоял в окружении полей, за ним не было даже сада, лишь несколько клумб перед крыльцом. За цветами никто не ухаживал, и они частью буйно разрослись, частью засохли.

День клонился к вечеру, хмурые тучи, казалось, забирали свет. Берта уже потеряла всякую надежду, но в последний раз взглянула на дорогу, и сердце екнуло у нее в груди. Она залилась румянцем, кровь хлынула по венам с внезапной быстротой. Испугавшись своего смятения, девушка едва не поддалась порыву убежать домой. Она уже забыла долгие мучительные часы, которые провела в ожидании того, кто сейчас поднимался вверх по склону.

Он приближался – высокий мужчина двадцати семи лет, плотного телосложения, крупный в кости, с длинными руками и ногами и великолепной широкой грудью. Про него с уверенностью можно было сказать «силен как бык». Берта узнала костюм, который ей всегда нравился: бриджи и гетры, просторная куртка из плотного твида, пояс, белый шарф и картуз – типичный наряд для сельской местности, которую Берта уже почти полюбила ради этого человека, и очень мужественный. Даже огромные сапоги, в которые он был обут, вызывали у нее радостное возбуждение; их размер свидетельствовал о решительном характере и уверенности, что невероятно импонировало. Стиль одежды как нельзя лучше соответствовал фону – темной дороге и вспаханым полям. «Интересно, сознает ли он собственную привлекательность?» – про себя подумала Берта.

– Добрый день, мисс Берта, – поздоровался он, проходя мимо.

Задерживаться мужчина не собирался, и при мысли о том, что он уйдет, ограничившись простым приветствием, у Берты упало сердце.

– Я узнала вас, когда вы шли вверх по дороге, – произнесла она и протянула руку.

Человек остановился и пожал ее. Прикосновение его больших сильных пальцев повергло Берту в трепет. Массивная и крепкая ладонь была словно вытесана из камня. Берта подняла глаза и улыбнулась.

– Сегодня холодно, правда? – сказала она.

Как ужасно, когда из тебя рвутся наружу страстные признания, а приличия требуют скрывать их и придерживаться скучных общепринятых фраз!

– Если двигаться со скоростью пять миль в час, не замерзнешь, – бодро отозвался он. – Я ходил в Блэкстебл, договаривался о покупке лошади.

Он так и излучал здоровье. Ноябрьские ветра обдували его, точно легкий летний бриз, и лицо светилось на бодрящем морозце – щеки покраснелись, в глазах искрился огонек. Энергия была из него ключом, распространяя вокруг почти осязаемое тепло.

– Вы гуляли? – спросил он.

– Ах, нет, – ответила Берта, слегка греша против истины. – Прошлась до ворот и случайно заметила вас.

– Я очень рад встрече. В последнее время вас почти не видно, мисс Берта.

– Не называйте меня «мисс Берта»! – воскликнула она. – Звучит просто ужасно!

В действительности обращение звучало еще хуже – почти по-лакейски.

– В детстве мы звали друг друга по имени, – напомнила она.

Он немного покраснел, и его застенчивость отозвалась в душе Берты радостной ноткой.

– Да, но когда вы вернулись полгода назад, то очень изменились, и я не осмеливался...

Кроме того, вы сами назвали меня «мистером Крэддоком».

– Ладно, с этим покончено, – улыбнулась Берта. – Я гораздо охотней буду звать вас Эдвардом.

Она умолчала о том, что из всех христианских имен это имя казалось ей самым прекрасным, как и о том, что за последние недели мысленно повторяла его тысячу раз.

– Как в старые добрые времена, – сказал он. – Помните, как весело мы проводили время, когда вы были маленькой девочкой, еще до того, как уехали за границу с мистером Леем?

– О да! И на ту маленькую девочку вы смотрели с полным презрением, – рассмеялась Берта.

– Ну и вот, когда я впервые увидел вас после вашего возвращения – в длинном платье, с прической, – то жутко оробел, – признался он.

– Не такая уж я и страшная!

Они смотрели друг другу в глаза уже пять минут, и вдруг без всякой причины Эдвард Крэдок залился краской. Это не укрылось от Берты, и приятная дрожь короткой волной пробежала по ее телу. Она тоже вспыхнула, темные глаза засверкали ярче.

– Жаль, что мы видимся так редко, мисс Берта, – произнес Крэдок.

– Сами виноваты, любезный сэр, – ответила она. – Вступите на путь, что ведет в мой чертог, и в конце обязательно увидите дверь.

– Я побаиваюсь вашей тетушки.

С языка Берты едва не сорвалось, что трус никогда не завоюет красавицы, но из скромности молодая женщина сдержалась. Ее вдруг охватило оживление, она почувствовала себя невероятно счастливой.

– Вы очень хотите повидаться со мной? – с бьющимся сердцем спросила она.

Крэдок опять покраснел и замялся; его примечательный внешний облик и смущенный вид стали для Берты источником новых радостей.

«Если бы он только знал, как я его обожаю!» – думала она, разумеется, не имея возможности сделать признание вслух.

– Вы сильно переменились за эти годы, – произнес Крэдок. – Я вас не понимаю.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Конечно, очень хочу, Берта, – быстро сказал он, очевидно, собрав все свое мужество. – Я мечтал бы всегда видеть вас.

– Что ж, – с чарующей улыбкой промолвила она, – после ужина я иногда совершаю прогулку к воротам и смотрю на вечерние тени.

– Бог ты мой, мне бы раньше знать!

«Дурачок, – мысленно усмехнулась Берта, – не догадывается, что сегодня я выйду на эту «прогулку» впервые».

Она с улыбкой сказала Крэдоку «до свидания», и они расстались.

Глава II

Берта летящей походкой вернулась в дом. Мысли о любви, словно стайка птиц, порхали над ее головой. Амур перелетал с ветки на ветку и пускал свои стрелы в распаханное девичье сердце. Воображение Берты покрыло голые сучья нежно-зеленой листвой, окрасило серое небо в лазурь. Сегодня Эдвард Крэдок впервые явно выказал свою любовь. Прежде о его чувствах можно было лишь догадываться, и сомнения причиняли Берте ужасные муки. Что до нее, она не обманывала себя и не стыдилась: она безумно любила Крэдока и была готова целовать землю, по которой тот ступал. Берта храбро заявляла всему свету, что Эдвард – единственный мужчина, способный составить ее счастье, и потому она готова отдать свою судьбу в его сильные мужественные руки. Берта полностью уверилась, что Крэдок должен повести ее к алтарю. «Я хочу быть его женой», – сладко замирая от страсти, думала она.

Бесчисленное множество раз она представляла себя в его объятиях – в этих крепких руках, одна мысль о которых защищала от всех мирских напастей. О да, она грезила о том, как он обнимет и поцелует ее; чувствовала прикосновение его губ, теплое дыхание и едва не лишалась чувств от любовной лихорадки.

Как же дождаться вечера, как пережить эти медленно тянущиеся часы? Все это время ей придется сидеть напротив тетюшки и вести беседу либо делать вид, что она занята чтением. Боже, это невыносимо! Ни с того ни с сего Берта задалась вопросом, знает ли Эдвард о ее любви. Он и представить не может, какую страсть пробудил в ней.

– Прошу прощения, что опоздала к чаю, – извинилась она, войдя в гостиную.

– Дорогая, – отозвалась мисс Лей, – тосты с маслом, конечно, уже совершенно несъедобны, съешь лучше кекс.

– Не хочу ничего есть! – воскликнула Берта и бросилась в кресло.

– Зато, как видно, умираешь от жажды, – прибавила мисс Лей, в упор глядя на племянницу. – Возьмешь чашку побольше?

Тетя пришла к выводу, что причиной беспокойства и долгого отсутствия Берты может быть только мужчина. Про себя она пожала плечами: какая в общем-то разница, кто именно? «Жених наверняка незавидный, – подумала мисс Лей. – Надеюсь, они не станут тянуть со свадьбой». Старую деву отнюдь не прельщала мысль несколько месяцев терпеть в доме робкого воздыхателя, истомленного чувством. Она считала, что все ухажеры попросту смешны и их следует скрывать, так же, как сыновья Ноя укрыли отцовскую наготу.

Мисс Лей наблюдала, как Берта жадно допивает шестую чашку чая. Разумеется, эти сияющие глаза, алые щеки, вздымающаяся грудь свидетельствовали о любовном волнении. Зрелище забавляло тетюшку, однако из снисходительности она благоразумно притворилась, что ничего не замечает. «В конце концов, меня это не касается, – размышляла мисс Лей. – Но если уж Берта собралась замуж, лучше бы ей управиться с этим до следующего квартального дня¹⁰, когда Брауны съедут с моей квартиры».

Мисс Лей сидела на кушетке у камина – среднего роста, сухая, с худым морщинистым лицом. Среди ее черт более всего выделялся рот, не слишком крупный, с чуть тонковатыми губами, которые всегда были крепко поджаты, что сообщало ей донельзя решительный вид. Уголки губ, однако, обладали выразительной подвижностью, странно противоречившей выводам, каковые можно было сделать из ее облика в целом. Мисс Лей имела привычку буравить собеседников холодным пристальным взглядом, и это было, мягко говоря, довольно неприятно.

¹⁰ Квартальный день – день, начинающий квартал года; день квартальных платежей (в Великобритании: 25 марта, 24 июня, 29 сентября и 25 декабря).

Говорили, что мисс Лей смотрит на людей так, будто считает их непроходимыми дураками, и, между прочим, в большинстве случаев именно этого мнения она и придерживалась. Ее жидкие седые волосы были уложены совсем просто, а чрезвычайно скромный костюм придавал определенную чопорность, так что излюбленная манера мисс Лей изрекать всякие нелепицы с самым серьезным и благочинным выражением лица зачастую повергала случайного собеседника в замешательство. Создавалось впечатление, что эта женщина, в юности не отличавшаяся красотой, в зрелом возрасте обрела гораздо более располагающую внешность. Молодые джентльмены изрядно опасались мисс Лей, но лишь до тех пор, пока не обнаруживали, что служат для нее неиссякаемым источником развлечения, тогда как дамы преклонного возраста полагали, что мисс Лей, будучи, безусловно, благовоспитанной леди, все же имеет свою чудинку.

Берта допила чай и поднялась.

– Знаете, тетушка, – сказала она, – мне кажется, вас следовало бы назвать Мартой или Матильдой. «Полли» вам как-то не подходит.

– Милочка, не надо подчеркивать, что мне сорок пять. И пожалуйста, не улыбайся так, будто знаешь, что на самом деле мне сорок семь. «Сорок пять» устраивает меня просто потому, что это круглая цифра. Через год я буду говорить, что мне пятьдесят. Сорок восемь – совершенно неопределенный возраст, и женщине ни к чему в нем сознаваться, если только она не намерена выйти за вдовца с семнадцатью детьми.

– Тетя Полли, почему вы не вышли замуж? – спросила Берта, глядя в сторону.

Мисс Лей едва заметно улыбнулась; вопрос племянницы показался ей очень существенным.

– А зачем? – произнесла она. – Я имею пятьсот фунтов годового дохода. Ах, понимаю, ты не то ожидала услышать. Извини, но трагической любви у меня не случилось. Как правило, оправданием для старой девы может служить лишь тот факт, что она тридцать лет чахла от тоски по возлюбленному, который либо умер и теперь над его могилой растут подснежники, либо женился на другой.

Берта промолчала. Для нее мир расцвел радужными красками, и она не хотела ничего слышать о несовершенствах человеческой природы. Она поднялась наверх, села у окна и принялась задумчиво смотреть в сторону фермы, где жил Эдвард. Любопытно, чем сейчас занят предмет ее обожания? Ждет ли вечера с тем же нетерпением, что и она? Внушительное препятствие в виде большого холма, разделявшее Берту с любимым, сильно ей досаждало. За ужином она не промолвила и двух слов. К счастью, мисс Лей тоже молчала. Берта не могла проглотить ни кусочка. Она крошила свой хлеб и возила по тарелке предложенную еду, постоянно бросала взгляд на часы, а когда они пробили, отчего-то вздрогнула.

Придумать какой-либо предлог для мисс Лей Берта не потрудилась, предоставив тетке думать все, что угодно. Было темно и холодно. Берта выскользнула через черный ход. Восхитительное ощущение того, что она совершает нечто рискованное, будоражило кровь. Ноги, однако, едва держали ее. Похожего прежде не бывало: Берта еще никогда не испытывала такой страшной слабости в коленях и теперь попросту боялась упасть. Дышать почему-то стало тяжело, сердце колотилось как сумасшедшее. Она шла по аллее, почти не сознавая, что делает. А что, если Эдварда нет, если он совсем не придет? Берта заставляла себя сидеть в комнате до тех пор, пока желание выйти не обуяло ее с неистовой силой, и сейчас боялась даже представить, что, придя к воротам, не найдет там Эдварда. Это будет означать лишь одно: он ее не любит. Берта остановилась и всхлипнула. Может быть, стоит подождать, ведь еще рано? Однако нетерпение подгоняло молодую женщину вперед.

Она тихонько вскрикнула: Крэддок неожиданно выступил перед ней из темноты.

– Ох, простите, – сказал он. – Я вас напугал. Решил, вы не будете против, если я приду. Вы на меня не сердитесь?

Берта задыхалась от счастья, на сердце у нее мгновенно стало легко. Значит, он все-таки любит ее, да еще переживает, что она может рассердиться!

– Я вас ждала, – шепнула она.

Какой смысл изображать робость и стыдливость? Они любят друг друга, так почему Берте не открыть свои чувства?

– Здесь очень темно, – сказал он. – Я вас не вижу.

Берта была так безумно счастлива, что утратила дар речи. Сейчас ей хотелось лишь лепетать: «Я тебя люблю, люблю!» Она приблизилась к Эдварду, чтобы коснуться его. Почему же он не заключает ее в объятия, почему не целует, как ей виделось в мечтах? Но как только Крэддок взял ее за руку, Берту словно пронзило током; перед глазами все поплыло, она едва не зашаталась.

– Что случилось? – встревожился он. – Вы дрожите?

– Просто немного замерзла, – Берта изо всех сил старалась говорить спокойно, но все слова куда-то пропали.

– Вы совсем раздеты. Накиньте-ка вот это, – сказал Крэддок и начал стягивать с себя куртку.

– Нет, нет, – забеспокоилась Берта, – вы замерзнете.

– Да нет, что вы.

Этот поступок показался Берте верхом бескорыстной доброты, сердце ее преисполнилось благодарности.

– Эдвард, вы так добры, – прошептала она чуть не со слезами.

Он обернул куртку вокруг ее плеч, и от прикосновения его рук Берта утратила остатки самообладания. По телу пробежала сладкая судорога, она теснее прижалась к Крэддоку. В тот же миг его руки скользнули вниз и обняли ее талию. Берта сдалась в его объятия и подняла глаза, Крэддок наклонился и поцеловал ее. Поцелуй привел Берту в такой экстаз, что она едва не застонала – то ли от боли, то ли от наслаждения. Она обвила руками шею Эдварда и привлекла его к себе.

– Какая же я дурочка, – наконец промолвила она, издав нечто среднее между смешком и всхлипом.

Берта немного отстранилась, правда, не настолько, чтобы Эдвард отнял руку, так уютно лежавшую на ее талии. Почему он ничего не говорит, не клянется в любви? Почему не просит того, чем она готова его одарить? Она склонила голову на плечо Крэддоку.

– Берта, я тебе нравлюсь? – спросил он. – Я хотел спросить тебя об этом с тех самых пор, как ты вернулась.

– Разве сам не видишь? – Уверенность вернулась к Берте. Она поняла, что признаться ему мешала лишь робость. – Глупый, не надо стесняться!

– Тебе известно, кто я такой, и...

– Что?

– Ты – мисс Лей, хозяйка Корт-Лейз, а я всего-навсего один из твоих арендаторов, без всяких средств.

– Я и сама небогата, – ответила Берта, – но если бы имела десять тысяч в год, с радостью положила бы эти деньги к твоим ногам.

– Берта, о чем ты? Не будь жестока со мной. Ты знаешь, чего я хочу, но...

– Ну, насколько я поняла, ты хочешь сделать мне предложение, – улыбнулась она.

– Не насмехайся надо мной, Берта. Я люблю тебя и мечтал бы просить твоей руки, но понимаю, что не вправе, потому что ничего не могу тебе дать. Пожалуйста, не сердись.

– Я ведь люблю тебя всем сердцем! – воскликнула Берта. – Мне не надо другого мужа. Ты сделаешь меня счастливой, а иного я и не желаю.

Крэддок снова заключил ее в страстные объятия и поцеловал.

– Неужели ты не замечал моей любви? – прошептала Берта.

– Я догадывался, но не был до конца уверен, и потом, я боялся, что окажусь недостаточно хорош для тебя.

– Я тебя обожаю. Раньше я не знала, что можно любить так сильно. О, Эдди, ты даже не представляешь, сколько счастья принес в мою жизнь.

Крэддок еще раз поцеловал ее, она вновь обняла его за шею.

– Тебе не пора домой? – спохватился он. – Что скажет мисс Лей?

– Нет, нет, погоди, – запротестовала Берта.

– Как ты откроешься ей? Думаешь, она не будет против? Твоя тетя наверняка уговорит тебя порвать со мной.

– Ты ей понравишься, и не сомневайся. А даже если и нет, какая разница? Не ей ведь выходить за тебя.

– Она опять увезет тебя за границу, и там ты полюбишь другого.

– Эдвард, ты что, не знаешь? Завтра мне исполняется двадцать один год, и я сама смогу распоряжаться своей судьбой. Я не покину Блэкстебл, пока не выйду за тебя.

Пара медленно брела к дому – Крэддок настоял на этом, опасаясь, что Берта слишком долго пробудет на холоде. Они шли рука об руку, Берта наслаждалась своим счастьем.

– Завтра к нам на ленч должен прийти доктор Рамзи, – сообщила она. – Тогда-то я и объявлю, что собираюсь за тебя замуж.

– Ему это придется не по душе, – нервно заметил Крэддок.

– А мне все равно. Если мы с тобой этого хотим, все остальные пусть думают, как им заблагорассудится.

– Ладно, отдаю все в твои руки.

Они подошли к крытой галерее перед входом, Берта неуверенно посмотрела на дверь.

– Пожалуй, я пойду, – сказала она, втайне надеясь, что Эдвард предложит сделать еще один круг по саду.

– Да-да, иди, – ответил он. – Не хватало еще, чтобы ты простудилась.

Как мило с его стороны беспокоиться о ее здоровье! И конечно, он прав. Эдвард прав в каждом слове, в каждом поступке. Берта вдруг забыла о своей упрямой натуре и почувствовала жгучее желание полностью покориться воле Крэддока. Сила этого человека вызывала у нее странное ощущение собственной слабости.

– Доброй ночи, любимый! – горячо прошептала Берта.

Она не могла оторваться от него, словно безумная. Поцелуи никак не кончались.

– Доброй ночи!

Когда фигура Крэддока наконец растворилась во тьме, Берта вошла в дом и закрыла дверь.

Глава III

И у старых, и у молодых за большим горем следует бессонная ночь. На стариков так же действует и большая радость, однако для юной души счастье, по-видимому, более естественное состояние, и потому оно не нарушает ночного покоя. Берта крепко спала без снов, а проснувшись, поначалу не помнила вчерашних событий. Внезапно память к ней вернулась, и она потянулась в кровати с удовлетворенным вздохом.

Лежа в кровати, она размышляла о своем счастье. Берта с трудом верила, что ее самое заветное желание осуществилось. Милосердный Господь дал чадам своим то, о чем они просили; Берта мысленно вознесла жаркую благодарственную молитву. Странно было сознавать, что после мучительного ожидания, надежд и страхов, любовных терзаний – жгучих, но почти что сладостных, в конце концов все закончилось хорошо. Предел мечтаний достигнут, ей больше нечего желать. Ах, в самом деле, Господь все милостив!

Берта вспоминала о двух месяцах, которые провела в Блэкстебле. После того как улеглось первое волнение, связанное с возвращением в отцовский дом, она погрузилась в скучные будни деревенской жизни. Днем Берта обычно бродила по сельским тропинкам или гуляла вдоль побережья, глядя на безбрежную пустыню моря. Она много читала, охотно тратя массу свободного времени на удовлетворение безудержной тяги к знаниям. Берта провела немало часов в библиотеке, по большей части собранной ее отцом, поскольку к литературе семейство Лей обратилось только после того, как дела пришли в значительный упадок и прочие развлечения стали недоступны. Берта изучала корешки, испытывая некоторое волнение при виде великих имен прошлого, и предвкушала удовольствие, которое они доставят ей при прочтении. Она ни с кем не встречалась, за исключением своего опекуна доктора Рамзи, его супруги, а также викария с сестрой.

Как-то раз она пришла к викарию и застала там Эдварда Крэдока, который только что вернулся из короткой поездки. Раньше они знали друг друга; его отец арендовал землю у отца Берты, и Эдвард до сих пор обрабатывал тот же участок. Правда, они не виделись целых восемь лет, и сейчас Берта узнала его с большим трудом. Тем не менее Эдвард, одетый в бриджи и толстые гетры, показался ей красавцем, и она обрадовалась, когда тот подошел к ней спросить, помнит ли она его. Крэдок сел рядом, и Берта безошибочно уловила приятный дух деревенского подворья – смесь ароматов крепкого табака, скотины и лошадей. Она и сама не поняла, почему этот запах заставил сердце биться быстрее, однако с наслаждением вдыхала его, и в глазах ее сверкал огонек. Крэдок заговорил, и для слуха Берты его голос звучал будто песня. Ей очень понравились его выразительные серые глаза. У Эдварда было чисто выбритое лицо и красиво очерченный рот. Берта краснела и чувствовала себя ужасно глупо, хотя изо всех сил старалась выглядеть очаровательной. Она знала о том, как красивы ее собственные темные глаза, и не сводила их с Эдварда. Наконец он стал прощаться и пожал ей руку. Берта чрезвычайно разволновалась, ее щеки опять вспыхнули румянцем. Когда Эдвард встал и сильный запах мужчины-фермера опять достиг ноздрей Берты, у нее закружилась голова. Хорошо, что мисс Лей не видела ее в этот момент.

Она шла домой в темноте, стараясь успокоиться. Из головы не шел Эдвард Крэдок. Берта вспоминала прошлое, перебирая в памяти эпизоды их общения в детстве. Ночью Крэдок ей приснился, во сне он ее целовал.

Берта проснулась с мыслями о Крэдоке и поняла, что не переживет, если сегодня же не увидится с ним. Сначала она думала послать ему приглашение на ленч или чай, но не решилась; кроме того, ей пока что не хотелось показывать Эдварда тетушке. Внезапно ее осенило: ферма! Она пойдет туда, это ведь ее земля. Бог любви явил благосклонность: в поле Берта разглядела Крэдока, занятого каким-то делом. Увидев его, она затрепетала, сердце забилося

часто-часто. Когда же Эдвард заметил ее и двинулся навстречу, она покраснела, затем побледнела, тем самым выдав себя с головой. Крэддок, непринужденной походкой приблизившийся к изгороди, показался ей невероятно красивым. Более всего на Берту произвела впечатление его мужественность – поистине Эдвард был силен, как Геркулес. Она с трудом скрывала свое восхищение.

– Ах, я не знала, что это ваша ферма, – сказала она, пожимая его руку. – Просто шла куда глаза глядят.

– Идемте, мисс Берта, я покажу вам хозяйство.

Крэддок открыл калитку и провел ее в сарай, где стояли повозки, заодно указав на пару крепких лошадей, на которых вспахивали соседнее поле. Он также показал Берте коров и согнал в кучу свиней, чтобы похвалиться их отличным здоровьем; дал кусочек сахара, которым она угостила коня; сводил в хлев и рассказал о тонкостях разведения овец. Берта внимала ему, словно зачарованная. Когда Крэддок с гордостью продемонстрировал сельскохозяйственные машины и объяснил, как используется ворошилка и сколько стоит жатка, Берта решила, что никогда в жизни не слышала ничего более захватывающего. Больше всего, однако, ей не терпелось посмотреть жилище Эдварда.

– Не нальете мне стакан воды? – попросила она. – Ужасно хочется пить.

– Ну конечно, заходите, – пригласил Крэддок, распахивая дверь.

Берта вошла в небольшую комнату, пол в которой был застелен клеенкой. Посередине располагался стол, накрытый красной скатертью из набивной ткани; стулья и диван, обитые старой, потрескавшейся кожей, стояли почти вплотную друг к другу. На каминной полке, помимо трубок и банок для табака, были расставлены пестрые фарфоровые вазы с камышами, а в центре – часы на мраморной подставке.

– Какая прелесть! – воскликнула Берта. – Вам, должно быть, здесь очень одиноко?

– Что вы! Меня почти не бывает дома. Хотите молока? Молоко полезнее воды.

Берта увидела на столе салфетку, кувшин с пивом, хлеб и сыр.

– Вы собирались завтракать? – спросила она. – Простите, что помешала.

– Ничего страшного, просто в одиннадцать часов я обычно перекусываю.

– Можно и мне с вами? – загорелась Берта. – Я проголодалась как волк, к тому же обожаю хлеб с сыром.

Они уселись друг напротив друга, находя эту неожиданную трапезу очень забавной. Хлеб, нарезанный толстыми ломтями, был необычайно вкусным, ну а пиво, конечно, казалось слаще нектара. Немного спустя Берту охватило опасение, что Крэддок может посчитать ее чудачкой.

– По-вашему, с моей стороны нелепо вот так прийти к вам и попроситься на угощение?

– Наоборот, это очень мило! Мистер Лей часто заглядывал к моему отцу и запросто садился с ним за стол.

– Вот как? – удивилась Берта. Разумеется, это обстоятельство делало ее поступок совершенно естественным. – Теперь мне пора идти. Ох, и рассердится тетя Полли!

Крэддок уговорил ее взять цветы и торопливо срезал несколько георгинов. Берта приняла букет со смущенной благодарностью, и когда на прощание они обменялись рукопожатием, у нее почему-то опять заколотилось сердце.

Мисс Лей поинтересовалась, откуда цветы.

– Да так, – небрежно ответила Берта, – встретила одного из арендаторов, он мне их и дал.

– Хм-мм, – промурлыкала мисс Лей. – Лучше бы они вовремя вносили арендную плату.

Когда тетя покинула гостиную, Берта растроганно посмотрела на скромный букет и коротко рассмеялась. «Нет смысла себя обманывать, – подумала она. – Кажется, я влюблена». Она поцеловала георгины и почувствовала, что очень довольна.

Она действительно не на шутку влюбилась, поскольку к вечеру решила во что бы то ни стало выйти замуж за Эдварда Крэдока. Времени Берта не теряла: прошло меньше месяца, а свадьба была уже не за горами.

Мисс Лей презирала любые проявления чувств. Рождество, когда сосед прижимал соседа к груди и рассыпался перед ним в глупых сентиментах, внушало ей такое отвращение, что она взяла привычку уезжать на это время куда-нибудь на континент, туда, где никого не знала и могла избежать чрезмерно слащавых людских эмоций, праздничных поздравлений и общего умильного настроения. Даже летом вид остролиста заставлял ее брезгливо морщиться; мисс Лей тут же вспоминала праздничное убранство в домах с достатком, ветки омелы на газовых канделябрах и глупых стариков, которым нравится целовать незнакомых женщин. Ее радовало, что у Берты хватило ума не принимать бурных изъятий радости от слуг и обедневших арендаторов, которых доктор Рамзи специально хотел собрать по случаю совершеннолетия хозяйки Корт-Лейз. Мисс Лей допускала, что торжества, достойные этого повода – бесконечные рукопожатия, шумное веселье и назойливая общительность английских селян, – могут превзойти даже мишурную безвкусицу Святков. По счастью, Берта, как и мисс Лей, терпеть не могла подобные празднества и уведомила всех, о ком шла речь, что они крайне обяжут ее, если оставят без внимания событие, которое лично для нее не представляет особой важности.

И все же полностью сдержать рвение опекуна не удалось. Доктор Рамзи обладал чисто английской убежденностью в отношении надлежащего порядка вещей. Он настоял на том, чтобы официально встретиться с Бертой, принести свои поздравления, благословить новорожденную и произнести наставительную речь.

Когда Берта спустилась вниз, тетушка уже завтракала. Ее завтрак очень по-женски состоял из крохотного кусочка ветчины и ломтика поджаренного хлеба. Мисс Лей изрядно нервничала; причиной беспокойства был день рождения племянницы.

«Женщины имеют одно преимущество: после двадцати пяти не афишируют свой день рождения и скрывают его как нечто неприличное, – думала мисс Лей. – Мужчины же так много значения придают собственному триумфальному появлению на свет, что помешаны на этой дате. Глупцы уверены, будто она интересна кому-то еще!»

Берта вошла в комнату и поцеловала тетю.

– Доброе утро, дорогая, – промолвила мисс Лей. Наливая племяннице кофе, она добавила: – Наша любезная кухарка в честь твоего совершеннолетия спалила молоко. Надеюсь, она не напьется на радостях, по крайней мере до вечера.

– Ну а я надеюсь, что доктор Рамзи не разоидется слишком сильно, – отозвалась Берта, которая прекрасно понимала чувства тетушки.

– Милая, я содрогаюсь при мысли о его чрезмерной оживленности. Он хороший человек с прекрасными принципами, да к тому же не глупее большинства прочих докторов, но его дружелюбие порой просто действует на нервы.

Берта сохраняла спокойствие лишь внешне – в голове у нее путались мысли, а сердце стучало как безумное. Она сгорала от нетерпения сообщить свою новость. Берта имела некоторую склонность к драматизму и предвкушала эффектную сцену: ей вручат ключи от королевства, а она объявит, что уже нашла короля, который рука об руку с ней будет им управлять. Она также понимала, что объясняться наедине с мисс Лей было бы непросто; куда легче иметь дело с грубовато-добродушным доктором Рамзи. Всегда есть определенная трудность в общении с человеком, который всячески подчеркивает, что каждый сам по себе, и находит удовольствие в том, чтобы прятать свои истинные мысли и не делиться ими с окружающими. Берта послала Крэдоку записку с просьбой прийти к трем часам, дабы она представила его как будущего супруга и хозяина Корт-Лейз.

Прибывший доктор Рамзи с порога обрушил на именинницу поток поздравлений, отчасти шуточных, отчасти серьезных и сентиментальных – в общем, крайне неприятных на придиричивый вкус мисс Лей. Опекун Берты был высоким широкоплечим мужчиной с гривой светлых волос, теперь уже седеющих. По мнению мисс Лей, ему совершенно не шли бакенбарды, узкие в верхней части и расширяющиеся книзу. Доктор Рамзи был краснощек и благодаря росту, веселому нраву и яркому румянцу воплощал собой картину отличного здоровья. Громкоголосый, дородный, с чисто выбритым подбородком, он напоминал йомена из доброй старины, когда тяжелые времена и распространение грамотности еще не сделали из мелкого землевладельца нечто среднее между городским клерком и объездчиком из Ньюмаркета. Несмотря на то что доктор Рамзи одевался в сюртук и цилиндр уже много лет, вещи до сих пор сидели на нем криво, словно воскресный наряд на крестьянине. Мисс Лей, которая любила давать людям смешные описания и находить удачные сравнения, никак не могла подобрать для него точного определения, и это вызывало у нее легкую досаду. В ее глазах единственным связующим звеном между доктором и остальными людьми была любовь к антикварным вещам, благодаря которой его дом заполнили старинные табакерки, фарфор и прочие ценные безделушки. Под «остальными людьми» мисс Лей понимала узкий круг лиц, в основном женского пола, среднего возраста, не обремененных семьей и имеющих собственные доходы, которые путешествовали на европейский материк, читали хорошие книги и питали отвращение к подавляющему большинству ближних своих, в особенности когда те верещали о благотворительности, тыкали в лицо своей религией или же с остервенелым усердием накачивали мышцы.

Доктор съел завтрак с аппетитом, который, как предположила мисс Лей, постоянно радовал его мясника. Она вежливо осведомилась о здоровье миссис Рамзи, которую втайне осуждала за мягкотелую покорность. Мисс Лей взяла за правило избегать общения с дамами, превратившимися в бледные тени своих мужей, особенно если они могли говорить только о домашнем хозяйстве. Что до миссис Рамзи, то за исключением воскресных дней, когда супругу доктора занимали мысли о нарядах местной паствы, ее заботил лишь неумный аппетит мужа и способы его удовлетворения.

Они вернулись в гостиную, где доктор принялся рассказывать Берте о ее владениях: что собой представляет тот или иной арендатор, в каком состоянии находятся фермы. В конце концов его монолог свелся к тому, что наступила тяжкая пора и арендной платы ни от кого не добьешься.

– Итак, Берта, что ты намерена делать? – задал вопрос доктор.

Этого удобного случая она и дожидалась.

– Кто, я? О, я собираюсь выйти замуж.

Доктор Рамзи удивленно открыл рот, потом запрокинул голову и громко расхохотался.

– Неплохо! – воскликнул он.

Мисс Лей взглянула на него, недоуменно вздернув брови.

– Девушки в наше время очень смелы, – довольно заметил доктор. – В мою молодость барышни сплошь краснели да опускали глаза. Если в присутствии юной девы кто-нибудь заводил речь о свадьбе, она мечтала о том, чтобы земля разверзлась и поглотила ее!

– Чуть! – фыркнула мисс Лей.

Берта смотрела на доктора Рамзи, с трудом пряча улыбку. Тетя поймала ее взгляд.

– Значит, собираешься замуж, Берта? – со смехом спросил доктор.

– Да, – ответила она.

– Когда? – задала вопрос мисс Лей, которой слова племянницы не показались шуткой или выдумкой.

Берта смотрела в окно в ожидании Эдварда.

– Когда? – повторила она и обернулась. – Через четыре недели.

– Что?! – вскочил доктор Рамзи. – Уж не хочешь ли ты сказать, что у тебя есть жених? Ты помолвлена? А, понял, понял! Вы решили меня разыграть. Мисс Лей, вы нарочно молчали о том, что Берта помолвлена?

– Любезный доктор, – невозмутимо ответила мисс Лей, – до этой самой минуты я ничего не знала о помолвке. Полагаю, мы должны поздравить Берту. Столько поздравлений, и все в один день – это чудесно.

Доктор Рамзи переводил озадаченный взгляд с одной дамы на другую.

– Ничего не понимаю, – пробормотал он.

– Я тоже, – отозвалась мисс Лей, – но сохраняю спокойствие.

– Все просто, – подала голос Берта. – Помолвка состоялась вчера вечером, и ровно через четыре недели я выхожу замуж. За мистера Крэдока.

На этот раз изумлению доктора Рамзи не было предела.

– Что-что? – вскричал он, подскочив на месте, отчего пол угрожающе затрясся. – За Крэдока? Что еще за Крэдок?

– Эдвард Крэдок. – Берта не повела и бровью. – С фермы Бьюли.

– Арр-ррр! – доктор издал страшный возглас, передать на письме который довольно трудно. – Какая нелепость! Нет, ты этого не сделаешь!

В ответ Берта лишь улыбнулась.

– Доктор, вы слишком разволновались, – произнесла мисс Лей. – Кто этот джентльмен?

– Он не джентльмен! – От досады доктор Рамзи даже побагровел.

– Он будет моим мужем, доктор, – твердо сказала Берта и поджала губы, точь-в-точь как мисс Лей, после чего обратилась к тетушке: – Мы знакомы с самого детства, наши отцы были дружны. Эдвард – фермер-джентльмен.

– То есть, – вставил доктор Рамзи, – ни одно, ни другое.

– Простите, запямятовала, кем был ваш отец? – невинно осведомилась Берта, прекрасно все помнившая.

– Фермером! – с жаром воскликнул доктор. – И, хвала господу, никогда не строил из себя дворянина. Мой отец работал на земле! Я не раз видел, как он перекидывал вилами навоз, когда рядом не было помощников.

– Понятно, – кивнула Берта.

– Однако мой отец не имеет к делу никакого отношения. Ты не можешь за него выйти, потому что он уже тридцать лет лежит в могиле, как не можешь выйти и за меня, потому что я женат!

Мисс Лей спрятала улыбку. Берта была умна и потому не лишила немолодую тетушку легкого удовольствия понаблюдать за тем, как жуют племянницу, хотя уже начинала злиться – поведение доктора она сочла грубым.

– Что вы имеете против него? – спросила Берта.

– Допустим, ты хочешь сделать из себя посмешище, но Крэдок не вправе потворствовать твоему капризу! Он знает, что не пара тебе.

– Почему нет, если я его люблю?

– Почему нет?! – взревел доктор Рамзи. – Потому что он сын фермера, как и я, а ты – Берта Лей, владелица Корт-Лейз! Потому что мужчина в его положении, не имея даже пятидесяти фунтов, не увивается тайком за состоятельной барышней.

– Пять тысяч акров, с которых никакой прибыли, – пробормотала мисс Лей, одержимая духом противоречия.

– На самом деле у вас ничего нет против него, – возразила Берта. – По вашим же словам, у Эдварда безупречная репутация.

– Я не знал, что твои расспросы связаны с матримониальными планами.

– Ни с чем они не связаны. Мне не важна его репутация. Я бы вышла за него, даже будь он лодырем, пьяницей и распутником, потому что люблю.

– Берта, милая, – вмешалась мисс Лей, – если ты будешь продолжать в таком духе, доктора хватит удар.

– Доктор Рамзи, вы ведь говорили, что Эдвард – один из лучших парней, которых вы знаете.

– Я этого не отрицаю! – крикнул доктор, чьи розовые щеки действительно приобрели угрожающий лиловый оттенок. – Крэдок знает свое дело, усердно трудится, он честный и порядочный человек.

– Боже правый, доктор, – воскликнула мисс Лей, – ваш Крэдок – просто кладезь сельских добродетелей! Вряд ли Берта влюбилась бы в него, если бы в нем не было ни одного изъяна.

– Если бы Берта нуждалась в доверенном лице, – продолжал доктор Рамзи, – я бы только его и рекомендовал, но когда речь идет о замужестве...

– Он вносит арендную плату? – поинтересовалась мисс Лей.

– Крэдок – едва ли не самый добросовестный из всех арендаторов! – прорычал доктор, которого раздражали легкомысленные замечания, вставляемые тетушкой Берты.

– Разумеется, в эти тяжкие времена, – прибавила мисс Лей, решив не позволять доктору слишком серьезно изображать из себя сурового отца, – приличный фермер может поправить свои дела лишь одним способом – женитьбой на хозяйке земли.

– Вот и он! – воскликнула Берта, глядя в окно.

– Бог мой, он что, идет сюда?! – рявкнул ее опекун.

– Да, я посылала за ним. Не забывайте: скоро он станет моим супругом.

– Черт меня подери, если я это допущу!

Мисс Лей негромко рассмеялась. Ей нравилось редкое крепкое словцо, оживлявшее банальные беседы, которые мужчины вели в присутствии дам.

Глава IV

Берта быстро избавилась от озабоченного выражения и прогнала досаду, вызванную спором. Когда дверь открылась, на ее щеках играл нежный румянец. Своего прекрасного принца она встретила обворожительной улыбкой. Берта приблизилась к Крэддоку и взяла его за руки.

– Тетя Полли, позвольте представить, – сказала она, – это мистер Эдвард Крэддок. Доктор Рамзи, вы с Эдвардом уже знакомы.

Крэддок пожал руку мисс Лей и взглянул на доктора, который поспешно отвернулся. Эдвард слегка покраснел и сел рядом с мисс Лей.

– Мы как раз говорили о тебе, дорогой, – сообщила Берта.

Неловкая пауза, возникшая с прибытием гостя, затянулась. В то время как взволнованный Крэддок отчаянно пытался придумать тему для разговора, мисс Лей явно не собиралась ему помогать.

– Я сказала тете Полли и доктору Рамзи, что свадьба состоится ровно через четыре недели.

Крэддок слышал про дату впервые, однако ничем не выдал своего изумления и все силился вспомнить речь, специально заготовленную по этому поводу.

– Мисс Лей, я постараюсь быть хорошим мужем для вашей племянницы, – начал он.

Мисс Лей, однако, не дала ему продолжить. Она уже пришла к выводу, что Крэддок способен сказать лишь то, что положено говорить по тому или иному поводу, а это в ее глазах считалось ужасным преступлением.

– Да, да, не сомневаюсь, – перебила она. – Как вам известно, Берта сама себе хозяйка и ни перед кем не отчитывается за свои поступки.

Крэддок пришел в легкое замешательство. Он намеревался уверить мисс Лей в собственной ничтожности и стремлении поступать согласно долгу, а также объяснить свое положение, но эта леди, кажется, и слышать ничего не хотела.

– Что, действительно, очень удобно, – пришла ему на помощь Берта, – поскольку я собираюсь строить жизнь по-своему, без чьих-либо советов.

Мисс Лей про себя любопытствовала, не увидел ли молодой человек во фразе Берты пророчества, сулящего ему отныне и впредь полный покой, но Крэддок, по-видимому, не уловил в ней ничего зловещего. Он посмотрел на Берту с благодарной улыбкой, и в ответ удостоился взгляда, полного страстного обожания.

Мисс Лей с первых секунд разглядывала Крэддока с необычайной придирчивостью и, как всякая женщина, испытывала определенное удовольствие при мысли о том, что Берта с беспокойством пытается угадать ее мнение. Крэддок обладал привлекательной внешностью. Мисс Лей, в общем, нравились все молодые мужчины, но этот экземпляр и вправду был недурен. За исключением красивых глаз, в лице не было ничего особенно примечательного; облик Крэддока говорил об отменном здоровье и добром нраве. Мисс Лей даже отметила, что он не грызет ногти и что руки у него крупные и сильные. В целом Крэддок не отличался от множества других молодых и здоровых англичан с отличными физическими данными и здоровой нравственностью, хороших как биологический класс. Мисс Лей удивляло лишь, почему ее племянница выбрала этого человека из десяти тысяч ему подобных. В том, что выбор сделала именно Берта, мисс Лей ни на миг не сомневалась.

– Берта показывала вам наших цыплят? – ровным тоном спросила она, обернувшись к Крэддоку.

– Нет, – ответил тот, удивленный вопросом. – Надеюсь, еще покажет.

– Непременно покажет. Знаете, я совсем не разбираюсь в сельском хозяйстве. Вы когда-либо выезжали за границу?

– Нет. Прикипел к родной стороне. Англия меня вполне устраивает.

– Да уж. – Мисс Лей опустила взгляд. – Берта обязательно должна показать вам цыплят.

Они ведь очень схожи с людьми: так же глупы!

– Никак не могу заставить своих кур нестись в это время года, – пожаловался Крэддок.

– Конечно, я не разбираюсь в сельском хозяйстве, – повторила мисс Лей, – и все же цыплята такие забавные!

Доктор Рамзи заулыбался, а Берта гневно сверкнула глазами.

– Тетя Полли, раньше вы не интересовались цыплятами.

– Неужели, милочка? Помнишь, вчера вечером я сказала, что цыпленок, поданный к ужину, слишком жесткий? Как давно вы знакомы с Бертой, мистер Крэддок?

– Мне кажется, я знаю ее всю жизнь. И хочу узнать еще лучше.

На этот раз пришла очередь Берты улыбнуться, а мисс Лей (хотя и была уверена, что у Крэддока это получилось случайно) не могла не отметить, как ловко он ушел от ее вопроса. Доктор угрюмо молчал.

– Доктор Рамзи, сегодня вы как никогда сдержанны, – недовольно укорила его Берта.

– Боюсь, мои слова не слишком вам понравятся, мисс Берта, – резко ответил тот.

Мисс Лей не собиралась допускать, чтобы открытые препирательства нарушили учтивую скованность атмосферы.

– Вы опять думаете про арендную плату, доктор Рамзи, – вздохнула она и пояснила Крэддоку: – Бедный доктор ужасно подавлен из-за того, что половина наших арендаторов сетуют на отсутствие денег.

«Бедный» доктор засопел и что-то пробурчал себе под нос. Мисс Лей решила, что молодому человеку самое время откланяться, и посмотрела на племянницу. Берта мгновенно поняла ее взгляд.

– Оставим их, Эдди, – сказала она, поднимаясь. – Идем, я хочу показать тебе дом.

Крэддок проворно встал с явным облегчением от того, что испытание закончилось. Перед уходом он пожал мисс Лей руку и все-таки произнес короткую речь:

– Вы ведь не будете сердиться, что я забираю у вас Берту? Надеюсь, скоро мы с вами познакомимся поближе и станем большими друзьями.

Мисс Лей, застигнутая врасплох, тем не менее оценила попытку объясниться. Все могло пройти гораздо хуже. Во всяком случае, Крэддок не ссылаясь на Всемогущего и не упоминая о своем «долге».

Затем Крэддок подошел к доктору Рамзи с протянутой рукой, отвернуться от которой было бы невежливо.

– Доктор Рамзи, я бы хотел как-нибудь с вами встретиться, – произнес Крэддок, глядя ему в глаза. – Полагаю, у вас ко мне есть разговор. Мне тоже нужно с вами побеседовать. Когда вы сможете уделить мне время?

Услышав эти прямые и искренние слова, Берта зарделась от удовольствия, а ее тетушке пришлось по душе смелость, с которой Крэддок обратился к старому ворчуну.

– Да, поговорить было бы неплохо, – кивнул доктор. – Скажем, сегодня в восемь вечера.

– Отлично! До свидания, мисс Лей, – попрощался Крэддок и вышел вместе с Бертой.

Мисс Лей не относилась к тем людям, которые считают опрометчивым судить окружающих, не узнав их в достаточной мере. Мисс Лей составляла свое мнение о человеке уже через пять минут и очень любила делиться своими впечатлениями.

– Знаете, доктор, – произнесла она, едва закрылась дверь за молодой парой, – он вовсе не так страшен, как я думала.

– А я и не утверждал, что Крэддок дурен собой, – едко ответил доктор Рамзи, убежденный, что все женщины как одна теряют голову при виде интересного мужчины.

Мисс Лей улыбнулась:

– Привлекательная внешность, мой милый доктор, – это три четверти боевого арсенала в борьбе за жизнь. Вы даже не представляете, на какое унылое существование обречена дурнушка.

– Вы одобряете нелепое намерение Берты?

– По правде говоря, одобряем мы с вами его или нет, не имеет особого значения, и посему лучше отнестись ко всему спокойно.

– Поступайте как знаете, мисс Лей, но лично я собираюсь положить конец этому безрассудству! – отрезал доктор Рамзи.

– Не выйдет, дорогой доктор, – опять улыбнулась мисс Лей. – Я знаю Берту намного лучше, чем вы. Мы с ней прожили три года, и все это время мне доставляло удовольствие изучать ее натуру. Позвольте рассказать, как мы впервые встретились. Вам, конечно, известно, что мы с отцом Берты рассорились много лет назад; спустив все свои деньги, он пожелал проделать ту же штуку с моими, а когда я ответила категорическим отказом, впал в буйный гнев, обозвал меня жалким неблагодарным созданием и держал обиду до конца своих дней. Смерть жены подкосила здоровье моего брата, несколько лет он провел, скитаясь с Бертой по Европе. Девочка получала образование – какое было доступно – в полудюжине стран. До сих пор удивляюсь, что она вообще чему-то выучилась и не превратилась в испорченное существо. Берта – великолепный пример того, что люди более склонны к добру, нежели ко злу. – Мисс Лей усмехнулась, поскольку сама не слишком в это верила. – И вот однажды, – продолжала она, – я получила телеграмму, отправленную на имя моего адвоката: «Отец умер, приезжайте, если можете. Берта Лей». Обратным адресом значился Неаполь, а я была во Флоренции. Разумеется, я все бросила и помчалась туда, захватив лишь сумочку, несколько ярдов траурного крепа да нюхательные соли. На вокзале меня встретила Берта, которую я не видела десять лет. Моим глазам предстала высокая миловидная девушка, очень сдержанная и прелестно одетая по последней моде. Я мягко поцеловала ее, как того требовали печальные обстоятельства, и по дороге с вокзала спросила, на какой день назначены похороны, заранее приготовив нюхательную соль на случай, если сирота разразится рыданиями. «Похороны уже прошли, – сообщила она. – Чтобы вас не расстраивать, я дала телеграмму, когда все закончилось. Я поставила в известность хозяйина виллы и слуг. По правде говоря, в вашем приезде не было необходимости, просто доктор и английский священник посчитали неправильным, что я здесь совсем одна». После этих слов нюхательная соль понадобилась мне самой. Вообразите мое состояние! Я ожидала увидеть неловкую девочку-подростка, слезы, истерики и полный кавардак, а вместо этого нахожу, что все устроено самым пристойным образом, а этот подросток способен позаботиться еще и обо мне. За ленчем Берта окинула взглядом мой дорожный костюм. «Полагаю, вы покинули Флоренцию в большой спешке, – заметила она. – Если хотите одеться в черное, рекомендую мою модистку – она шьет весьма неплохо. Кстати, сегодня я еду к ней, чтобы примерить несколько платьев».

Мисс Лей сделала паузу и взглянула на доктора, чтобы проверить, какой эффект произвели ее слова. Доктор Рамзи молчал.

– Позже мои первоначальные впечатления только усилились, – добавила она. – Вы преизойдете сами себя, если убедите Берту отказаться от принятого ею решения.

– Вы хотите сказать, что намерены благословить этот союз?

Мисс Лей пожала плечами:

– Любезный доктор, повторяю, наши с вами благословения или проклятия не имеют ни малейшего значения. Крэдок – самый обычный молодой человек. Благодарение богу, что Берта не выбрала кого-то похуже. Этот хотя бы образован.

– Да, вы правы. Десять лет в Королевской школе в Теркенбери кое-что значат.

– Что представлял собой его отец?

– То же, что и Эдвард – джентльмен-фермер. Обучался в Королевской школе, как впоследствии его сын. Водил знакомство с местными дворянами, однако не принадлежал к ним; знал всех фермеров, хотя не относился и к этому сословию. Такими Крэддоки были много поколений – ни то ни се, ни рыба ни мясо.

– Газеты пишут, что именно эти люди – хребет страны, доктор, ее главная опора.

– Тогда пусть держатся, где положено хребту, – со спины, – проворчал доктор Рамзи. – Как хотите, мисс Лей, но я не допущу этого безумия. В конце концов, мистер Лей назначил меня опекуном девочки, и пускай ей уже исполнился двадцать один год, мой долг – проследить, чтобы она не попала в лапы первого встречного оборванца, который уговорит ее выйти замуж.

– Воля ваша, – отозвалась мисс Лей, которой немного наскучил этот добрый джентльмен. – Едва ли вы чего-то добьетесь от Берты.

– Я не буду разговаривать с Бертой. Я встречу с Крэддоком и прямо выскажу ему все, что думаю.

Мисс Лей вновь пожала плечами. Доктор Рамзи явно не понимал, за кем решающее слово в этом вопросе, а она не считала нужным его об этом информировать. Доктор удалился, и через несколько минут в комнату вошла Берта. Судя по всему, тетушка не собиралась чинить препоны истинной любви.

– Дорогая, тебе надо позаботиться о приданом, – с сухой улыбкой промолвила она.

– Церемония будет совсем скромной, – ответила Берта. – Мы с Эдвардом не хотим никакой шумихи.

– Очень умно с твоей стороны. Большинство людей думают, что, вступая в брак, совершают нечто оригинальное; им даже в голову не приходит, что со времен Адама и Евы кто-то еще заключал семейный союз.

– Я пригласила Эдварда завтра к нам на ленч, – сообщила Берта.

Глава V

На следующий день после ленча мисс Лей вернулась в гостиную и распаковала посылку от Мьюди. Она просматривала издания, пробежала глазами страницу той или иной книги, чтобы получить о ней представление, но мысли ее возвращались к только что закончившейся трапезе. Эдвард Крэдок заметно нервничал, за столом держался очень скованно и проявлял чрезмерную услужливость, передавая мисс Лей соль, перец и прочие мелочи. Крэдок прилагал все усилия, чтобы показаться любезным, но в то же время был немного подавлен и отнюдь не лучился восторженной радостью, естественной для счастливого жениха. Мисс Лей задавалась вопросом, действительно ли он любит ее племянницу. Берта, вне всяких сомнений, парила в небесах от любви и не сводила глаз с молодого человека, словно в жизни не видела ничего более прекрасного и восхитительного. Такая экспансивность в сравнении с прежней сдержанностью удивляла. Казалось, Берте совершенно не важно, что ее чувства станут достоянием целого света. Она не только была счастлива своей любовью, но и гордилась ею. Мисс Лей вслух рассмеялась над наивной уверенностью доктора в том, что он сможет помешать этой страсти. Отлично сознавая, что хладные струи доводов рассудка не в силах погасить бушующее пламя, мисс Лей даже не думала препятствовать союзу, но в то же время не имела желаний быть свидетелем вступительных шагов к нему, поэтому после ленча сослалась на усталость и уединилась в гостиной. Ее радовала мысль о том, что она поступает, как ей нужно, и одновременно создает удобство для влюбленных.

Мисс Лей выбрала из стопки книг одну, которая показалась ей самой обещающей, и начала читать. Вскоре в дверь заглянула служанка и объявила о приходе мисс Гловер. Тень недовольства, пробежавшая по лицу мисс Лей, немедленно сменилась медоточивой благожелательностью.

– Ах, дорогая мисс Лей, не вставайте, – поспешно произнесла посетительница, видя, как хозяйка медленно поднимается с кушетки, на которой так уютно расположилась.

Мисс Лей обменялась рукопожатием с мисс Гловер и сказала, что счастлива ее видеть, про себя думая, что приверженность почтенной гостьи правилам очень утомительна. Гловеры обедали в Корт-Лейз на прошлой неделе, и ровно семь дней спустя мисс Гловер нанесла предписанный этикетом визит.

Мисс Гловер была весьма достойной особой, но донельзя скучной, а этого мисс Лей простить никак не могла. По ее мнению, в тысячу раз лучше быть чудовищно подлой Бекки Шарп, нежели чудовищно кроткой и глупой Эмилией¹¹. Мисс Гловер была одной из самых добросердечных и отзывчивых женщин на Божьем свете, ангелом бескорыстия и самопожертвования, однако получать удовольствие от ее общества мог лишь слабоумный.

«Фанни Гловер – милая, добрая душа, – говаривала про нее мисс Лей, – и творит бесконечное благо для нашего прихода, но при всем том так уныла и бесцветна, что ей самое место на небеси». Солидные годы не мешали мисс Лей мысленно рисовать мисс Гловер с распущенными тусклыми волосами, крыльями и золотой арфой, денно и нощно распеваящей церковные гимны противным писклявым голосом. На самом деле райский образ совсем не подходил мисс Гловер. Ей было около двадцати восьми лет, однако на вид можно было дать и двадцать, и сорок. Казалось, что она всегда выглядит одинаково и что годы не властны над силой ее духа. Фигуры у мисс Гловер не было, а жесткие, плотные наряды скорее походили на броню. Она неизменно одевалась в глухой черный жакет из ткани в рубчик – видимо, наиболее ноской, – самую простую юбку и толстые, действительно толстые ботинки. Шляпку, подходившую для всякой погоды, мисс Гловер сшила сама. Вуали она никогда не носила, поэтому кожа на ее

¹¹ Бекки Шарп, Эмилия – персонажи романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» (1847).

лице потемнела и обветрилась и так туго обтягивала кости, что лицо выглядело неестественно худым и угловатым. На выступающих скулах алел румянец, но не ровный, а с четко выделяющейся сеточкой капилляров. Нос и рот подходили под тактичное определение «решительные», бледно-голубые глаза были немного навывкате; ветра Восточной Англии за десять лет выдули из ее лица всю мягкость, их колючая ярость обесцветила даже волосы. То ли они прежде были каштановыми и утратили яркость, то ли золотистыми и потеряли блеск, – неизвестно. Корни торчали из черепа как-то по отдельности, и, глядя на них, мисс Лей невольно думала, как легко пересчитать волосы мисс Гловер. Однако вопреки холодной, суровой наружности, позволявшей предполагать крайне твердый характер, мисс Гловер была так застенчива и до смешного робка, что постоянно краснела, а в присутствии незнакомых людей испытывала настоящие муки по причине своей неспособности выдать хоть слово. При этом в груди мисс Гловер билось самое нежное, доброе и великодушное сердце, переполненное любовью и состраданием к ближним. Она была чрезвычайно чувствительна.

– Как поживает ваш брат? – поинтересовалась мисс Лей.

Мистер Гловер служил викарием в Линхэме, что располагался примерно в миле от Корт-Лейз по дороге на Теркенбери, и с первого дня его назначения мисс Гловер вела в доме брата хозяйство.

– О, прекрасно. Правда, очень обеспокоен диссентерами¹². Слыхали, они ведь строят новую церковь в Линхэме. Просто ужас!

– Мистер Крэддок упоминал об этом за ленчем.

– Он завтракал у вас? Не знала, что вы так хорошо знакомы.

– Кажется, он еще здесь, – сказала мисс Лей. – Во всяком случае, пока не прощался.

Мисс Гловер посмотрела на хозяйку в некотором недоумении, однако не стоило ожидать, что мисс Лей соизволит что-либо объяснить, прежде чем напустит еще больше тумана.

– А как дела у Берты? – осведомилась мисс Гловер, чьи разговоры в основном состояли из расспросов про общих знакомых.

– Разумеется, на седьмом небе от счастья.

– В самом деле? – подняла брови сестра викария: она ничегошеньки не понимала.

Мисс Гловер слегка побаивалась старшей приятельницы, и хотя ее брат Чарльз с сожалением признавал, что мисс Лей чересчур привязана ко всему мирскому, мисс Гловер не могла не испытывать уважения к даме, которая жила в Лондоне и на материке, встречалась с епископом Фарраром¹³ и видела мисс Марию Корелли¹⁴.

– Ну конечно, – кивнула она. – Берта молодая и веселая барышня.

– Уверена, она будет счастлива.

– По-видимому, вы очень переживаете за ее будущее, мисс Лей.

Мисс Гловер нашла высказывания мисс Лей загадочными и, чувствуя себя глупо, залилась краской.

– Вовсе нет, – возразила мисс Лей. – Берта сама себе хозяйка. Она здоровая и рассудительная девушка, как и большинство прочих. Но, что ни говори, это все-таки серьезный риск.

– Простите, – пролепетала сестра викария с таким страданием в голосе, что мисс Лей ощутила укол совести, – я вас не понимаю. Какой риск вы имеете в виду?

– Супружество, милочка.

– Берта... выходит замуж? Ах, мисс Лей, дорогая, примите мои поздравления! Какое счастье, какая гордость для вас!

¹² Диссентеры – протестантские секты, отделившиеся от англиканской церкви в XVI – XIX вв.

¹³ Фредерик Уильям Фаррар (1831–1903) – англиканский богослов, писатель, экзегет. Был проповедником при университетской церкви в Кембридже, затем капелланом при дворе королевы Виктории.

¹⁴ Мария Корелли – псевдоним английской писательницы Мэри Маккей (1855–1924).

– Моя любезная мисс Гловер, прошу вас, успокойтесь. А если хотите поздравить, адресуйте свои поздравления Берте, а не мне.

– Я так рада, мисс Лей! Подумать только, наша замечательная Берта выходит замуж! Чарльз тоже будет очень доволен.

– Жених – Эдвард Крэдок, – сухо произнесла мисс Лей, прерывая поток бурных эмоций.

– А? – Мисс Гловер от удивления приоткрыла рот и изменилась в лице, затем, овладев собой, воскликнула: – Да что вы говорите!

– Вы, очевидно, удивлены, дорогая, – кисло улыбнулась мисс Лей.

– О да. Я думала, они едва знакомы. К тому же... – Мисс Гловер смущенно запнулась.

– К тому же что? – резко спросила мисс Лей.

– Видите ли, мисс Лей, мистер Крэдок, конечно, очень хороший человек и нравится мне, но... я бы не назвала его подходящей парой для мисс Берты.

– Все зависит от того, что, по-вашему, означает понятие «подходящая пара».

– Я всегда надеялась, что Берта выйдет замуж за младшего мистера Брандертона из Тауэрс.

– Гм, – ответствовала мисс Лей, которая недолюбливала матушку соседа-сквайра, – не представляю, чем может похвастаться мистер Брандертон, помимо наличия четырех или пяти поколений бестолковых предков и двух-трех тысяч акров земли, которую он не может ни продать, ни сдать в аренду.

– Нет-нет, мистер Крэдок – весьма достойный молодой человек, – поспешила добавить мисс Гловер, испугавшись, что наговорила слишком много. – Если вы одобряете союз – никто и слова не скажет.

– Я не одобряю этого союза, мисс Гловер, но я не настолько глупа, чтобы препятствовать ему. Замужество для женщины, которая имеет собственные средства, – всегда сущий идиотизм.

– Но ведь брак – это институт, установленный церковью! – запротестовала мисс Гловер.

– Неужели? – парировала мисс Лей. – А я всегда считала, что это институт, призванный обеспечивать работой судей по бракоразводным делам.

Это замечание мисс Гловер благоразумно оставила без ответа.

– Как по-вашему, они будут счастливы вместе? – наконец спросила она.

– Думаю, это крайне маловероятно, – ответила мисс Лей.

– В таком случае не велит ли вам долг – простите, что упоминаю об этом, – что-то предпринять?

– Моя добрая мисс Гловер, полагаю, Берта и Крэдок будут не более несчастливы, чем большинство прочих семейных пар; самый же главный на свете человеческий долг заключается в том, чтобы не лезть в чужие дела.

– Тут я с вами не соглашусь, – попыталась взбрыкнуть мисс Гловер. – Если бы долг сводился лишь к этому, в его выполнении не было бы ничего достойного!

– Милая моя, в вашем представлении жить счастливой жизнью – значит постоянно делать что-то неприятное, а в моем – собирать розы, защитив руки перчатками, чтобы не уколоться шипами.

– Так битвы не выиграть, мисс Лей. Мы все должны бороться со своими пороками!

Брови мисс Лей поползли вверх. Ну не дерзость ли – ее совестит женщина, которая на двадцать лет моложе! Однако представив, как это убогое, худосочное и скверно одетое создание атакует хвостатого дьявола, вооруженного рогами и когтями, мисс Лей мысленно узрела картину столь же жалкую, сколь и комичную, а потому пересилила себя и подавила желание поспорить со своей уважаемой приятельницей и тем самым ее напугать.

В гостиную вошел доктор Рамзи.

– Решил заглянуть, посмотреть на Берту, – сказал он, пожав руки обеим дамам.

– У бедного мистера Крэддока появился еще один оппонент, – объявила мисс Лей. – Мисс Гловер полагает, что мне следует отнестись к этому вопросу... серьезно.

– Именно так, – подтвердила сестра викария.

– Еще с юношеских лет я старалась не относиться ко всему слишком серьезно, – сказала мисс Лей. – Так что, боюсь, теперь я безнадежно легкомысленна.

Контраст между этим утверждением и чопорностью мисс Лей был по-настоящему забавным, но мисс Гловер поняла лишь, что ничего не поняла.

– В конце концов, – добавила мисс Лей, – девять браков из десяти в большей или меньшей степени неудовлетворительны. Говорите, молодой Брандертон подойдет Берте лучше, но в действительности старинное генеалогическое древо никак не способствует семейному счастью, а за исключением этого я не вижу заметной разницы между Брандертоном и Эдвардом Крэддоком. Мистер Брандертон обучался в Итоне и Оксфорде, однако либо ничему не выучился, либо весьма успешно это скрывает. По сути дела, он такой же фермер-джентльмен, как мистер Крэддок, только один род пробивает себе дорогу наверх, а другой катится по наклонной. Брандертонам принадлежит прошлое, Крэддокам – будущее, и, хотя я не сторонница реформ и прогресса, в качестве супруга для меня предпочтителен мужчина, который станет основателем рода, а не его последним чахлым побегом. Бог мой, вы заставляете меня изрекать расхожие истины! – Оппозиционный настрой превращал мисс Лей почти что в сторонницу Эдварда Крэддока.

– Что ж, – веско произнес доктор Рамзи, – лично я за тех, кто придерживается своего сословия. Сегодня всякий мечтает взлезть повыше: чернорабочий подделывается под ремесленника, ремесленник – под человека с профессией.

– При этом человек с профессией – хуже всех прочих, любезный доктор, – сказала мисс Лей, – поскольку этот подражает благородному лорду, который редко являет собой достойный пример. Самое смешное, что каждый класс считает себя не хуже того, что стоит над ним, и одновременно питает глубочайшее презрение ко всем, кто расположился на более низких ступенях. В сущности, единственные члены общества, которые оценивают себя должным образом, – это слуги. Мне часто приходит в голову, что прислуга в аристократических домах Южного Кенсингтона в несколько раз порядочней своих господ.

Ни мисс Гловер, ни доктор Рамзи не взялись бы обсуждать подобную тему, поэтому в разговоре повисла пауза.

– Назовите хоть один довод в пользу этого союза, – неожиданно потребовал доктор.

Мисс Лей посмотрела на него так, будто всерьез задумалась, и с насмешливой улыбкой произнесла:

– Дорогой доктор, мистер Крэддок – земной, прозаичный человек. Луна в небе никогда не приведет его в поэтический экстаз.

– Мисс Лей! – умоляющим тоном воскликнула сестра священника.

Мисс Лей обвела собеседников взглядом.

– Хотите знать, что я на самом деле думаю? – осведомилась она более серьезным, чем обычно, тоном. – Милый доктор, наша девочка любит Крэддока. Если на то пошло, брак – настолько рискованное предприятие, что оправдывает этот риск одна лишь страсть.

Услышав последнее слово, мисс Гловер явно заволновалась.

– Да, мне известно, как вы все тут, в Англии, считаете, – продолжила мисс Лей, прочитав взгляд мисс Гловер. – По-вашему, причины для брака могут быть какими угодно, за исключением истинной, то есть инстинкта продолжения рода.

– Мисс Лей! – воскликнула сестра священника и покраснела.

– Послушайте, вы уже достаточно взрослая, чтобы трезво смотреть на вещи! – отрезала мисс Лей. – Берта – просто самка, которую влечет к самцу. Инстинкт продолжения рода – единственная достойная основа супружества; все остальное – сплошная порнография! Какая

разница, что мужчина принадлежит к другому сословию? Общественный статус не имеет ни малейшего отношения к природному инстинкту. Если бы я полюбила, мне было бы все равно, кто мой избранник, и я бы вышла даже за трактирного слугу, предложи он мне стать его женой!

– Вот так разговор! – хмыкнул доктор.

Мисс Лей, однако, уже разошлась и не дала ему продолжить.

– Главное предназначение женщины – производить на свет себе подобных, и мудрая женщина выберет отцом для своих детей сильного и здорового мужчину. Терпеть не могу тех дамочек, которые выходят замуж за «умных». Что толку от мужа, который выполняет мало-понятные математические расчеты? Женщине нужен мужчина сильный как бык и с таким же здоровым пищеварением.

– Мисс Лей, – вмешалась мисс Гловер, – конечно, я не могу тягаться с вами в том, что касается ума, однако убеждена, что вы не правы. Мне не следует слушать ваши речи; уверена, Чарльз бы их тоже осудил.

– Милая, вас воспитывали так же, как большинство английских девушек, то есть растили из вас дурочку.

Бедная мисс Гловер покраснела еще гуще.

– Во всяком случае, меня учили почитать священные брачные узы. В земной жизни мы все должны умерщвлять плоть, а не потакать ее желаниям. Надеюсь, у меня никогда не появится искушения посмотреть на эти вещи так, как смотрите вы. Если в будущем мне суждено выйти замуж, мысли о чувственных наслаждениях будут для меня на последнем месте. Для меня супружество – это духовный союз, в котором мой долг – любить и почитать мужа, повиноваться ему, беречь и поддерживать, то есть вести бок о бок с ним такую жизнь, чтобы быть готовыми к смерти, когда она за нами придет.

– Чепуха! – заключила мисс Лей.

– Я считал, что вы более остальных станете возражать против этого брака, – высказался доктор Рамзи.

– Они не будут счастливы! – воскликнула мисс Гловер.

– Почему же нет? – возразила мисс Лей. – В Италии я знавала одну даму, леди Юстицию Шоу, которая вышла замуж за своего лакея. Благородная леди дала ему свою фамилию, и они пили как сапожники. Супруги прожили сорок лет в полной любви и согласии, а когда однажды он допился до смерти, бедная леди Юстиция так горевала, что первый же приступ белой горячки унес ее жизнь. Очень трогательная история.

– Думаю, что вы вряд ли мечтали бы о подобной судьбе для своей единственной племянницы, мисс Лей, – промолвила мисс Гловер, которая восприняла все всерьез.

– У меня есть еще одна племянница, – ответила мисс Лей. – У моей сестры, которая вышла замуж за сэра Джеймса Корга, трое детей.

– Полагаю, вам более не стоит беспокоиться, – вмешался доктор Рамзи, – поскольку я имею основания утверждать, что помолвка Берты и молодого Крэдока расстроена.

– Что? – воскликнула мисс Лей. – Я вам не верю!

– В самом деле? – одновременно с ней пискнула мисс Гловер. – О, какое облегчение!

Доктор Рамзи, сияя от удовольствия, потер руки.

– Я должен был это сделать, – произнес он. – Ну, что вы теперь скажете, мисс Лей?

Замешательство мисс Лей доставляло ему явную радость, и это ее разозлило.

– Что я могу сказать, пока вы не объяснились? – пожалала она плечами.

– Крэдок пришел ко мне вчера вечером – помните, он сам просил меня о встрече? – и я выложил ему все напрямик. Я сказал, что этот брак невозможен, что в Блэкстебле и Линхэме его будут называть охотником за приданым. Я просил его подумать о Берте. Крэдок – порядочный, честный парень, я всегда это говорил. Я убедил его, что он поступает неправильно, и под конец он пообещал разорвать помолвку.

– Крэддок не сдержит подобное обещание, – заявила мисс Лей.
– Еще как сдержит! – крикнул доктор. – Я знаю его с малых лет: он скорее умрет, чем нарушит слово.

– Бедняга, – сокрушенно промолвила мисс Гловер. – Должно быть, он ужасно страдал.

– Он держался как мужчина.

Мисс Лей поджала губы так, что они превратились в одну тонкую ниточку.

– И когда же Крэддок намеревается выполнить ваше нелепое указание, доктор Рамзи? – спросила она.

– Он сказал, что сегодня приглашен к вам на ленч и воспользуется этим случаем, чтобы просить Берту освободить его от клятвы.

– Идиот! – пробормотала мисс Лей вполне отчетливо.

– А я считаю, что мистер Крэддок повел себя весьма благородно, – сказала мисс Гловер, – и я обязательно скажу ему об этом.

– Я имела в виду не мистера Крэддока, – процедила мисс Лей, – а доктора Рамзи.

Мисс Гловер бросила взгляд на почтенного доктора, ожидая увидеть его реакцию на грубость, но в эту секунду дверь отворилась и в гостиную вошла Берта. Мисс Лей мгновенно уловила ее настроение. Берта явно не впала в отчаяние, слез не было и следа, но щеки покраснели ярче обычного, а губы были плотно поджаты. Тетушка без слов поняла, что племянница не на шутку рассержена. Тем не менее Берта моментально стерла с лица гневное выражение и поздоровалась с гостями, сияя приветливой улыбкой.

– Мисс Гловер, как мило, что вы к нам зашли! Как поживаете, доктор Рамзи? Кстати, вынуждена вас попросить впредь не вмешиваться в мои личные дела.

– Голубушка, – встряла мисс Гловер, – это ради вашего же блага.

Берта посмотрела на сестру викария, и ее щеки запылали еще сильнее.

– А, вижу, вы обсуждали эту тему. Прелестно! Эдвард просил меня расторгнуть помолвку.

Доктор Рамзи удовлетворенно кивнул.

– Но я отказала!

Доктор подскочил на стуле, а мисс Гловер, заломив руки, ахнула.

Это был один из тех редких случаев в жизни, когда мисс Лей позволила себе в открытую расхохотаться. Берта уже просто светилась от счастья.

– Он притворился, что хочет разорвать наши отношения, но я и слушать не стала этот вздор.

– То есть, когда мистер Крэддок попросил тебя дать ему свободу, ты ответила отказом? – изумился доктор.

– Вы вправду надеялись, что я позволю вам разрушить мое счастье? – презрительно проговорила Берта. – Мне стало известно о ваших происках, доктор Рамзи. Бедный мальчик, он счел, что честь не велит ему воспользоваться моей неопытностью. Я повторила Эдварду то, что повторяла миллион раз: я его люблю и не могу жить без него. Стыдитесь, доктор Рамзи! На что вы рассчитывали, вставая между мной и Эдвардом?

Последние слова Берта произнесла с большим жаром и теперь тяжело дышала. Доктор Рамзи оторопел, а мисс Гловер, которая подумала, что такие речи не к лицу молодой девушке, опустила глаза. Мисс Лей следила за всеми троими цепким взглядом.

– Вы на самом деле думаете, что мистер Крэддок в вас влюблен? – наконец произнесла мисс Гловер. – По-моему, если бы это было правдой, он не отказался бы от вас так легко.

Мисс Лей улыбнулась: ей показалось забавным, что это ангельски-кроткое создание выступило со столь коварным, поистине макиавеллиевским предположением.

– Эдвард предложил расстаться как раз потому, что дорожит мной, – с гордостью ответила Берта. – И за этот поступок я люблю его в тысячу раз сильнее.

– Положительно, у меня уже нет никакого терпения! – воскликнул доктор Рамзи, не в силах дольше сдерживаться. – Он женится на тебе из-за денег!

Берта издала короткий смешок. Стоя у камина, она повернулась к зеркалу и посмотрела на свои руки, покоящиеся на краешке каминной полки: узкие, изящные, с тонкими пальчиками и ногтями нежнейшего розового оттенка – самые восхитительные руки в мире, созданные для ласк. Зная их красоту, Берта не носила колец. Она подняла взор и оглядела свое отражение. Сперва ее взгляд задержался на темно-карих глазах, в которых то теплился, то ярко вспыхивал огонь любви; затем двинулся дальше, к аккуратным розовым ушам, похожим на раковины. Глядя на них, возникало ощущение, что нет более благодатного материала для кисти художника, нежели человеческое тело. Волосы были тоже темными, невероятно густыми – Берта с трудом укладывала их в прическу – и волнистыми. Эти волосы хотелось потрогать, запустить в них руки, почувствовать их восхитительную шелковистую мягкость. Берта поправила выбившуюся прядь – пусть говорят что угодно, но волосы у нее великолепные.

Берта и сама удивлялась своей смуглости: оливковая кожа заставляла вспомнить юг с его обжигающими страстями. Цветом лица – необычайно чистым и прозрачным – Берта напоминала женщин Умбрии. Один портретист как-то сказал ей, что в цвете ее кожи присутствуют все краски солнечного заката – те, что видны по краям, где великолепие заходящего светила сливается с небом. Кожа на лице Берты отливала сотней мягких оттенков: кремовых и молочно-белых, мерцала бледной желтизной, какую можно видеть в самой сердцевине розы, и тончайшим намеком на зелень молодой листвы, и при этом словно бы светилась изнутри жемчужным сиянием.

Берта посмотрела на свои полные алые губы, чувственные и влекущие; любой испытал бы томление только при мысли о том, как, должно быть, сладки поцелуи этих уст. Молодая женщина улыбнулась своему отражению и увидела ровные блестящие зубы. Критический осмотр собственных черт заставил щеки Берты порозоветь, и румянец еще сильнее отделил великолепную белизну лица. Она медленно обернулась и поймала на себе три внимательных взгляда.

– По-вашему, мужчина не может влюбиться в меня из-за меня самой? Славное же у вас мнение обо мне, любезный доктор.

Мисс Лей сочла, что со стороны Берты весьма дерзко таким образом игнорировать мнение двух дам, причем незамужних, однако не высказала этого вслух. Тетушка перевела глаза с точеной мраморной шеи племянницы на столь же прекрасные руки и стройную фигуру.

– Милая, ты просто красавица, – с улыбкой произнесла она.

Доктор Рамзи окончательно вышел из себя.

– Боже, мисс Лей, неужели вы ничего не можете сделать, чтобы предотвратить это безумие?

– Дорогой доктор, у меня достаточно забот с устройством собственной жизни, не заставляйте меня лезть еще и в чужую.

Глава VI

Берта целиком и полностью отдалась любовному наслаждению. Ее сангвинический темперамент не позволял заниматься чем-либо наполовину, и теперь она даже не трудилась скрывать свои чувства. Любовь была безбрежным морем, в которое Берта отважно бросилась, не раздумывая, выплывет или утонет.

– Я такая глупенькая, – говорила она Крэддоку. – У меня в голове до сих пор не укладывается, что раньше люди тоже любили. Жизнь для меня словно только сейчас началась.

Самая короткая разлука с ним была для Берты невыносима. С раннего утра она жила ожиданием ленча, на который Эдвард приходил в Корт-Лейз, после чего провожала его назад на ферму. Дальше день тянулся бесконечно, и Берта считала часы до новой встречи с возлюбленным. Зато какое блаженство она испытывала, когда по вечерам, закончив работу, Крэддок приходил к ней и они садились рядышком у камина, чтобы поболтать! Берта нарочно не включала лампу, и единственным источником освещения было мягкое перемежающееся свечение углей. За исключением маленького пятачка, где они сидели, комнату окутывала темнота, а багряное пламя бросало отблеск на лицо Эдварда и порождало причудливые тени. Берта с обожанием смотрела на его правильные черты лица и кудрявые волосы, заглядывала в серые глаза. Ее страсть не знала границ.

– Закрой глаза, – шептала она и покрывала поцелуями смеженные веки, медленно прижимала губами к его губам, и мягкое соприкосновение заставляло ее трепетать и тихонько смеяться.

Она зарывалась лицом в его одежду, вдыхая крепкие запахи деревни, которые всегда приводили ее в восхищение.

– Чем ты занимался сегодня, милый?

– Сейчас на ферме не много дел. Мы только вспахивали землю и убрали корнеплоды.

Берту завораживало, когда Крэддок рассказывал о сельском хозяйстве, она могла слушать его часами. Каждое слово Эдварда казалось пленительным и новым. Она не сводила с Крэддока глаз, и хотя ей нравилось его слушать, чаще просто наблюдала за мимикой, не вникая в смысл фраз. Эдварда порой озадачивала абсолютно счастливая улыбка, игравшая на лице Берты, в то время как он говорил о способах дренирования почвы. Тем не менее она действительно интересовалась его делами и никогда не забывала спросить, поправился ли захворавший бычок. Ей было приятно представлять сильного человека, подчинившего себе крупных животных, и от этой мысли у нее самой напрягались мускулы. Берта решила выучиться верховой езде, теннису и гольфу, чтобы разделять с будущим мужем его увлечения. Собственные достоинства казались ей смехотворными и даже уничижительными. Глядя на Эдварда Крэддока, она осознавала, что человек – действительно царь природы. Берта смотрела, как он широким шагом идет по полю, раздает указания работникам, четко зная, что и как нужно делать, – мужественный, бесстрашный и свободный. Поразительно, сколько прекрасных качеств она находила, изучая его профиль.

Крэддок рассказывал о людях, которых нанимал на работу, и Берта не представляла себе большего счастья, нежели иметь такого хозяина, как Эдвард.

– Я бы хотела быть молочницей у тебя на ферме, – сказала она.

– Я не держу молочниц. У меня работает молочник – от него больше толку.

– Сокровище мое! – воскликнула Берта. – Какой же ты практичный!

Она взяла руки Эдварда в свои и принялась разглядывать.

– Знаешь, иногда я тебя боюсь, – со смехом призналась она. – Ты такой сильный, что рядом с тобой я чувствую себя совершенно беспомощной.

– Боишься, что я стану тебя колотить? – улыбнулся Крэддок.

Берта посмотрела ему в глаза, потом вновь опустила взгляд на крепкие руки, которые все еще держала в ладонях.

– Пожалуй, я бы не возражала. Наверное, я только полюбила бы тебя еще больше.

Крэдок расхохотался и поцеловал ее.

– Я не шучу, – настаивала Берта. – Теперь я понимаю тех женщин, которые питают слабость к грубым дикарям. Общеизвестно, что некоторые жены готовы сносить что угодно от своих мужей, и чем более жестоко те себя ведут, тем сильнее бедняжки к ним привязываются. Полагаю, мне бы это тоже понравилось. Правда, я ни разу не видела тебя в гневе, Эдди. Какой ты, когда разозлишься?

– Я никогда не злюсь, – ответил Крэдок.

– Мисс Гловер сказала, что у тебя лучший характер на свете. Меня пугает список твоих совершенств!

– Не ожидай от меня чересчур многого, Берта. Я совсем не идеальный человек.

– Это хорошо, – улыбнулась Берта. – Мне не нужен идеал. Разумеется, у тебя тоже есть недостатки, хоть я их пока не замечаю. А когда замечу – ты станешь для меня еще ближе. Говорят, если женщина влюбляется в уродливого мужчину – уродство делает его лишь более привлекательным, так что я полюблю твои недостатки, как и все остальное, что есть в тебе.

Некоторое время они сидели молча, и тишина была еще более чарующей, чем беседа. Берта так бы и покоилась в объятиях Крэдока целую вечность; она забыла, что скоро даст о себе знать его здоровый аппетит и он расправится с солидной порцией еды.

– Дай я посмотрю на твои руки, – попросила она.

Берта любила его руки. Крупные, грубо вытесанные, задубевшие от работы и ветра, они казались ей в десять раз красивее, чем изнеженные руки горожанина. Она находила их сильными и невероятно мужественными; они напоминали Берте скульптурную руку из итальянского музея, вырезанную из порфира и почему-то незаконченную – необработанные линии создавали то же впечатление скрытой внутри силы. Руки Эдварда также вполне могли быть руками полубога или античного героя. Берта распрямила у себя на ладони его длинные сильные пальцы. Крэдок смотрел на нее со смесью удивления и радости; он чувствовал, что почти не знает девушку. Поймав его взгляд, она с улыбкой наклонилась и поцеловала повернутые кверху ладони. Ей хотелось подчиниться этому большому мужчине, быть покорной и смиренной. Она с радостью стала бы рабой Крэдока и была бы счастлива выполнять для него самую черную работу. Берта не знала, как выразить всю глубину своей страсти.

Берте нравилось ходить в Блэкстебл под руку с женихом и ловить на себе взгляды окружающих – она знала, какое любопытство вызывает у них предстоящий брак. Пусть себе удивляются, что она выбрала Эдварда Крэдока, которого они знают всю жизнь. Берта гордилась возлюбленным, гордилась тем, что вскоре станет его супругой.

Как-то раз, когда выдался особенно теплый для конца осени день, Берта отдыхала на приступке у изгороди, а Крэдок стоял подле нее. Влюбленные не разговаривали и лишь взирали друг на друга в безмолвном обожании.

– Смотри-ка, – вдруг сказал Крэдок. – Вон идет Артур Брандертон. – Он бросил беспокойный взгляд на Берту, потом огляделся по сторонам, словно желая избежать встречи.

– Кажется, он недавно вернулся из поездки? – спросила Берта. – Я давно хотела с ним поболтать. – Она явно была не прочь продемонстрировать своего кавалера всему свету. – Добрый день, Артур! – поздоровалась она, когда молодой человек приблизился.

– Да это же Берта Лей! А, Крэдок.

Брандертон покосился на Эдварда, недоумевая, что тот делает в обществе мисс Лей.

– Мы ходили пешком в Линхэм, и я немного устала.

– А-а.

Брандертону-младшему показалось чудным, что хозяйка Корт-Лейз прогуливается вместе с Крэддоком.

Берта звонко рассмеялась.

– Ах, Эдвард, он же не знает! Единственный человек в округе, до которого еще не дошла новость.

– Что за новость? – осведомился Брандертон. – Я всю неделю провел в Йоркшире у зятя.

– Мы с Эдвардом женимся.

– Что, правда? Боже милостивый!

Брандертон посмотрел на Крэддока, затем неуклюже пробормотал положенные поздравления. Известие ошеломило молодого джентльмена, и, заметив это, Крэддок покраснел, ведь изумление Брандертона явно вызвал тот факт, что Берта снизошла до брака с безродным голодранцем.

– Рассчитываю получить приглашение на свадьбу, – произнес Брандертон, чтобы скрыть свое смущение.

– Церемония будет совсем скромной – только мы, доктор Рамзи, моя тетья и шафер Эдварда.

– Значит, мне нельзя прийти?

Берта бросила быстрый взгляд на Эдварда. Ей было неприятно думать, что дружкой жениха будет человек из простонародья. Если на то пошло, она – не кто-нибудь, а мисс Лей. Кроме того, Берта уже убедилась, что некоторые друзья ее будущего мужа не годятся для приличного общества. Теперь ей представился удобный случай преодолеть эту трудность.

– Боюсь, что нет. Разве что вы попросите Эдварда возложить на вас почетную должность шафера.

Предложение Берты поставило обоих мужчин в неловкую ситуацию. Артур Брандертон вовсе не горел желанием оказывать Крэддоку одолжение. «Разумеется, – думал он, – Крэддок хороший малый и отличный спортсмен, но в женихи Берте Лей не годится». Крэддок молчал, понимая, какие чувства испытывает Брандертон. Однако последний все же имел представление об учтивости, поэтому первым нарушил возникшую паузу.

– Крэддок, вы уже выбрали себе шафера? – спросил он. Ничего другого на ум ему не пришло.

– Нет... Как-то не задумывался об этом.

Поймав взгляд Берты, Брандертон вдруг понял, чего она хочет и с чем связано ее желание.

– Возьмете меня? – быстро произнес он. – Смею утверждать, у меня хватит соображения справиться со всеми обязанностями.

– С большим удовольствием, – отозвался Крэддок. – Вы очень любезны.

Брандертон вновь посмотрел на Берту, та одарила его признательной улыбкой. Он видел, что девушка довольна.

– Где вы собираетесь провести медовый месяц? – спросил Артур для поддержания разговора.

– Не знаю, – ответил Крэддок. – У нас пока не было времени подумать об этом.

– Да, с планами у вас сплошная неопределенность.

Брандертон распрощался с влюбленной парой – напоследок Берта благодарно стиснула ему руку – и ушел.

– Неужели ты и вправду не думал про наше свадебное путешествие, глупыш? – ласково обратилась Берта к Крэддоку.

– Нет.

– Зато я подумала и уже все решила. Мы отправимся в Италию. Я покажу тебе Флоренцию, Пизу и Сиену. Поездка выйдет волшебная! Мы не поедем в Венецию, этот город слишком сентиментален. Не могут же приличные люди в конце девятнадцатого века предаваться любви

в гондолах! О, и я так мечтаю побывать с тобой на юге, под лазурным небом и бесчисленной россыпью ночных звезд.

– Я никогда не выезжал за границу, – заметил Крэддок без особого воодушевления.

Энтузиазма Берты, однако, хватало на двоих.

– Знаю, знаю. Я с радостью открою для тебя новые места и буду наслаждаться их красотой еще сильнее, чем раньше, ведь ты увидишь их впервые! Мы можем провести там полгода.

– Что ты, это невозможно! – воскликнул Крэддок. – Как же я брошу хозяйство?

– Бог с ним, с хозяйством. Речь о нашем медовом месяце, *sposo mio*¹⁵.

– Я не смогу пробыть в отлучке дольше двух недель.

– Что за вздор! Нельзя же поехать в Италию на две недели. На ферме обойдутся и без тебя.

– Тем более в январе и феврале, когда должны ягниться овцы!

Крэддок не хотел огорчать Берту, но, с другой стороны, понимал, что половина ягнят просто погибнет, если он лично не проследит за их появлением на свет.

– Нет, ты должен поехать, я так мечтала об этом.

Некоторое время Крэддок стоял с несчастным видом, опустив голову.

– Может, хватит хотя бы месяца? – поднял он глаза на Берту. – Я сделаю все, как ты захочешь.

То, что ее план пришелся Крэддоку явно не по душе, поразило Берту. Она настаивала на своем только потому, что он сопротивлялся, но как только Эдвард проявил уступчивость, Берта мгновенно раскаялась в собственном упрямстве.

– Какая же я эгоистка! – воскликнула она. – Эдди, я совсем не хочу, чтобы ты страдал. Я думала, что тебе будет интересно отправиться в путешествие, и так чудесно все распланировала. Нет, мы не поедем за границу; ненавижу Италию. Давай лучше на две недели съездим в Лондон, словно парочка настоящих провинциалов.

– Да тебе это не понравится!

– Еще как понравится. Я люблю все, что любишь ты. Какая разница, куда ехать, лишь бы вместе с тобой. Ты ведь не сердишься на меня, душа моя, нет?

Мистер Крэддок недвусмысленно дал понять, что не сердится.

Мисс Лей вопреки своей воле и по инициативе мисс Гловер оказалась вовлечена в благотворительную деятельность и теперь вязала детские носочки (как самые маленькие предметы одежды, которые могла изготовить). Когда Берта сообщила тетушке об изменившихся намерениях, та уронила петлю. Мисс Лей благоразумно промолчала, а про себя подумала, не ждать ли конца света. Планы племянницы рушатся, будто песочные замки, а она и довольна! Месяц назад Берта скорее переплыла бы море и одолела самую высокую горную кручу, нежели отказалась бы от завладевшей ею мысли. Воистину любовь – это умелый фокусник, который делает из льва агнца с той же легкостью, с какой превращает шейную косынку в цветочный горшок! Мисс Лей начала испытывать к Эдварду Крэддоку неподдельное уважение.

Последний, расставшись с Бертой, по дороге домой встретил линхэмского vicar. Мистер Гловер был высоким угловатым мужчиной, худощавым, румяным и светловолосым. Он представлял собой несколько женоподобную копию своей сестры, но при этом распространял вокруг себя ощутимый запах антисептиков; мисс Лей божилась, что он пересыпает свою одежду йодоформом и каждый день принимает ванну с карболкой. Викарию было за сорок, он был энергичен, доброжелателен и ненавидел диссентеров.

– А, Крэддок, я как раз хотел с вами поговорить.

¹⁵ Здесь: муженек (ит.).

– Надеюсь, не насчет оглашения бракосочетания? Мы женимся по специальному разрешению¹⁶.

Как многие сельские жители, Эдвард находил священников забавными (дескать, не стоит на них обижаться, поскольку духовный сан – единственная шутка в их жизни) и имел привычку относиться к викарию с большей долей юмора, нежели проявлялась у него в других сферах жизни. Викарий расхохотался: одна из лучших черт сельского духовенства состоит в том, что они искренне радуются шутливости своих прихожан.

– Стало быть, свадьба – дело решенное? Молодой человек, да вы просто счастливчик!

Крэдок взял мистера Гловера под руку с безотчетным дружелюбием, которое позволяло ему завоевывать расположение множества людей.

– Да, я счастливчик, – подтвердил он. – Понимаю, людям кажется странным, что Берта выходит за меня замуж, но... Мы с ней очень привязаны друг к другу, и я постараюсь сделать для нее все, что в моих силах. Сами знаете, викарий, я никогда не был бездельником и гулякой.

– Верно, юноша, – ответил викарий, тронутый откровенностью Крэдока. – Всем известно, что вы – человек надежный.

– Конечно, она могла бы выйти за мужчину с более высоким положением, однако я постараюсь сделать ее счастливой. Кроме того, у меня в отличие от других нет никаких секретов. Я почти так же чист перед Бертой, как и она передо мной.

– Не многие могут этим похвастаться, – заметил викарий.

– Прежде я не любил ни одной женщины, а что до... остального – ну да, я молод и иногда езжу в город, но мне самому всегда от этого тошно. Сельская жизнь и тяжелый труд – первое средство против всякой скверны.

– Очень рад слышать от вас эти слова, – сказал мистер Гловер. – Желаю вам счастья и верю, что оно у вас будет.

Викарий почувствовал слабый укол совести: поначалу он и сестра называли этот союз *mesalliance*¹⁷ (произношение у обоих было ужасное), и только осознав его неизбежность, почувствовали, что в их отношении к предстоящему событию не хватает христианской терпимости. Прощаясь, мужчины пожали друг другу руки.

– Надеюсь, вы не против, что я излил перед вами душу, – промолвил Крэдок. – В некотором роде это ведь ваша работа. Примерно о том же я хотел сказать мисс Лей, да все никак не получалось.

¹⁶ Специальное разрешение – разрешение на венчание без оглашения имен вступающих в брак, в неустановленное время или в неустановленном месте.

¹⁷ Неравный брак (*фр.*).

Глава VII

Ровно через месяц после совершеннолетия Берты, как и было объявлено, состоялось венчание, и молодожены отправились в Лондон, чтобы провести там медовый месяц. Берта, хоть и знала, что не сможет читать, все-таки взяла с собой книгу – «Размышления» Марка Аврелия, а Эдвард, находя поездки по железной дороге ужасно скучными, на этот случай приобрел «Тайну шестипалой дамы» – уж очень его привлекло название. Он твердо решил бороться со скукой и, разочарованный содержанием романа, купил на вокзале свежий номер «Спортинг таймс».

Когда поезд тронулся, Берта облегченно вздохнула:

– Уф, наконец-то мы одни. Теперь нам никто не помешает, и мы будем вместе до конца дней.

Крэддок опустил газету, которую по привычке развернул, расположившись в купе.

– Я тоже рад, что церемония закончилась.

– Знаешь, – сказала Берта, – по пути в церковь меня почему-то охватил страх! Я испугалась – а что, если тебя там нет? Вдруг ты передумал и сбежал?

– С какой стати мне передумывать? – рассмеялся Крэддок.

– Послушай, я не могу чинно сидеть напротив тебя, как будто мы женаты уже сто лет. Ну-ка, муженек, подвинься. – Берта уселась на сиденье Эдварда и прижалась к его плечу. – Скажи, что ты меня любишь.

– Я очень тебя люблю.

Он наклонился и поцеловал Берту, потом обнял за талию и привлек к себе. Крэддок изрядно волновался и ничуть не сожалел бы, если бы кто-нибудь из персонала поезда проигнорировал табличку с надписью «Молодожены» и вошел. В роли супруга он чувствовал себя скованно и до сих пор не мог привыкнуть к мысли о переменившемся финансовом положении – между поместьем Корт-Лейз и фермой Бьюли действительно лежала пропасть.

– Я так счастлива, – призналась Берта, – что мне иногда даже страшно. Думаешь, наше блаженство может длиться вечно? У меня есть все, о чем я мечтала в жизни, я целиком и полностью удовлетворена. – Она немного помолчала, глядя руки Крэддока. – Скажи, Эдди, ты всегда будешь любить меня? Даже когда я состарюсь и стану страшной?

– Я по натуре постоянен, – ответил он.

– Ах, ты даже не представляешь, как я тебя обожаю! – горячо воскликнула Берта. – Мои чувства к тебе никогда не изменятся, я буду любить тебя до последнего вздоха. Если бы ты только знал, что я испытываю!

С некоторых пор английский язык оказался бессилён выразить все богатство переполнявших Берту эмоций.

Они сняли номер в самом дорогом отеле. Крэддок благоразумно предложил выбрать что-нибудь поскромнее, но Берта и слышать ничего не хотела. Будучи аристократкой, она привыкла, чтобы все было по высшему разряду и, кроме того, так гордилась своей новой фамилией, что непременно желала записать ее в самом роскошном отеле Лондона.

Чем больше Берта узнавала характер мужа, тем сильнее им восхищалась. Ей нравились его простота и естественность. Она отбросила свои прежние взгляды, словно изношенный шелковый плащ, и завернулась в грубую дмотканую материю, которая так шла ее супругу и повелителю. Берта находила очаровательным его детский восторг. Для Крэддока все было внове: он разражался хохотом, просматривая юмористические журнальчики, а в ежедневных изданиях постоянно находил утверждения, которые казались ему необычайно оригинальными. Это было невинное дитя природы, далекое от миллиона пороков цивилизации. Познать его натуру, по

мнению Берты, означало познать всю добродетель и чистоту, силу и великодушие настоящего англичанина.

Они часто посещали театр, и Берту восхищала наивная радость мужа. Душещипательные сцены, которые заставляли ее кривить губы в легкой презрительной усмешке, трогали Эдварда до слез, и он ободряюще стискивал в полумраке ладонь Берты, воображая, что она чувствует то же самое. Ах, если бы! Она возненавидела свое заграничное образование – знакомство с картинами, дворцами и людьми в чужих странах освободило ее разум от тьмы невежества, но при этом разрушило большую часть иллюзий. Теперь она мечтала бы вернуть себе неискушенность и бесхитростную простоту типичной пухленькой английской барышни. Какой прок от знаний? Блаженны нищие духом; все, что нужно женщине, – праведность, доброта и, пожалуй, некоторые навыки в приготовлении несложной еды.

– Потрясающе, правда? – оборачивался Крэддок к жене.

– Ах, милый, – шептала та в ответ.

Его способность к сопереживанию искренне трогала Берту. Она еще сильнее любила Эдварда за то, что всколыхнуть его чувства почти ничего не стоило. О, как ненавидела она холодное пренебрежение циников, насмехающихся над жгучими слезами простодушных!

В конце первого акта любовники – раненая героиня и ложно подозреваемый герой – отыграли горестное прощание, занавес упал, и зал взорвался аплодисментами. Эдвард откашлялся и высморкал нос. В начале следующего акта, сгорая от нетерпения узнать, что же будет дальше, он моментально перестал слушать Берту, которая что-то говорила, и полностью отдался происходящему на подмостках. После сцены, призванной разбередить души зрителей, наступил черед репризы. Комик проделывал забавные штуки с различными предметами одежды, ронял столы и стулья, и Берта вновь радовалась, слыша раскаты непринужденного хохота мужа – Крэддок запрокинул голову назад и, держась за бока, едва не рыдал от смеха. «Характер у него замечательный», – подумала Берта.

У Крэддока были очень строгие понятия о нравственности, поэтому он наотрез отказывался вести жену в мюзик-холл. За границей Берта повидала много такого, чего Эдвард и вообразить себе не мог, однако она отнеслась к его чистоте с уважением. Ей нравилась твердость, с которой Крэддок придерживался своих принципов, а еще то, что он относился к ней как к маленькой девочке. Супруги побывали во всех лондонских театрах. Раньше во время своих редких приездов в столицу Эдвард не позволял себе значительных трат на культурные развлечения, и теперь покупка билетов в партер и облачение во фрак доставляли ему огромное удовольствие. Берта с восхищением любовалась супругом, одетым в вечерний костюм: черный фрак подчеркивал его цветущий вид, а белая сорочка со стоячим воротничком оттеняла красноту загорелого обветренного лица. Эдвард выглядел невероятно сильным и мужественным, а еще он был супругом Берты, и разлучить их могла лишь одна смерть. Она его боготворила.

Крэддок наблюдал за действием на сцене с неослабевающим интересом. Он сгорал от нетерпения узнать, что произойдет дальше, и внимательно следил даже за невразумительным сюжетом водевиля. На него ничто не навело скуку. Самым блестящим острьяком со временем приедаются шутки и музыкальные гармонии, звучащие в бурлесках театра «Гейети»¹⁸ – они напоминают сливочные тянучки, которые мы обожали в детстве и к которым равнодушны теперь. Берта получила некоторое представление о музыкальном искусстве в странах, где оно – источник наслаждения, а не тягостный, навязанный приличиями долг, и от популярных мелодий с легко запоминающимся рефреном ее передергивало. Крэддока, напротив, они трогали до глубины души; он стучал ногой в такт пошлым современным мотивчикам, и лицо его менялось, едва оркестр начинал играть патриотический марш с непременным визгливым ревом духовых

¹⁸ Театр «Гейети» – английский театр развлекательного направления. Открыт в Лондоне в 1868 г. На сцене театра играли комедии, оперетты, фарсы.

инструментов и громом барабанов. В течение последующих дней он с удовольствием напевал или насвистывал запомнившуюся мелодию.

– Я очень люблю музыку, – признавался он жене в антракте. – А ты?

Берта с ласковой улыбкой кивала и, дабы не расстраивать мужа, скромно умалчивала о том, что от той музыки, которую имеет в виду Крэддок, ее чуть не тошнит. Ничего страшного, что музыкальные вкусы Эдварда небезупречны. В конце концов, простые, невзыскательные мотивы, которые находят отклик в людских сердцах, тоже имеют свою прелесть.

– Я хочу, чтобы дома ты музицировала для меня, – сказал Крэддок.

– С удовольствием, – промурлыкала Берта, воображая длинные зимние вечера, которые они вместе будут проводить за фортепиано. Она будет играть, а Эдвард – переворачивать страницы. Берта поразит его, раскроет перед ним все богатство музыкального творчества великих композиторов. Она не сомневалась, что, по большому счету, вкус у Крэддока отличный.

– Моя мать оставила после себя много нот, – сообщил он. – Ей-богу, я не прочь снова послушать добрые старые мотивы. Мне они никогда не надоедают! «Последняя роза лета», «Дом, милый дом» и все такое прочее.

– Спектакль был просто отличный, – заметил Крэддок за ужином. – Я бы хотел еще разок сходить на него до нашего отъезда.

– Как пожелаешь, дорогой.

– Такие развлечения идут только на пользу. Сразу как-то встряхиваешься, правда?

– А мне на пользу видеть тебя в хорошем настроении, – дипломатично отозвалась Берта.

Она сочла спектакль вульгарным, но перед лицом мужниных восторгов ей оставалось лишь обвинить себя в нелепой брезгливости. Кто она такая, чтобы судить о подобных вещах? Не вульгарно ли с ее стороны видеть пошлость в том, что доставляет радость простодушным? Берта корила себя за то, что похожа на *nouveau riche* – богатого выскочку, который страдает от всеобщего недостатка аристократизма. Нет, она устала от постоянной оценки всего и вся, от изысканности и прочих атрибутов декадентской цивилизации. «Ради всего святого, – подумала Берта, – нужно быть проще и довольствоваться простыми развлечениями».

Она вспомнила четырех полураздетых девиц в обтягивающих трико, отплясывавших на редкость неуклюжую джигу, которую восторженная публика заставила дважды повторить на бис.

Существует некоторая трудность в том, чтобы занять себя в Лондоне, если в этом городе нет ни дел, ни знакомых, которым можно наносить визиты. Берта охотно сидела бы день-деньской в гостиничном номере наедине с Эдвардом, тихо наслаждаясь его близостью и своим счастьем. Крэддок, однако, был наделен здоровой энергией чистокровного англосакса – той самой потребностью в постоянной активной деятельности, которая подарила миру английских легкоатлетов, миссионеров и членов парламента. Едва приступив к завтраку, Крэддок задавал неизменный вопрос: «Куда мы сегодня пойдем?» Берта ломала голову и перелистывала путеводитель, выбирая места, достойные осмотра. Единственным способом времяпрепровождения для семейной четы стало подробное изучение английской столицы, как если бы они приехали в Лондон из другой страны.

Супруги посетили Тауэр, где разглядывали короны, скипетры и прочие регалии; побывали в Вестминстерском аббатстве. Присоединившись к группе американских и отечественных туристов, которых туда-сюда водил служитель в черном балахоне, Берта и Эдвард посмотрели на места захоронения монархов и на все прочее, что полагалось увидеть. У Берты вспыхнул неподдельный интерес к памятникам древности; ей нравилось ощущение наивного невежества, с каким турист, привезенный агентством Кука, отдается в руки музейного гида, смотрит, куда велено, и, раскрыв рот, внимает самым недостоверным историям. Осознавая скудость соб-

ственных познаний, Берта желала ближе познакомиться с историей родной страны. Эдварду не все нравилось в одинаковой степени. Картины вызывали у Крэддока зевоту (живопись вообще нагоняла на него скуку), поэтому посещение Национальной галереи вышло неудачным. В Британском музее ему тоже не понравилось. Прежде всего Крэддоку стоило большого труда следить за тем, чтобы взор жены не наткнулся на обнаженные статуи, расставленные повсюду без какого бы то ни было уважения к чувствам порядочных людей. Один раз она остановилась перед скульптурной группой, нагие фигуры в которой были крайне скудно прикрыты щитами и мечами, и принялась восторгаться их красотой. Эдвард беспокойно огляделся по сторонам и, коротко согласившись с Бертой, поспешно увел ее к более приличным экспонатам.

– Терпеть не могу эту гадость! – в сердцах воскликнул он, когда они стояли перед статуями трех богинь из греческого Парфенона. – Ни в жизнь сюда больше не приду.

Берте стало немножко стыдно, поскольку она втайне восхищалась этими скульптурами.

– Ну вот объясни мне, что красивого в этих безголовых созданиях? – спросил Крэддок.

Берта не нашлась с ответом, и он утвердился в своей правоте. Эдвард был душкой, она любила его всей душой.

С другой стороны, Музей естествознания вызвал у Крэддока массу положительных впечатлений. Здесь он не ощущал стеснения и скованности, здесь не выставлялись разные непристойности, от которых следовало оберегать взгляд супруги, а животные – это то, что понятно любому человеку. Тем не менее звери и птицы сразу же напомнили ему о просторах Восточного Кента и привычной, милой сердцу жизни. В Лондоне было хорошо, однако Крэддок все равно чувствовал себя не в своей тарелке, и пребывание в чужом городе его уже тяготило. Берта тоже начала поговаривать о доме и Корт-Лейз; она всегда жила скорее будущим, нежели настоящим, и даже в этот счастливый период с нетерпением ожидала наступления тех дней в Линхэме, когда ее блаженство наконец будет полным.

Впрочем, Берта и сейчас была довольна. Со дня свадьбы прошла всего неделя, а ей уже страстно хотелось осесть на месте и осуществить все свои чаяния. Супруги живо обсуждали перестановки, которые необходимо сделать в доме; Крэддок составил план по приведению в порядок сада и фермы при усадьбе. Заниматься хозяйством он был намерен лично.

– Я хочу домой, – сказала Берта. – Лондон мне надоел.

– Да, поскорее бы закончились эти две недели, – ответил Крэддок.

Он сам решил, что свадебное путешествие продлится четырнадцать дней и теперь не мог пойти на попятную. Крэддок не любил менять свои планы и придумывать что-то новое; он гордился, что никогда не отступает от принятых решений.

Неожиданно молодожены получили письмо от мисс Лей, в котором она извещала, что упаковала вещи и отбывает в Европу.

– Думаешь, нам не следует попросить мисс Лей задержаться? – обратился Крэддок к жене. – Не очень-то красиво получается: мы как будто ее выгоняем.

– Ты же не хочешь, чтобы она жила с нами? – встревожилась Берта.

– Вовсе нет, только не понимаю, почему ты выставляешь ее за дверь, точно служанку, с уведомлением за месяц.

– О, я попрошу тетюшку остаться, – заверила Берта, желая повиноваться мужу во всем до мелочей. К тому же повиноваться было нетрудно, поскольку Берта отлично знала, что мисс Лей ни за что не примет ее предложения.

Сейчас Берта не хотела кого-либо видеть, и менее всего – свою тетю, смутно ощущая, что присутствие действующих лиц из прошлого неким образом умалит ее нынешнее счастье. Вдобавок она вряд ли сумела бы скрывать переполнявшие ее эмоции, а выказывать их перед критическим взором мисс Лей Берте было бы стыдно. Зная спокойную насмешливость мисс Лей и ее сдержанное презрение ко многим вещам, отношение к которым Берта изменила ради

Крэдока, молодая женщина пришла к выводу, что встреча с тетушкой сулит ей сплошное неудобство.

Из ответного письма мисс Лей стало ясно, что она, по-видимому, знает свою племянницу лучше, чем та предполагала.

«Моя дорогая Берта!

Выражаю крайнюю признательность твоему супругу за любезное предложение пожить в Корт-Лейз и все же тешу себя мыслью, что твое мнение обо мне достаточно высоко и потому не позволит тебе допустить, что я отвечу согласием. Новобрачные, знаешь ли, дают массу поводов для смеха (а смех, как утверждают, – самое замечательное свойство человека и единственное, что отличает его от неразумных тварей), но поскольку я до странности бескорыстна, то не считаю возможным воспользоваться шансом, который вы с Эдвардом мне предоставляете. Вероятно, через год вы начнете замечать недостатки друг друга, и тогда общаться с вами будет интереснее, хотя и менее забавно. Итак, нет. Я отправляюсь в Италию, где вновь окунусь в водоворот пансионеров и второразрядных отелей, в которых судьбой предопределено коротать жизнь незамужним дамам со средним достатком. С собой я беру бедкер, и если мне случится возомнить себя умнее прочих, его красная обложка всегда напомнит о том, что я – всего лишь человек.

Кстати, надеюсь, ты не показываешь свою корреспонденцию (и особенно мои письма) супругу. Мужчине никогда не понять женского общения в эпистолярной форме, ведь он читает написанное, пользуясь своим примитивным алфавитом из двадцати шести букв, тогда как требуется по меньшей мере пятьдесят две, да и тех ему вряд ли хватит. Скверное правило – разрешать мужу читать чужие письма. Наблюдая за семейными парами, я уверилась в том, что это – кратчайший путь в бракоразводный суд. В сущности, для счастливых супругов чистой воды безумие делать вид, будто у них нет секретов друг от друга, потому что такое притворство еще сильнее толкает их на обман. Если же вопреки всему ты считаешь, что обязана показать Эдварду мое послание, возможно, он найдет его бесполезным в плане более близкого знакомства с моим характером, за изучением коего я сама провела немало увлекательных лет.

Своего адреса не оставляю, дабы тебе не пришлось искать причин, по которым мое письмо останется без ответа.

Любящая тебя тетьа,
Мэри Лей».

Берта нетерпеливым жестом передала письмо Эдварду.

– Что она имела в виду? – недоуменно спросил тот, закончив читать.

Берта пожалала плечами.

– Тетьа Полли верит исключительно в людскую глупость. Бедняжка не знает, что такое любовь. Но у нас с тобой не будет тайн друг от друга. Я знаю, Эдди, что ты никогда и ничего не станешь от меня скрывать, а я... Что такого я способна сделать, в чем не могла бы тебе признаться?

– Смешное письмо, – заметил Крэдок, снова бросив взгляд на листок бумаги.

– Зато теперь, милый, нам никто не помешает, – сказала Берта. – Дом в нашем распоряжении. Едем теперь же?

– Но ведь две недели еще не закончились, – возразил он.

– Какая разница? Мы оба устали от Лондона; поедem лучше домой. Зачем откладывать, если впереди нас ждет новая жизнь? Этот медовый месяц – такая глупость!

– Что ж, я не против. Вообрази, что было бы, если бы мы укатили в Италию на полтора месяца!

– Ну, я просто не знала, что такое медовый месяц. Представляла его совсем иначе.

– Теперь видишь, что я был прав?

– Конечно, конечно! – воскликнула Берта и обвила руками шею Эдварда. – Ты всегда прав, мой драгоценный супруг. Ах, как же я тебя люблю!

Глава VIII

Между Линхэмом и Блэкстеблом кентское побережье уныло и пустынно. Холодные ветры с Северного моря, властвующие на протяжении долгих зимних месяцев, гнут деревья; темные воды постоянно рождают пелену тумана, который сбивается в плотные облака. Это суровый край: порой мрачные тона и безмолвное море выражают покой и затаенную обиду, ледяные порывы ветра заставляют кровь быстрее бежать по венам, и тогда широкий шаг и порозовевшие щеки утверждают радость жизни, но, помимо этого, голая каменная пустыня может ввергнуть в самую черную меланхолию, а свинцовое небо – породить отчаяние, которое страшнее смерти. Человеческий настрой всегда находит отражение в окружающем пейзаже, и одновременно природа содержит в себе квинтэссенцию наших чувств.

Берта стояла на широкой дороге, что проходила мимо Корт-Лейз, и смотрела на принадлежавшие ей владения. Поблизости признаками обитания людей служили лишь два домишки, но время и непогода почти полностью лишили их признаков того, что в строительство был вложен человеческий труд. Они стояли в стороне от дороги, среди плодовых деревьев, и выглядели частью природы, а не уродливым пятном, каким всегда казался Корт-Лейз. Вокруг расстились поля, обширные участки вспаханной земли и пастбищные луга с сухим и жестким травяным покровом. Редкие деревья, стоящие вдалеке, сгибались под порывами ветра. Дальше лежал Блэкстебл – россыпь серых домов, которые отделялись полосой новых коттеджей, выстроенных для лондонцев, что приезжали сюда на лето. Это был рыбацкий городок, в море там и сям виднелись смаки¹⁹.

Берта смотрела на открывающийся пейзаж, и в ее груди теснились неизведанные донные чувства. Тяжелые низкие тучи словно бы создавали невидимый барьер, который отгораживал ее от остального мира. Вокруг расстилалась родина ее предков – здесь появилась на свет она сама, как прежде рождались они. Прожив свой век, один за другим они возвращались туда, откуда пришли, и вновь соединялись с землей. Берта отринула пышность и суету, чтобы жить так, как жили отцы и деды, – пахать, сеять и жать, но ее дети, еще не рожденные потомки, будут принадлежать к другому поколению, более сильному и прекрасному. Семейная ветвь Лей ушла в небытие, и сыновья Берты будут носить другое имя. Все это она прочла, глядя на темные поля и серую дымку тумана. Легкое физическое утомление, которое передалось разуму, вдруг породило у Берты ощущение усталости целого рода, просуществовавшего чересчур долго; она подсознательно поняла, что сделала правильный выбор, решив добавить в кровь семьи Лей новую, свежую струю. Здоровая молодая кровь была необходима, чтобы возродить угасающий род. Мысли Берты перенеслись к отцу – человеку, лишь поверхностно знакомому с искусством, колесившему по Италии в поисках красивых предметов и чувств, которых не могла дать его родная страна. Она вспомнила и тетушку, чье отношение к жизни выразилось в легком пожимании плеч и тонкой улыбке, умело скрывавшей презрение. Разве не мудро поступила Берта, последняя из семьи? Слишком слабая, чтобы выстоять в одиночку, она нашла супруга, чья мощь и жизненная энергия станут надежной опорой ее хрупкому стеблю. В жилах мужа таится сила матери-земли, первобытная сила, которой неведомы колебания слабаков. Он – властный повелитель, а она – его покорная раба.

Миссис Крэдок заметила у подножия холма фигуру, размахивающую зонтиком, и улыбнулась, узнав мужскую походку мисс Гловер. Решительность старой девы ощущалась даже на расстоянии. Мисс Гловер приблизилась. От быстрого подъема ее лицо покраснелось больше обычного, отделанный тесьмой жакет облегал фигуру плотно, точно вторая кожа.

– Я собиралась навестить вас, Берта! – крикнула она. – Мне сказали, что вы вернулись.

¹⁹ Смак – небольшое одномачтовое рыболовное судно.

– Да, мы дома уже несколько дней, отдыхаем с дороги.

Мисс Гловер энергично потрясла руку Берты, и они вместе двинулись к дому вдоль аллеи, обрамленной голыми черными деревьями.

– Итак, расскажите же про ваш медовый месяц. Мне ужасно не терпится обо всем узнать.

Берта, однако, оказалась неразговорчива. Она инстинктивно не хотела посвящать кого-либо в свои личные дела и, кроме того, никогда не жаждала поддержки и сочувствия посторонних.

– Да, собственно, рассказывать почти не о чем, – молвила она, когда хозяйка и гостя расположились в гостиной и Берта принялась разливать чай. – Полагаю, все свадебные путешествия более-менее одинаковы.

– Ах, какая вы смешная! – воскликнула сестра викария. – Вам ведь понравилось?

– О да, – ответила Берта; на ее лице заиграла почти экстагическая улыбка. – Мы замечательно провели время, побывали во всех лондонских театрах!

Мисс Гловер почувствовала, что супружество изменило Берту, и, осознав эту перемену, немного занервничала. Она с беспокойством поглядывала на замужнюю даму и время от времени краснела.

– Вы счастливы? – неожиданно выпалила она.

Берта улыбнулась и порозовела, отчего стала выглядеть просто красавицей.

– Думаю, что да, счастлива.

– Вы разве не уверены? – придралась к слову мисс Гловер, которая во всем любила точность и с большим неодобрением относилась к людям, неспособным разобраться в самих себе.

Берта взглянула на нее так, словно задумалась над вопросом.

– Видите ли, – сказала она, – счастье – это всегда не совсем то, чего ты ждал. Едва ли я рассчитывала получить так много и все равно представляла себе счастье по-другому.

– Пожалуй, не стоит сильно углубляться в эти рассуждения, – чуточку строго ответила мисс Гловер, считавшая, что молодой замужней женщине не подобает заниматься самоанализом. – Нам следует принимать происходящие с нами события такими, какие они есть, и благодарить Бога за это.

– В самом деле? – весело переспросила Берта. – У меня так не выходит. Мне всегда мало того, что есть.

Хлопнула входная дверь, и Берта вскочила с дивана.

– Эдвард пришел! Я должна его встретить, не возражаете?

Она почти вприпрыжку выбежала из комнаты. Замужество удивительным образом развеяло присущую Берте серьезность, из-за которой окружающие почти не видели в ней ничего девического. Она казалась моложе и беспечнее.

«Что за странное создание! – думала мисс Гловер. – В девушках держалась будто замужняя леди, а теперь скачет будто школьница».

Сестра викария сомневалась, что подобное легкомыслие уместно в положении замужней дамы и что необычные взрывы смеха Берты приличествуют этому таинственному состоянию, требующему степенности.

«Надеюсь, у нее все сложится хорошо», – вздохнула мисс Гловер.

Берта же порывисто бросилась на шею мужу и поцеловала его, а затем помогла снять куртку.

– Как я рада тебя видеть! – вскричала она, весело смеясь над собственным пылом, – супруги расстались не далее как после ленча.

– У нас гости? – осведомился Крэддок, заметив зонтик мисс Гловер, и немного рассеянно обнял жену.

– Сейчас увидишь, – ответила Берта. Взяв мужа под руку, она потащила его в гостиную. – Беденький, ты, наверное, ужасно хочешь чаю!

– Мисс Гловер! – вскричал Крэддок. Они с обоюдной доброжелательностью пожали друг другу руки. – Как замечательно, что вы решили к нам заглянуть. Я искренне рад вас видеть. Сами видите, мы вернулись раньше, чем планировали. Нет места лучше, чем родной дом, верно?

– Вы правы, мистер Крэддок. Лично я не выношу Лондон.

– Ах, да вы просто его не знаете, – вставила Берта. – Для вас весь Лондон – это лишь кондитерская, Эксетер-Холл²⁰ да церковные конгрессы.

– Берта! – удивленно посмотрел на жену Крэддок: он не понимал ее фривольного обращения с мисс Гловер.

Сестра викария, это кроткое создание, была слишком мягкосердечна и потому не обижалась на высказывания Берты. Мисс Гловер мрачно улыбнулась – по-другому она не умела.

– Мистер Крэддок, расскажите, как вы проводили время в Лондоне. Из Берты ничего не вытянешь!

Крэддок, напротив, оказался словоохотлив. Ему доставляло огромное удовольствие снабжать людей информацией, он всегда был готов поделиться своим знанием с целым миром. Если Крэддoku становилось известно нечто новое, то он сразу же спешил сообщить об этом кому-либо еще. Некоторые, узнав новость, моментально теряют к ней интерес и вовсе не желают ее обсуждать. Крэддок был не таков, и даже многократный повтор одного и того же факта не истощал его жгучего стремления просветить остальных. За день он мог сообщить известие сотне человек и с таким же энтузиазмом рассказать о нем сто первому. Такое свойство характера – несомненный дар, поистине бесценный для школьных учителей и политиков, хотя и немного утомительный для их аудитории.

Крэддок представил госте подробнейший отчет об их пребывании в Лондоне: перечислил виденные пьесы, пересказал все сюжеты и поименно перебрал актеров; назвал все музеи, церкви и светские заведения, которые они посетили. Берта смотрела на мужа, тихо улыбаясь его жаркому монологу. Не важно, о чем говорил Эдвард, – одни только звуки его голоса улаживали слух Берты. Она с радостью сидела бы и слушала супруга, даже если бы тот взялся прочесть от начала до конца «Альманах Уитакера»²¹ (кстати, на это Крэддок был вполне способен). На взгляд мисс Гловер, Эдвард Крэддок гораздо больше соответствовал понятию молодого мужа, нежели Берта – понятию молодой жены.

– Очень приятный человек, – позже сообщила мисс Гловер брату. Викарий и его сестра восседали на противоположных концах длинного стола и ужинали холодной бараниной.

– Согласен, – ответил священник своим ровным, усталым голосом. – Думаю, из него выйдет хороший супруг.

Мистер Гловер был само смирение, что слегка раздражало мисс Лей, которая предпочитала мужчин, сильных духом, а силы духа в линхэмском викарии не было ни на грамм. Он смирился буквально со всем: со скверно приготовленной едой, с порочностью человеческой природы, с мизерным жалованьем, с существованием диссентеров (почти); он являл собой покорность, доведенную до смертного порога. Мисс Лей сравнивала мистера Гловера с испанскими осликами, которые длинной цепочкой уныло бредут один за другим, неся на спинах тяжелую поклажу, – покорно, покорно, покорно... И все же, будучи не столь смиренным, как мистер Гловер, испанский ишак порой лягался; линхэмский викарий – ни разу!

– Я очень надеюсь, что они будут жить в ладу, Чарльз, – промолвила мисс Гловер.

– Я тоже, – кивнул викарий и после паузы спросил: – Ты узнала у Крэддочков, придут ли они завтра в церковь?

²⁰ Эксетер-Холл – здание в Лондоне, место собраний различных религиозных и филантропических обществ.

²¹ «Альманах Уитакера» – политический, финансовый и статистический ежегодник, издаваемый в Англии с 1868 г. по настоящее время.

Пережевывая картофельное пюре, он многострадально отметил, что оно подгорело. Ему всегда подавали подгорелый картофель, но викарий не возмущался.

– Ох, совсем забыла. По всей вероятности, должны прийти. Мистер Крэдок обычно не пропускает воскресную службу.

Священник ничего не ответил, брат и сестра закончили ужин в молчании. После трапезы викарий сразу же отправился в свой кабинет, чтобы закончить проповедь, а мисс Гловер достала из корзинки его шерстяные носки и принялась их штопать. Она трудилась более часа, и все это время чета Крэддок не выходила у нее из головы. С каждым разом Эдвард Крэдок нравился ей все больше, она пришла к выводу, что на него можно положиться. Мисс Гловер немного корила себя за то, что поначалу осуждала этот брак. Она поступала не по-христиански и теперь размышляла, должна ли принести извинения Берте или Крэддоку. Сестру викария чрезвычайно привлекала мысль совершить нечто уничижительное для собственного достоинства. Берта, однако, отличалась от прочих девушек, и, подумав о ней, мисс Гловер почему-то смутилась.

Шорох стрелки в часах, готовящихся пробить новый час, заставил ее поднять глаза. Было без пяти десять.

– Надо же, как поздно!

Мисс Гловер встала, аккуратно отложила в сторону работу, взяла с фисгармонии Библию, большой молитвенник и поместила их на краешек стола. Выдвинула кресло для брата и села, спокойно дожидаясь его возвращения. Когда часы пробили десять, дверь кабинета открылась, вошел викарий. Не говоря ни слова, он взял книги, уселся, раскрыл Библию и нашел нужное место.

– Ты готов? – спросила мисс Гловер.

Священник на секунду поднял глаза.

– Да.

Мисс Гловер позвонила в колокольчик. Служанка внесла корзину с яйцами и поставила ее на стол. Мистер Гловер не сводил с нее глаз, пока она не устроилась на стуле, затем начал читать отрывок из Библии. Когда он завершил чтение, служанка зажгла две свечи, сказала «спокойной ночи» и удалилась. Мисс Гловер пересчитала яйца.

– Сколько сегодня? – спросил викарий.

– Семь, – отозвалась его сестра, один за другим помечая яйца и внося цифры в специальную книгу.

– Готова? – в свою очередь спросил мистер Гловер.

– Да, Чарльз, – промолвила она и взяла в руки свечу.

Он погасил лампу и, освещая путь при помощи второй свечи, вслед за ней поднялся наверх. У двери своей спальни мисс Гловер остановилась, чтобы пожелать викарию доброй ночи, он холодно поцеловал ее в лоб. Брат и сестра разошлись по комнатам.

По воскресеньям с утра в любом сельском доме царит особенное возбуждение, особая атмосфера, присущая только этому дню, ощущается некая готовность и предвкушение. Несмотря на то что ситуация повторяется из года в год каждую неделю, приготовления к посещению церкви все равно весьма волнительны. Пахнет чистым бельем, все одеты в накрахмаленные наряды и чувствуют себя немного скованно; куда-то пропадают молитвенники и псалтыри; дамы никогда не бывают готовы вовремя и в конце концов торопливо спускаются с крыльца, на ходу застегивая перчатки; мужчины сердятся и недовольно поглядывают на часы.

Эдвард, разумеется, оделся во фрак и цилиндр – самый подходящий костюм для сквайра, который воскресным утром идет в церковь (Крэдок, как никто другой, уделял внимание правилам приличия). Он держался очень прямо, стараясь сохранять серьезный, хотя и немного напряженный вид, подобающий, по его мнению, случаю.

– Берта, мы опоздаем, – поторопил он. – Это будет выглядеть очень дурно. Мы ведь в первый раз идем в церковь как муж и жена.

– Уверю тебя, дорогой, – ответила она, – даже если мистер Гловер опрометчиво решит нас не дожидаться, для прихожан главная церемония начнется не раньше, чем появимся мы.

Они подъехали в старомодной карете, которую брали только для выездов в церковь и на званые обеды. Новость о прибытии четы Крэддочков немедленно передалась от праздных зевак на крыльце к благочестивой пастве внутри. Пока мистер и миссис Крэддок шли между рядами и усаживались на скамью в первом ряду, издавна закрепленную за семьей Лей, толпа возбужденно шепталась.

– Держится, как будто так и надо, – шушукались местные жители. Крэддок интересовал их гораздо больше, чем его жена, чье высокое положение делало ее почти чужачкой.

Берта плыла по проходу с царственным пренебрежением к взглядам, обращенным на нее. Она была довольна собственным видом и чрезвычайно гордилась красавцем-супругом. Миссис Брандертон, мать шафера на свадьбе Эдварда, навела на Берту лорнет и пристально разглядела ее, как принято у важных леди. В этой глубинке миссис Брандертон, седовласая, хихикающая старушонка, считалась законодательницей мод. Она изрекала глупости скрипучим тоненьким голоском и выписывала чересчур легкомысленные для своего возраста шляпки из самого Парижа. Миссис Брандертон была знатной дамой, считала этот факт просто замечательным и чрезвычайно им гордилась, как и положено леди, а также любила приговаривать, что благородная кровь есть благородная кровь (весьма глубокомысленное замечание, если вдуматься).

– Когда закончится служба, я подойду и поздороваюсь с Крэддоками, – шепнула она на ухо сыну. – Это произведет благоприятное впечатление на жителей Линхэма. Бедняжка Берта, видимо, пока стесняется.

Самомнение миссис Брандертон было раздуто до невероятных пределов. Ей даже в голову не приходило, что кто-то, находясь в скверном или неудобном положении, может отвергнуть ее покровительство. Она раздавала советы налево и направо, и это не считая бульонов и варенья, которые отправляла беднякам, а если они хворали, посылала к ним свою кухарку, чтобы та читала им отрывки из Библии. Миссис Брандертон и сама навещала бы сирых и убогих, если бы не брезговала общаться с низшими классами, полагая, что от этого последние становятся дерзкими и грубыми. Почтенная дама ни на миг не сомневалась, что она и ей подобные созданы из другого теста, нежели простолюдины, но, как истинная аристократка, никогда этого не подчеркивала, кроме тех случаев, когда чернь начинала задирать нос и следовало поставить ее на место.

Не имея сколь-нибудь выдающихся кровей, ума или денег, эта женщина считала своим исконным правом устанавливать моды, заправлять делами и даже образом мыслей своих соседей и посредством одной лишь силы своего чванства уже тридцать лет заставляла их терпеть ее тиранию. В округе ее ненавидели, и все же приглашение на скверный обед к миссис Брандертон считалось особой привилегией.

Она провела серьезный диалог с собственной персоной относительно того, как все-таки следует относиться к Крэддокам.

– Мой долг – игнорировать этих людей, – промолвила она. – Эдвард Крэддок – не пара мисс Лей. С другой стороны, по соседству почти не осталось людей благородного происхождения, и, конечно, в наши дни заключают такие браки, которых двадцать лет назад никто и представить не мог. Даже в высшем обществе теперь можно встретить кого угодно. Может, я и совершаю ошибку, но в данном случае все же лучше проявить терпимость.

Миссис Брандертон было немножко приятно думать, что представители рода Лей нуждаются в ее поддержке, – это стало очевидно после того, как они обратились к Артуру с просьбой быть шафером на свадьбе.

– Благородная кровь есть благородная кровь, – сказала она себе. – Теперь вокруг сплошные мясники да мебельщики, и нам нужно держаться вместе.

По окончании службы, пока прихожане еще не разошлись, миссис Брандертон в сопровождении Артура прошествовала по церковному двору к Крэдокам и своим визгливым, надтреснутым голосом завела беседу с Эдвардом. Она внимательно следила за тем, чтобы жители Линхэма не пропустили эту сцену. Миссис Брандертон разговаривала с Крэдоком в снисходительной манере знатной леди, которая принимает в общество человека хоть и не из просто-народья, но не голубых кровей. Он был обрадован и польщен.

Глава IX

Через несколько дней, совершив должные приготовления, коими миссис Брандертон никак не могла пренебречь, она отправила Крэддокам приглашение на ужин. Берта прочла его и молча передала мужу.

– Интересно, кого еще она пригласит к нам в компанию? – произнес Эдвард.

– Хочешь пойти?

– А ты разве нет? У нас не назначено других визитов, так ведь?

– Ты когда-нибудь прежде обедал у Брандертонов?

– Нет. Я играл у них в теннис и всякое такое, но ни разу не переступал порог дома.

– По-моему, со стороны миссис Брандертон это наглость – приглашать тебя сейчас.

От удивления Эдвард разинул рот.

– Во имя всего святого, о чем ты?

– Ты что, сам не видишь? – воскликнула Берта. – Они приглашают тебя только потому, что ты мой муж. Это унижительно!

– Ерунда! – расхохотался Крэддок. – Но даже если ты и права, что с того? Я не настолько чувствителен, чтобы обращать на это внимание. Миссис Брандертон очень любезно разговаривала со мной в прошлое воскресенье. Наш отказ будет выглядеть странно.

– Любезно разговаривала? Неужели ты не видел, что она смотрит на тебя свысока, будто на прислугу? У меня внутри все кипело, я еле сдерживалась!

Крэддок опять рассмеялся.

– Я ничего такого не заметил. Это все твои фантазии, Берта.

– Я не собираюсь идти на этот мерзкий ужин.

– Тогда я пойду один.

Берта вздрогнула, словно от удара, и побелела. Нет, разумеется, Эдвард пошутил. Он не собирался поступать так, как сказал. Она поспешила согласиться с мужем:

– Хорошо, Эдди, если хочешь, я тоже пойду. Я отказывалась только ради тебя.

– Нам следует быть добрыми соседями. Я хочу подружиться со всеми, – сказал Крэддок.

Берта села на ручку его кресла и обняла за шею. Эдвард погладил ее ладонь, а она с обожанием посмотрела на него, затем наклонилась и поцеловала в волосы. Что за глупость пришла ей в голову, будто он ее не любит!

Существовала и другая причина, по которой Берта не хотела идти к миссис Брандертон. Она знала, что Эдварда подвергнут тщательному изучению и острой критике, и от этой мысли внутри у Берты все переворачивалось. Обсуждать будут всё: и внешний вид, и манеры ее мужа, и их семейные отношения. Берта достаточно хорошо представляла, какое положение Крэддок занимал в Линхэме прежде: Брандертоны и прочие сливки местного общества знали Эдварда с самого детства и считали его не более чем просто знакомым, ограничиваясь вежливым кивком. Только сейчас к нему впервые обратились как к равному; его вводили в круг, который миссис Брандертон самодовольно именовала «первой десяткой Линхэма». У Берты действительно вскипала кровь в жилах, ее глубоко уязвляло пренебрежение, с которым к Крэддоку относились все эти годы.

«На его месте я бы лучше умерла, чем согласилась пойти, – думала она. – Эти люди столько лет считали Эдварда пустым местом, а теперь делают мне одолжение, принимая его!»

Крэддок же, казалось, начисто лишен гордости. Его не возмущало ни прежнее безразличие Брандертонов, ни их нынешнее бесстыдство.

Берту снедало беспокойство. Она гадала, кто будут остальные гости. Станут ли они насмехаться над Эдвардом? Разумеется, в открытую – нет. Миссис Брандертон, самая острая на язык, гордилась безупречными манерами. Эдвард, однако, был от природы стеснителен и

в малознакомом обществе вел себя довольно неуклюже. В глазах Берты его застенчивость не была пороком и лишь делала Крэдока еще более очаровательным. Это робкое чистосердечие трогало Берту, она сравнивала его с глупой бездушностью воображаемого лондонца, чей разгульный образ жизни всегда противопоставляла добродетелям супруга. Увы, Берта знала, что злые языки по-другому назовут то, что сама она именовала прелестной *naïveté*²².

Когда наконец знаменательный день настал и Крэдоки покатали по сельской дороге в старой карете, Берта была полна решимости смертельно обидеться на малейшее проявление неуважения к ее мужу. Сам лорд – верховный судья не мог бы с большим рвением блюсти доброе имя учредителя компании, чем миссис Крэдок оберегала чувствительность супруга. Эдвард, подобно финансисту, относился к мероприятию с абсолютным равнодушием.

Для своего аристократического представления миссис Брандертон собрала знать со всей округи. Съехались гости не только из Блэкстебла, Теркенбери и Фаверсли, но и из окрестных имений и усадеб. Среди них была миссис Мэйстон Райл в великолепном черном парике и пышном платье из лилового шелка, а также леди Уаггетт.

– Всего-навсего вдова местного сэра-рыцаря, дорогая, – просветила Берту хозяйка насчет последней. – Ничего примечательного, зато добра сердцем, так что не нужно судить ее слишком строго.

Прибыл генерал Хэнкок с двумя туго завитыми дочерьми. Девицы были на редкость дурны собой, однако притворялись, что не знают об этом. Пыхтя, точно паровоз, старый вояка проковылял в залу, а его дочки (чей совокупный возраст составлял солидную цифру шестьдесят пять) задержались в передней, чтобы переобуться в туфли, привезенные с собой.

Чуть позже появился декан, кроткий и общительный старичок, ради которого пришлось пригласить мистера Гловера, разумеется, вместе с сестрой. В платье из черного, невероятно блестящего атласа мисс Гловер выглядела почти нарядно.

– Бедняжка, – сказала миссис Брандертон кому-то из гостей, – это ее единственный вечерний туалет. Бог знает, сколько она его уже носит. Я бы охотно предложила ей что-то из моих старых платьев, но боюсь, что она оскорбится. Люди ее класса до смешного обидчивы.

Возвестили о прибытии мистера Атхилла Бэкота. Когда-то он боролся за место в парламенте и с тех пор считался авторитетом в вопросах внутренней политики. Вслед за ним явились мистер Джеймс Лицетт и мистер Молсон – одинаково краснолицые сквайры с закоснелыми убеждениями, похожие как две капли воды. Последние тридцать лет ходила шутка, что различить этих двоих могут только жены. Миссис Лицетт была худощавой, спокойной и уравновешенной леди; вместо чепца она носила на голове две тонкие полоски кружев. Миссис Молсон была так незаметна, что никто не мог описать ее внешность.

Собрание у миссис Брандертон на этот раз вышло образцовым: верх нравственности в сочетании с безупречным аристократизмом просто обязаны были дать превосходный результат. Миссис Брандертон пребывала в отличном расположении духа, ее надтреснутый голос звучал резко и пронзительно. Хозяйка позаботилась о соответствующем наряде: ее действительно недурное платье прелестно смотрелось бы на даме вдвое моложе.

Угощение, как всегда, было малосъедобным. Светская дама и модница, миссис Брандертон не признавала плотных блюд, привычных для деревенских званных обедов: супов-пюре, жареной камбалы, отбивных и жаркого из баранины, фазана, шарлотки со сливками и конфитюра. Утверждая, что следует проявлять утонченность, она потчевала гостей бульоном, *entrées*²³, выписанными из Лондона, рагу из цыпленка и каким-то пышно взбитым десертом,

²² Наивность, простодушие (*фр.*).

²³ Закуски (*фр.*).

аппетитным на вид и мерзким по вкусу. Стол выглядел изысканно, однако не был сытным, что вряд ли могло порадовать почтенных сквайров со здоровым аппетитом.

– У Брандертонов вечно остаешься голодным, – возмутился мистер Аттхилл Бэкот.

– Я-то знаю старуху, – ответил мистер Молсон (миссис Брандертон, надо заметить, была его ровесницей; тем не менее этот волокита считал себя молодцом хоть куда и всюю флиртовал с мисс Хэнкок – той из двух, что была менее дурна собой). – Да, я хорошо ее знаю и потому, прежде чем ехать сюда, всякий раз заправляюсь бокалом хереса с сырым яйцом.

– Право, вина скверны просто до неприличия, – заявила миссис Мэйстон Райл, гордившаяся тонким вкусом. – Так и хочется взять с собой фляжку доброго виски.

В отличие от угощения застольная беседа была обильна и разнообразна. Аксиома любого повествования заключается в том, что истина должна выглядеть правдоподобно, и посему для сторонников реализма безудержное преувеличение фактов всегда служит помехой. Дословный пересказ речей, которые велись на ужине у миссис Брандертон, показался бы читателю вопиющей пародией. Безусловное первенство принадлежало историям из жизни известных людей. Миссис Мэйстон Райл, специалист по рассказам о духовенстве, с большим успехом поведала о епископе Торольде-белоручке, а также о епископе Уилберфорсе и его чертовом посохе. (Это несколько потрясло дам, но миссис Мэйстон Райл не собиралась разрушить впечатление от своего повествования, пожертвовав бранным словом.) Декан рассказал про самого себя, на что миссис Мэйстон Райл ответила историей про архиепископа Кентерберийского и занудного викария. Мистер Аттхилл Бэкот поделился политическими анекдотами: сначала про мистера Гладстона и стол палаты общин, затем про Диззи²⁴ и работника на ферме. Кульминацией стали знаменитые истории генерала Хэнкока о герцоге Веллингтоне. Эдвард от души хохотал над каждой байкой.

Взгляд Берты был прикован к Крэддоку, она страшно переживала. Какие гадкие мысли у нее в голове, со стыдом думала она, как унижительно для Эдварда, что они вообще пришли ей в голову! Разве не прекрасен ее супруг и внешне, и внутренне? Почему она трепещет перед мнением дюжины глупцов? Берта ничего не могла с собой поделать. Как ни презирала миссис Крэддок своих соседей, она находилась в позорной зависимости от их суждения. А как чувствует себя Эдвард? Тоже волнуется? Мысль о страданиях мужа причиняла ей невыносимую боль. Когда миссис Брандертон встала из-за стола, Берта пережила огромное облегчение. Она бросила взгляд на Артура, который уже распахнул дверь, и в эту минуту отдала бы что угодно, лишь бы украдкой попросить его присмотреть за Эдвардом, но не осмелилась. Ее терзала мысль, что все эти ужасные старики будут его игнорировать и тем самым открыто унижать.

В гостиной мисс Гловер случайно оказалась рядом с Бертой в некотором отдалении от остальных дам. Сестра викария поняла, что само небо посылает ей шанс покаяться перед миссис Крэддок в том, что прежде она недооценивала Эдварда. Мисс Гловер давно переменила мнение о мистере Крэддоке и теперь чувствовала потребность извиниться, однако смертельно волновалась. Необходимость затронуть столь деликатную тему повергала ее в неопи-суемый ужас. С другой стороны, собственные мучения придавали мисс Гловер уверенности: чем неприятнее разговор, тем очевиднее ее долг объясниться. Однако слова застряли у нее в горле, и она начала говорить о погоде. Мысленно отругав себя за малодушие, мисс Гловер приготовилась к испытанию и густо покраснела.

– Берта, я хочу попросить у вас прощения! – неожиданно выпалила она.

– За что? – изумленно вытаращила глаза Берта.

– Я была несправедлива к вашему супругу. Считала, что он для вас неподходящая пара, и говорила о нем такое, что и вообразить стыдно. Я весьма сожалею. Мистер Крэддок – один из лучших людей, кого я знаю. Не сомневаюсь, что вы с ним будете очень счастливы.

²⁴ Диззи – прозвище Бенджамина Дизраэли (1804–1881), английского государственного деятеля.

Берта рассмеялась, но сквозь смех на ее глазах выступили слезы. Ей захотелось броситься на шею угрюмой сестре викария – в такую минуту слова мисс Гловер ее сильно поддержали.

– Конечно, я вас прощаю! Вы ведь ничего такого не думали.

– Думала, думала! – настаивала мисс Гловер, не желавшая преуменьшать тяжесть своего преступления.

– Читайте, что я уже обо всем забыла. Скоро вы просто влюбитесь в Эдварда!

– Моя милая Берта, вы, должно быть, шутите? – испугалась мисс Гловер, которая всегда воспринимала все буквально. – Как же это я могу влюбиться в вашего мужа?

Их перебила миссис Брандертон.

– Берта, дорогая, мне нужно с вами поговорить, – скрипуче произнесла она.

Берта с улыбкой села подле хозяйки, и та вполголоса продолжила:

– Я просто обязана вам это сказать. По общему признанию, вы и мистер Крэддок – самая красивая пара в округе. Мы все в восторге от вашего супруга.

– Он смеялся всем вашим шуткам, – заметила Берта.

– О да, – согласилась миссис Брандертон. Она, будто канарейка, задрала подбородок и повела головой по сторонам. – У него такой жизнерадостный характер! Знаете, дорогая, а ведь он всегда мне нравился. Я как раз говорила миссис Мэйстон Райл, что знаю Эдварда с самого рождения. Вас наверняка порадует тот факт, что мистер Крэддок пришелся всем по душе.

– Спасибо, весьма польщена. Надеюсь, у Эдварда сложится столь же благоприятное впечатление о здешнем обществе.

Вскоре прибыл экипаж Крэддочков. Берта предложила подвезти до дома викария и его сестру.

– Надо же, будто кочергу проглотила, – сказал мистер Молсон, едва за Бертой и ее спутниками закрылась дверь.

Девицы Хэнкок покатились со смеху от этой остроты, и даже декан позволил себе благожелательно улыбнуться.

– Откуда у нее бриллианты? – любопытствовала старшая мисс Хэнкок. – Я думала, они бедны как церковные мыши.

– Бриллианты да картины – вот и все, что осталось у рода Лей. Ее семья всегда отказывалась продать хоть одно украшение, хотя, конечно, это полный абсурд – в их плачевном положении иметь такие драгоценности!

– Крэддок – на редкость неплохой мальчик, – отметила миссис Мэйстон Райл своим густым, внушительным голосом. – И все же я согласна с мистером Молсоном: похоже, Берта действительно задирает нос.

– Все Леи испокон веку важничали, точно индюки, – прибавила миссис Брандертон.

– Во всяком случае, сейчас миссис Крэддок особенно гордиться нечем, – заявила старшая мисс Хэнкок. Благородных предков у нее не было, и всех родовитых людей она считала снобами.

– Возможно, она просто чуточку волновалась, – сказала леди Уаггетт, не самая знатная, но добросердечная дама. – По себе знаю, в молодости я тряслась на всех приемах как осиновый лист.

– Чушь! – отрезала миссис Мэйстон Райл. – Она ни капли не волновалась. На мой взгляд, молодой женщине не подобает держаться столь самоуверенно.

– Только представьте, что она мне заявила, – всплеснула руками миссис Брандертон. – Я хотела приободрить бедняжку и сказала ей, что мы все сочли мистера Крэддока милым и приятным человеком, а она мне: «Надеюсь, его мнение о вас будет таким же благоприятным».

Миссис Мэйстон Райл на мгновение остолбенела.

– Какая прелесть! – воскликнула она, поднимаясь с кресла. – Ха-ха! Она надеется, что мнение мистера Крэддока о миссис Мэйстон Райл будет благоприятным!

– Ха-ха! – хором повторили обе мисс Хэнкок.

Когда объявили, что карета для миссис Мэйстон Райл подана, эта важная особа пожелала собранию доброй ночи и удалилась, громко шурша лиловым шелком. Теперь можно было смело считать, что ужин окончен, и остальные гости послушно разъехались по домам.

После того как Гловеры высадились из кареты, Берта прижалась к мужу.

– Хорошо, что все закончилось, – прошептала она. – Я счастлива только наедине с тобой.

– Отличный вечер, согласна? – отозвался он. – И люди потрясающие.

– Я рада, что тебе понравилось, милый. Я боялась, ты заскучаешь.

– Я? Заскучаю? Боже милостивый! Полезно время от времени слушать подобные разговоры. Очень взбадривает.

Берта слегка поежилась.

– Этот Бэкот здорово осведомлен, не находишь? Не удивлюсь, если он окажется прав в своих предположениях и к концу шестилетнего периода правительство уйдет в отставку.

– Да уж, его послушать, выходит, что сам премьер-министр делится с ним секретами, – съязвила Берта.

– Да и генерал – забавный старик! – прибавил Эдвард. – Такую уморительную историю рассказал о герцоге Веллингтоне!

Последнее замечание Крэдока произвело на Берту странный эффект: не в силах сдерживаться, она разразилась истерическим смехом. Решив, что жену насмешил анекдот, он тоже вовсю расхохотался.

– А помнишь байку про епископские гамаша? – гоготал Крэдок.

От раскатов его смеха истерика Берты усилилась. Всю дорогу до дома в безмолвной ночи они оба вопили, визжали и сотрясались в приступах неукротимого веселья.

Глава X

Итак, мистер и миссис Крэдок отправились в путешествие по великому пути, который именуется Законным Браком. Пришла весна и вместе с ней – новые радости. Берта наблюдала за тем, как удлиняются дни, как из-под земли выскакивают подснежники и разноцветные крокусы. Теплый и сырой февраль подарил первоцветы, позже появились фиалки. Февраль – месяц сонного томления: сердце земли налито тяжестью, оно глухо и безразлично к волнующему гудению апреля и кипучей жизни мая. Природа пробуждается от зимней спячки и ощущает в себе биение жизни – так же, как женщина чувствует под сердцем первый толчок ребенка.

Туманы, поднимавшиеся над Северным морем, накрывали Кент влажной пеленой, белой и почти прозрачной, отчего нагие деревья казались причудливо искривленными: их ветви, словно длинные руки, извивались и корчились, стараясь избавиться от оков зимы. Болота покрылись изумрудной травой, и ягнята уже скакали и резвились на ней, тонким бляением перекликаясь с матерями. В перелесках щебетали дрозды. В мир ворвался шумный март, и облака, более пышные и высокие, чем обычно, неслись по небу, подгоняемые неистовым ветром. Они сбивались в огромные кучи, а затем вновь разлетались порознь и устремлялись на запад, в спешке наталкиваясь друг на дружку. Природа как будто отдыхала, переводила дух перед тем, как отдать все силы чуду рождения.

Постепенно Берта стала лучше узнавать мужа. Выходя за Крэдока, она знала лишь, что любит его. Обоими двигали одни только чувства: Берта и Эдвард были марионетками, которых природа свела вместе и сделала привлекательными в глазах друг друга во имя продолжения рода. Берта, обуреваемая пылким желанием, бросилась в объятия супруга. Она любила Крэдока так, как любят звери и боги. Он был мужчиной, она – женщиной, а мир – Эдемским садом, сотворенным силой страсти. Познание мужа породило в Берте еще большую любовь. Постепенно проникая в мысли Эдварда, она, к своему восторгу, обнаружила в них удивительную чистоту. С радостным изумлением Берта убедилась в совершеннейшей непорочности своего супруга. Было видно, что прежде Крэдок никогда не любил, что женщина для него – странное, почти неведомое существо. Она гордилась, что муж пришел к ней не запятанным чужими объятиями, что губы, прикасавшиеся к ее губам, целомудренны. Супруги ни разу не затрагивали эту тему, но чутье Берты безошибочно говорило в пользу исключительной добродетели Крэдока. Его душа была поистине невинна. А если так, могла ли Берта не боготворить его?

Она чувствовала себя счастливой только рядом с мужем, ей доставляло особое удовольствие сознавать, что связующие их узы неразрывны, что она и Эдвард до самого конца, до последнего вздоха будут неразлучны. Берта с трогательной покорностью ходила за ним по пятам, как собачка; гордость ушла из ее сердца, она мечтала только о том, чтобы раствориться в Эдварде, сплестись характерами и существовать как одно целое. Она желала, чтобы он был ее единственной яркой чертой, и сравнивала себя с плющом, обвивающим ствол дуба, ведь Эдвард был мощным дубом, столпом и опорой, а она всего-навсего слабой женщиной.

Утром после завтрака Берта сопровождала мужа в обходе полей и ферм. Она оставалась дома и присматривала за хозяйством лишь тогда, когда ее присутствие могло ему помешать. Берта пробовала читать, но попытки заканчивались безуспешно, и она отшвыривала книгу в сторону. К чему ей читать? Для развлечения? Нет, поскольку она постоянно занята своим супругом, и если Берта знает, как любить, зачем нужны прочие знания? Частенько, ненадолго оставшись в одиночестве, она раскрывала ту или иную книгу, но довольно скоро опять уносила мыслями к Эдварду и мечтала очутиться рядом с ним.

Берта жила точно в волшебном сне, который длился без конца; ее счастье было не бурным, порождающим вихри и водовороты, но безмятежным и гладким. Она обитала в раю, расцвеченном всевозможными оттенками розового, где не было ни слепящего света, ни лиловых

теней. Берта парила в небесах, и единственной связью с земной жизнью служила еженедельная поездка в Линхэм на воскресную службу. Было нечто восхитительно-человеческое в этой бедной церквушке с ее сосновыми скамьями, густо покрытыми лаком, запахами помады для волос и бельевой синьки. Эдвард был одет в воскресный костюм, органист вымучивал ужасные звуки, фальшиво пел деревенский хор. Монотонное чтение молитв мистером Гловером напрочь лишало их всей красоты, служба велась сухо и прозаично. Два часа в церкви опускали Берту на землю ровно в той степени, в какой требовалось для осознания того факта, что жизнь состоит не только из высокой духовности.

Наступил апрель. На вязах перед Корт-Лейз начали распускаться листья – почки усыпали ветви мелким дождем, нежной зеленой дымкой, которая была заметна издали, но исчезала при приближении. Коричневые поля оделись в летний наряд: буйно поднялся сочный клевер, дружно двинулись в рост посевы. Стояли дни, когда в воздухе разливалось благоухание, пригревало солнышко и сердце сладко замирало, радуясь долгожданному приходу весны.

Благодатные дожди напитывали почву водой, и бессчетные капли, свисавшие с ветвей, сверкали на солнце, которое вскоре проглядывало из-за туч. Застенчивые тюльпаны раскрывали бутоны и устилали землю цветистым ковром. Облака над Линхэмом поднялись выше, раздвинув горизонт. Птицы, робко пробававшие голос в марте, теперь пели в полную силу и наполняли воздух звонким щебетом. В зарослях боярышника позади Корт-Лейз продемонстрировал красоту своей песни первый соловей. Повсюду поднимался густой дух земли – запах плодородной почвы и дождя, солнца и ласкового ветра.

Порой дожди заряжали без перерыва на несколько дней, и тогда Эдвард довольно потирал руки.

– Хоть бы лило всю неделю, полям обязательно нужна влага!

В один из таких дней Берта лежала на кушетке, а Крэдок стоял у окна, слушая ровный стук капель. Она вспомнила ноябрьский день, когда вот так же стояла у этого самого окна и глядела на унылый зимний пейзаж, а в ее сердце горел жаркий огонь любви и надежды.

– Эдди, милый, посиди со мной, – промолвила она. – Мы не виделись почти целый день.

– Мне нужно отъехать, – не оборачиваясь отозвался Крэдок.

– Нет, не нужно. Иди же ко мне.

– Хорошо, побуду с тобой пару минут, пока не подали двучолку.

Крэдок сел на кушетку, Берта обняла его за шею.

– Поцелуй меня, – попросила она.

Он поцеловал.

– Какой ты странный! – со смехом воскликнула Берта. – Тебе как будто все равно!

Крэдок ничего не ответил, потому что в этот момент к крыльцу подкатила двучолка, и он вскочил с кушетки.

– Куда ты едешь?

– На ферму Эрн, к старому Поттсу, договориться насчет покупки овец.

– И только-то? Неужели ты не можешь остаться со мной, когда я тебя об этом прошу?

– С какой стати? Что мне делать дома? Гостей, насколько я знаю, мы не ждем.

– Я хочу побыть с тобой, Эдди, – жалобно протянула Берта.

Крэдок рассмеялся.

– Боюсь, ради этого я не могу отменить встречу.

– Тогда можно мне с тобой?

– Это еще зачем? – удивился Эдвард.

– Хочу быть рядом. Мне ужасно плохо от того, что мы всегда порознь.

– Ничего не всегда, – возразил Крэдок. – Черт побери, по-моему, мы не расстаемся ни на минуту!

– Значит, ты не скучаешь по мне так сильно, как я по тебе, – тихо проговорила Берта, опустив глаза.

– На улице льет как из ведра! Ты насквозь промокнешь.

– Какая разница? Зато я буду с тобой.

– В таком случае поехали.

– Тебя не волнует, поеду я или нет! Тебе это безразлично!

– Я считаю, очень глупо с твоей стороны выходить под дождь. Уверю тебя, я сам ни за что бы не поехал, если б мог.

– Тогда поезжай.

Берта с трудом сдержала злые слова, готовые сорваться с языка.

– Будет гораздо лучше, если ты подождешь меня дома, – бодро сказал Крэддок. – Я вернусь к ужину. Ну, пока!

Эдвард мог выразить свою мысль иначе. Например, что будет счастлив, если Берта составит ему компанию, или что встреча может катиться к чертям, а он остается с любимой женой. Вместо этого он просто ушел, весело насвистывая. Ему было все равно. Щеки Берты запылали от унижения.

– Он меня не любит, – потерянно произнесла она и вдруг разрыдалась – впервые после свадьбы, впервые после смерти отца. Собственные слезы заставили ее устыдиться. Она попыталась их унять, но не сумела и продолжала горько плакать.

Слова Эдварда показались ей невероятно жестокими. Как у него только язык повернулся!

– Этого следовало ожидать, – вслух сказала Берта. – Он меня не любит.

Она разозлилась на мужа, припомнив все маленькие проявления холодности, которые так ранили ее сердце. Нередко Эдвард почти отталкивал ее, когда она хотела приласкать его, а он в тот момент был занят чем-то другим; часто никак не отвечал на ее страстные заверения в вечной любви. Неужели Эдвард не понимает, что его поведение задевает Берту? Она говорит, как сильно обожает ненаглядного Эдди, а того интересует, не закончился ли завод у часов!

Пока Берта размышляла о своем несчастье, незаметно прошло два часа. Услышав за окном стук колес, она удивилась. Первым ее желанием было побежать в прихожую и встретить Эдварда, однако она сдержала свой порыв. Берта очень сердилась на мужа.

Крэддок вошел и, крикнув с порога, что должен переодеться в сухое, отправился наверх. Разумеется, он и внимания не обратил, что в первый раз за все время супружества Берта не встретила его у дверей, – он вообще ни на что не обращал внимания!

Эдвард вошел в гостиную. На свежем воздухе его лицо раскраснелось.

– Ей-богу, хорошо, что ты со мной не поехала. Дождь сыплет стеной! Ужин готов? Я просто умираю от голода.

Он способен думать об ужине, в то время как Берта ждет от него смиренного раскаяния, робких оправданий и мольбы о прощении! Эдвард был весел, как обычно, и совершенно не подозревал, что жена довела себя рыданиями почти до истерики.

– Ну что, купил своих овец? – негодуяще спросила она.

Ей страстно хотелось, чтобы Эдвард заметил ее расстройство, и тогда она упрекнула бы его в грехах, но муж оставался слеп.

– Нет, – бодро ответил он. – Я бы не дал и пятерки за все стадо.

– С таким же успехом ты мог остаться дома, как я просила, – едко заметила Берта.

– Что касается дел – вполне, – согласился Крэддок. – Хотя поездка по свежему воздуху не помешала. – Этот человек в любой ситуации умел видеть хорошее.

Берта взяла книгу и принялась читать.

– А где газета? – спросил Крэддок. – Я сегодня еще не читал передовицу.

– Понятия не имею, – надулась Берта.

Они просидели в гостиной до ужина. Эдвард методично просматривал статьи в «Стандард», Берта переворачивала страницы книги и старалась вникнуть в содержание, однако все ее мысли сосредоточивались вокруг обиды. Ужин супруги провели почти в полном молчании. Эдвард не отличался разговорчивостью, беседы, как правило, заводила Берта. Крэддок лишь упомянул, что скоро появится молодой картофель и что по дороге он встретил доктора Рамзи. Берта отвечала односложно.

– Ты какая-то тихая, – чуть позже отметил Крэддок. – Что случилось?

– Ничего.

– Разболелась голова?

– Нет.

Больше вопросов он не задавал, успокоившись тем, что молчаливость Берты вызвана естественными причинами. По-видимому, Крэддок не замечал в состоянии жены ничего необычного. Берта сдерживалась до последнего, но в итоге ее все-таки прорвало.

– Какое тебе дело до того, болит у меня голова или нет! – крикнула она в ответ на реплику часовой давности. Ее восклицание содержало в себе не вопрос, но горький упрек.

Крэддок удивленно посмотрел на нее.

– Что стряслось?

Берта бросила на мужа взгляд, полный боли, и отвернулась, раздраженно махнув рукой. Крэддок приблизился к ней и обнял за талию. Теперь в ее глазах стояли слезы, она судорожно всхлипнула.

– О, Эдди, приласкай меня, – пролепетала Берта, вдруг обмякнув.

– Ну, расскажи скорее, в чем дело.

Эдвард привлек Берту к себе и поцеловал в губы. Это прикосновение погасило обиду, бушующую в ее сердце вот уже целый час. Молодая женщина вновь разрыдалась.

– Не злись на меня, Эдди, – задыхаясь от слез, проговорила Берта. Оказалось, что это она оправдывается и просит прощения. – Я вела себя ужасно. Прости, я ничего не могла с собой поделать. Ты ведь не сердишься?

– Да за что же? – недоумевал Крэддок.

– Сегодня днем мне стало очень обидно, потому что я решила, будто не нужна тебе. Ты должен меня любить, Эдди, иначе я не смогу жить.

– Глупенькая, – засмеялся он.

Берта вытерла слезы и улыбнулась. Получив прощение, она совершенно утешилась и теперь чувствовала себя счастливой втройне.

Глава XI

Эдвард отнюдь не был страстным любовником. Берта не помнила, когда впервые обратила внимание на то, что муж весьма вяло отзывается на ее страсть. Поначалу она знала только, что любит Крэддока до безумия, и своей пылкостью сумела разжечь его слабое влечение, так что оно раскалилось, почти как ее собственное. Однако постепенно Берта начала замечать, что, щедро одаряя мужа роскошествами любви, получает взамен ничтожно мало. Поводы, ведущие к ее неудовлетворенности, почти не поддавались объяснению: легкий отстраняющий жест, равнодушие к жаркому проявлению чувств – тонкие штришки, казавшиеся почти комичными. Сперва Берте нравилось сравнивать Крэддока с Ипполитом из «Федры» – дикарем, которого пугали женские поцелуи. Бесстрастие, замаскированное под грубую неотесанность, умиляло, – Берта не раз повторяла, что ее страсть растопит лед в мужнином сердце. Вскоре, однако, пассивность Крэддока перестала казаться ей привлекательной. Иногда она укоряла его, а чаще, оставшись наедине с собой, плакала.

– Если бы ты только знал, как больно иногда меня ранишь, – вздыхала Берта.

– Ничего такого я не делаю, – отвечал Крэддок.

– Ты просто не замечаешь. Когда я подхожу к тебе, чтобы поцеловать, ты не задумываясь отталкиваешь меня, как будто... как будто терпеть не можешь!

– Не говори ерунды.

Эдвард был уверен, что за четыре месяца семейной жизни ничуть не изменился.

– Ты ведь не думаешь, что мужчина всю жизнь будет таким же, как в медовый месяц? Не всегда же только нежничать и ласкаться, всему свое время.

После дневных трудов Крэддок любил спокойно почитать газету, поэтому, когда Берта подсаживалась рядом, он легонько ее отстранял.

– Умничка моя, сделай милость, не приставай, – просил он.

– Ты меня не любишь! – кричала Берта, чье сердце разрывалось от боли.

Крэддок никак не реагировал и продолжал внимательно изучать передовицу.

– Почему ты молчишь? – возмущалась Берта.

– Потому что ты говоришь чепуху.

Крэддок обладал редкостным добродушием, и Бертины вспышки гнева никогда не выводили его из равновесия. Он знал, что женщины порой бывают раздражительны; главное – дать им накричаться вволю, и тогда через некоторое время они успокоятся.

– Женщины – что куры, – говорил он приятелю. – Посади их в загон, огороженный прочной сеткой, чтоб не набедокурили, и не обращай внимания на кудахтанье.

Женитьба не произвела сколь-нибудь значительных перемен в жизни Крэддока. У него всегда были свои привычки, которым он продолжал следовать и после того, как обзавелся семьей. Разумеется, теперь у него появилось больше удобств.

– Что верно, то верно – мужчине нужна жена, чтобы за ним присматривала, – однажды сказал он доктору Рамзи, с которым порой встречался, когда тот обходил пациентов. – Раньше глазом моргнуть не успеешь, а рубашка уже сносилась до дыр, зато сейчас все по-другому. Как только увижу, что рукав обтрепался, – сразу к жене, а уж та все зашьет, и рубашка опять как новенькая.

– У вас, верно, прибавилось работы с хозяйской фермой?

– Благословение богу, доктор, это мне только в радость. Для меня не бывает много работы. В наши дни, если хочешь, чтобы хозяйство давало прибыль, нужно расширять масштабы.

Целыми днями Эдвард был занят – если не на фермах, то где-нибудь в Блэкстебле, Теркенбери или Фаверсли.

– Не люблю праздность, – сказал он. – Правду говорят, лень – мать всех пороков.

Мисс Гловер, к которой он обращался, естественно, полностью согласилась с этим утверждением. После того как Крэддок вышел, оставив ее в компании Берты, мисс Гловер воскликнула:

– Какой чудесный человек ваш муж! Вы не против, что я так говорю?

– Нет, если это доставляет вам удовольствие, – сухо ответила Берта.

– Я со всех сторон слышу о нем только хорошие отзывы. Чарльз, разумеется, тоже очень высокого мнения о мистере Крэддоке.

Берта промолчала.

– Вы не представляете, как я радуюсь вашему семейному счастью! – прибавила сестра vicария.

– У вас доброе сердце, Фанни, – улыбнулась Берта.

Разговор не клеился, и, просидев пять минут в гнетущей тишине, мисс Гловер стала прощаться. Когда дверь за ней закрылась, Берта села в кресло и задумалась.

Сегодня выдался один из черных дней. Эдди ушел в Блэкстебл и не взял ее с собой.

– Не надо тебе со мной, – сказал он. – Я тороплюсь и пойду быстрым шагом.

– Я тоже могу идти быстрым шагом, – надулась Берта.

– Знаю я твой быстрый шаг. Если тебе так хочется, можешь встретить меня на обратном пути.

– Ты делаешь все, чтобы меня обидеть! Как будто нарочно ищешь повод!

– Будь же благоразумна, Берта! Неужели не видишь, что у меня нет времени прогуливаться и по пути нюхать цветочки?

– Давай возьмем повозку.

– Не получится. Кобыла прихворнула, а пони нужно дать отдых после вчерашних трудов.

– Ты просто не желаешь, чтобы я пошла с тобой. И так каждый день! Всякий раз выдумываешь причину, чтобы отделаться. Отпихиваешь меня даже тогда, когда я хочу тебя поцеловать.

Берта расплакалась. Она сознавала, что ее слова несправедливы, но все равно чувствовала, что с ней обошлись очень дурно. Эдвард широко улыбнулся с раздражающей снисходительностью.

– Когда успокоишься, сама будешь переживать, что наговорила ерунды, а потом станешь просить прощения.

– Считаешь меня глупым ребенком? – вспыхнула Берта.

– Нет, просто полагаю, что ты сегодня не в духе.

Насвистывая веселый мотив, Крэддок вышел. Берта слышала, как он давал распоряжения садовнику в своей обычной бодрой манере, словно ничего не произошло. Она знала, что муж уже выбросил из головы недавнюю сцену. Ничто не способно было испортить ему настроения: Берта могла задохнуться в рыданиях, вырвать из груди сердце и разбить его об пол (образно выражаясь), Крэддок не повел бы и бровью, сохраняя неизменное спокойствие. «Брань на воротах не виснет, – любил повторять он. – Женщины что куры; не обращай внимания на их кудахтанье».

По возвращении Эдвард даже не заметил скверного настроения жены. Он всегда пребывал в одинаково благодушном расположении и, кроме того, не отличался наблюдательностью.

Берта отвечала односложно, а Крэддок говорил без умолку, довольный удачной сделкой в Блэкстебле. Берта жаждала, чтобы он встревожился ее состоянием, и тогда она осыпала бы его упреками, но Эдвард был безнадежно слеп или же, наоборот, все видел и намеренно лишал ее возможности высказаться. Берта, пожалуй, в первый раз испытывала такую жгучую злость на мужа и сама этого испугалась. Крэддок вдруг показался ей врагом, которому она стремилась

причинить вред. Она не понимала саму себя. Что же будет дальше? Почему Эдвард молчит, не дает ей излить обиду и гнев, а затем помириться с ним?

День проходил, а Берта продолжала хранить угрюмое молчание; внутри у нее все ныло. Наступил вечер. Эдвард не показывал и виду, что что-то не так. Берта искала любого повода, чтобы устроить скандал, и не находила его. Когда супруги легли в постель, Берта повернулась к мужу спиной и сделала вид, что спит. Она лишила его поцелуя – сладкого поцелуя влюбленных, которым они каждую ночь обменивались перед сном. Эдвард обязательно это заметит, спросит Берту, чем та расстроена, и вот тогда-то она поставит его на колени.

Крэддок, однако, ничего не сказал. После тяжелого трудового дня он жутко устал и мгновенно провалился в сон. Через пять минут до Берты донеслось глубокое ровное дыхание. Услышав его, она потеряла остатки самообладания. Разве сможет она заснуть, не пожелав Эдди спокойной ночи, не поцеловав его на ночь?

«Он сильнее, чем я, – подумала Берта, – потому что не любит меня». Она тихонько всхлипнула: сколько можно злиться? Она согласна на все, лишь бы не проводить эту ночь в яростных метаниях, а завтрашний день – в таком же отчаянии, как сегодня. Она полностью повержена. В конце концов, не в силах дольше терпеть муку, Берта разбудила мужа.

– Эдди, ты не сказал мне спокойной ночи.

– Ах ты черт, я и забыл, – сонно отозвался Крэддок. Берта сглотнула комок в горле.

– Эй, что случилось? Надеюсь, ты плачешь не из-за того, что я тебя не поцеловал? Знаешь, я сегодня устал как собака.

Эдвард действительно ничего не заметил. Пока Берта тонула в пучине страданий, он, как обычно, был доволен собой и целым светом. И все же эта новая вспышка гнева в ее душе быстро угасла. Сейчас ей нельзя проявлять гордость.

– Ты на меня не сердись? – робко спросила она. – Я не могу уснуть без твоего поцелуя.

– Глупышка! – шепнул Крэддок.

– Ты ведь любишь меня, правда?

– Конечно.

Он поцеловал Берту так, как ей всегда нравилось, и от этого экстаза ее гнев моментально улетучился.

– Я не могу жить без твоей любви, – всхлипывала она, уютно устроившись на плече Крэддока. – Если бы ты только знал, как я тебя люблю! Мы снова друзья, да?

– Мы с тобой всегда были и будем друзьями.

Берта облегченно вздохнула и, лежа в объятиях мужа, почувствовала себя совершенно счастливой. Еще через минуту равномерное дыхание Эдварда подсказало ей, что он уснул. Она не шевелилась, чтобы, не дай бог, не разбудить его.

* * *

Лето принесло Берте новые развлечения, и она отдалась давно предвкушаемым радостям пасторальной жизни. Вязы в Корт-Лейз потемнели от листвы, и этот густой, плотный зеленый покров придавал дому величественный вид. Вяз – самое благородное дерево; пожалуй, немного помпезное, зато исключительно культурное, и тень, которую он отбрасывает, – не простая тень, но солидная и уверенная, как положено дереву, растущему во владениях дворянского рода. Рухнувший ствол увезли; на свободных местах осенью планировалось посадить молодые деревца. Эдвард охотно взялся привести имение в порядок. Весной Корт-Лейз покрасили свежей краской, отчего дом стал выглядеть аккуратно и щеголевато, точно загородный особняк биржевого маклера. Клумбы, за которыми много лет никто не ухаживал, теперь резали глаз пестротой коврового цветника: квадраты кроваво-красных гераней контрастировали с ярко-желтыми кальцеоляриями, высаженными аккуратно кругами. Заросли самшита подровняли

до нужной высоты. Живая изгородь из боярышника была обречена на выкорчевку; вместо этого Эдвард решил огородить владения дощатым палисадом и лавровыми деревьями.

Подъездную аллею засыпали свежим гравием, так что она стала настоящим предметом гордости наследников старинного, но нерадивого аристократического рода. Не прошло и двух недель с тех пор, как Крэддок воцарился в усадьбе, а чумазых овец уже изгнали с лужаек по обе стороны аллеи, после чего траву на газонах стали регулярно косить и убирать. Специальное место отвели под теннисный корт, который, по словам Эдварда, добавлял помещью уюта. Чугунные ворота, выкрашенные в блестящий черный цвет и щедро покрытые роскошной позолотой, наконец обрели достойный вид, подобающий входу во владения благородного джентльмена, да и сам обновленный дом служил явным доказательством того, что Корт-Лейз находится в руках человека, который понимает, что к чему, и находит удовольствие в соблюдении должных приличий.

Берта питала отвращение к этим новшествам, однако покорно принимала все меры по благоустройству, проводимые Эдвардом, поскольку они служили нескончаемой пищей для разговоров между супругами, и вдобавок ее искренне восхищал энтузиазм мужа.

– Клянусь, твоя тетушка так и подскочит на месте, когда увидит перемены, – довольно потирал руки Крэддок.

– Да уж, – с улыбкой отвечала Берта, хотя внутренне содрогалась, представляя едкие замечания мисс Лей.

– Она просто не узнает Корт-Лейз! Дом смотрится словно только что выстроенный, а участок как будто разбили всего с полдюжины лет назад. Дай мне еще лет пять, и даже ты не узнаешь собственных владений!

Мисс Лей наконец-то приняла одно из приглашений, которые по настоянию Эдварда отсылались ей в больших количествах. В письме она сообщила, что приедет погостить на неделю. Само собой, Крэддок был очень доволен. По его словам, он хотел установить дружеские отношения со всеми, и ему казалось неправильным, что единственная родственница Берты намеренно избегает общения с ними.

– Она ведет себя так, будто не одобряет наш союз. Уже всякие пересуды пошли!

Крэддок приехал на вокзал и, к полному смятению мисс Лей, устроил ей бурную встречу.

– Ну, наконец-то вы приехали! – обрадованно заревел он. – Мы уж думали, не дождемся! Эй, носильщик! – От его зычного голоса сотрясалась вся платформа.

Крэддок схватил мисс Лей за обе руки, и у нее пронеслась ужасная мысль, что сейчас он кинется целовать ее на глазах у всей толпы – шести человек. «Изображает из себя сквайра, – подумала она. – Лучше бы он этого не делал».

Крэддок всучил носильщикам бесчисленные чемоданы, с которыми путешествовала мисс Лей, а по пути к экипажу даже предложил ей взять его под руку, но от этой чести она решительно отказалась.

– Будьте любезны, обойдите с той стороны, я помогу вам сесть в коляску. Багаж привезут позже.

Крэддок распоряжался уверенно и властно. Мисс Лей обратила внимание, что после женитьбы исчезла его застенчивость – черта, которую тетушка Берты находила весьма привлекательной. В добродушии Крэддока появилась некоторая грубоватость. Кроме того, Эдвард заметно раздался: достаток и сознание собственной важности распрямили его плечи, расширили грудь, обхват которой увеличился на три дюйма с тех пор, как мисс Лей в первый раз увидела его. Живот Крэддока тоже изрядно потолстел. «Если этот здоровяк и дальше будет так прибавлять, к сорока годам он сделается колоссом», – невольно подумала мисс Лей.

– Сами понимаете, тетя Полли, – начал Крэддок, дерзко опустив учтивое «мисс Лей», с которым неизменно обращался к ней прежде, хотя мало кто из мужчин осмеливался обра-

щаться к его новой родственнице без должной почтительности, – ваши намерения уехать от нас через неделю – полный вздор. Вы должны остаться по меньшей мере на два-три месяца.

– Вы очень любезны, дорогой Эдвард, но у меня другие планы, – сухо ответила мисс Лей.

– Стало быть, отмените их. Не могу же я допустить, чтобы гости уезжали из моего дома, едва переступив порог!

Мисс Лей удивленно вздернула брови и улыбнулась. Значит, это уже *его* дом? Ну и ну!

– Мой милый Эдвард, – промолвила она, – у меня есть правило не задерживаться где-либо дольше двух дней. В первый день я разговариваю с людьми, на второй слушаю их, а на третий уезжаю. В гостиницах я живу по неделе, получая таким образом *en pension*²⁵ и хорошо просушенное белье.

– Выходит, наш дом для вас все равно что гостиница, – засмеялся Крэдок.

– Между прочим, это серьезный комплимент. В частных пансионатах отвратительно обслуживают.

– Ладно, не будем больше об этом. Только имейте в виду: я велю сложить ваши чемоданы в кладовой и заберу ключ.

Мисс Лей издала короткий смешок, означавший, что ее позабавила не фраза собеседника, а какая-то собственная мысль.

Коляска подкатила к Корт-Лейз.

– Ну, видите, как все переменялось? – весело спросил Крэдок.

Мисс Лей поводила взглядом по сторонам и поджала губы.

– Прелестно, – сказала она.

– Я знал, что от удивления вы так и подскочите! – с довольным смехом воскликнул Крэдок.

Берта встретила тетю в прихожей и обняла ее с благопристойной сдержанностью, которая всегда отличала их отношения.

– Как умно с твоей стороны, Берта, – промолвила мисс Лей, – что тебе удалось сохранить чудесную фигуру.

С этими словами она приступила к тщательному анализу семейного счастья молодой пары.

²⁵ Полный пансион (*фр.*).

Глава XII

Страсть к изучению ближних была самым увлекательным из всех пороков мисс Лей; упражнять свои таланты в этом искусстве ей не мешали ни родственные узы, ни личные привязанности. Во время ленча она внимательно наблюдала за Бертой и Эдвардом. Племянница была разговорчива и с подозрительной живостью болтала о соседях – о новых шляпках и прическах миссис Брандертон, об усердном труде мисс Гловер и о поездках в Лондон, которые совершал викарий. Крэдок изредка предлагал мисс Лей добавки, а в остальном держался молча. Ел он очень много. Старая дева обратила внимание на крупные куски, которые Эдвард клал в рот, и огромное количество выпитого им пива. Разумеется, это навело ее на определенные мысли. Свои выводы мисс Лей сделала и после того, как, умяв полфунта сыра и допив последний глоток, Крэдок откинулся на стуле с глухим утробным рыком, будто хищный зверь, насытившийся мясом, и произнес:

– Так, пора браться за работу. Дел полно, только успевай поворачиваться.

Он достал из кармана вересковую трубку, набил табаком и раскурил.

– Так-то лучше. Ну, все, счастливо оставаться. Я буду к ужину.

Выводы роем вились в голове мисс Лей, точно мошकारа летним днем. Она собирала впечатления до самого ужина. Берта вела себя необычно оживленно, и мисс Лей неоднократно задавалась вопросом, служат ли разговорчивость племянницы и ее звонкий смех признаками беззаботности или скрывают под собой сознательное желание обмануть проницательную тетюшку средних лет, обладающую кое-каким жизненным опытом.

После ужина Эдвард выразил надежду на то, что мисс Лей как член семьи не будет настаивать на строгом соблюдении этикета, и немедленно принялся читать «Стандард». Когда же Берта по просьбе тети села за фортепиано, Эдвард из благовоспитанности отложил газету и за четверть часа зевнул по меньшей мере дюжину раз.

– Пожалуй, мне не стоит больше играть, – решила Берта, – не то Эдди заснет. Да, дорогой?

– Не удивлюсь, если так и случится, – расплылся в улыбке Крэдок. – Честно сказать, пески, что Берта играет при гостях, наводят на меня тоску.

– Эдвард согласен слушать только «Колокольчики Шотландии» или «Янки Дудл».

– И то верно. Признаюсь, терпеть не могу заграничную музыку. Постоянно говорю Берте: «Отчего ты не играешь английских песен?»

– «... если уж тебе так хочется бренчать», – закончила фразу Берта.

– Раз на то пошло, в «Колокольчиках Шотландии» хотя бы есть мотив, который можно подхватить.

– Дело в том, – парировала Берта, наигрывая первые аккорды «Правь, Британия», – что у меня от этого мотива сводит зубы.

– А я патриот своей Родины, – заявил Крэдок, – и потому люблю старые добрые английские песни. Они наши, английские, понимаешь? Не постесняюсь сказать, что для меня самая лучшая музыка на свете – «Боже, храни королеву».

– Кстати, написанная немцем, – лукаво улыбнулась мисс Лей.

– Может, и так, – ничуть не смутился Эдвард, – но дух у нее истинно английский, а это главное.

– Нет, вы только послушайте! – воскликнула Берта. – Кажется, у Эдварда есть задатки политика. Чего доброго, к старости я буду женой парламентария!

– Да, я патриот, – повторил Эдвард, – и горжусь этим.

– Правь, Британия, – пропела Берта. – Правь, Британия, морями! Британцам никогда не быть рабами. Та-ра-ра-бум-дам-да! Та-ра-ра-бум-дам-да!

– И так во всем, – продолжал оратор. – У нас полным-полно иностранцев и их товаров. Это просто возмутительно! Английские мелодии вам не хороши, вы предпочитаете брать музыку из Германии и Франции. Откуда у вас масло? Из Франции! А мясо? Из Новой Зеландии! – последние слова Крэдок произнес с большим презрением, и Берта подчеркнула их звучным аккордом. – Что до масла, так это вовсе и не масло, а маргарин. Откуда везете хлеб? Из Америки. И овощи оттуда же.

– А рыбу – из моря, – вставила Берта.

– Все одно к одному! У английского фермера нет никаких шансов.

Берта сопровождала эту тираду живой бурлеской, пародийным аккомпанементом, который менее толстокожему человеку показался бы обидным; Крэдок лишь добродушно расхохотался.

– Моя жена не воспринимает эти проблемы всерьез, – сказал он и нежно провел рукой по ее волосам.

Она вдруг убрала руки с клавиш. Беззлобность Эдварда в сочетании с ласковым жестом заставили Берту устыдиться. К глазам подступили слезы.

– Эдвард, ты у меня такой милый, – голос ее дрогнул, – а я настоящее чудовище.

– Эй, не говори так при тете Полли. Сама знаешь, она посмеется над нами.

– Мне все равно, – счастливо улыбнулась Берта. Она встала и взяла мужа за руку. – У Эдди самый замечательный в мире характер, он просто душа.

– Вероятно, так и есть, – заметила мисс Лей, – если за полгода семейной жизни ты в нем не разочаровалась.

Старая дева, однако, насобираала такое количество самых разнообразных впечатлений, что ощутила острую необходимость уединиться в своей комнате и рассортировать их. Она поцеловала Берту и протянула руку Эдварду.

– Нет уж, раз вы целуете Берту, целуйте и меня, – со смехом сказал Крэдок, наклоняясь вперед.

– Боже милостивый! – воскликнула мисс Лей, которая несколько растерялась. Видя, что Крэдок не отступится, она легко коснулась щекой его щеки и заметно покраснела.

В результате всестороннего анализа мисс Лей заключила, что и на этот раз семейный путь не оказался усыпан розами. Лежа на подушке, она вдруг подумала, что доктор Рамзи непременно придет навестить ее и с видом победителя укажет на свою правоту. Мужчины ведь всегда используют возможность поглумиться над поверженным противником. «Еще станет утверждать, что этот брак состоялся исключительно по моей вине. Мой конфуз приведет дражайшего доктора в такой восторг, что хоть беги. Держу пари, завтра же заявится».

И действительно, Крэдок всю постарался, чтобы новость о приезде мисс Лей разошлась по округе. На следующий день миссис Рамзи поспешила облачиться в выходное платье из синего бархата, вместе с доктором села в карету, и они отправились в Корт-Лейз. По прибытии супруги Рамзи обнаружили, что территория уже занята мистером и мисс Гловер. Линхэмский викарий похудел и постарел с тех пор, как мисс Лей встречала его в последний раз. Вид у него был еще более утомленный и забитый. Мисс Гловер выглядела, как всегда, в одной поре.

– Приход? – повторил священник, отвечая на вежливый вопрос мисс Лей. – Боюсь, дела в приходе плохи. У диссентеров новая молельня. Говорят, Армия спасения собирается строить так называемые ночлежные дома. Жаль, что правительство не хочет вмешаться. В конце концов, официальная церковь зиждется на законе, и закон обязан защищать нас от всяческих посягательств.

– Вы не поддерживаете свободу вероисповедания? – подначила мисс Лей.

– Дорогая мисс Лей, – устало проговорил священник. – Все имеет свои пределы. Я считаю, что государственная религия предоставляет достаточно свободы для каждого человека.

– В Линхэме творится что-то ужасное, – встала мисс Гловер. – Почти все лавочники ходят в молельню к диссентерам. Это очень осложняет наше положение.

– Да, – тяжело вздохнул викарий. – В довершение ко всему я слышал, что Уокер перестал посещать церковь.

– Ох, Боже мой, Боже мой, – запричитала мисс Гловер.

– Уокер? Булочник? – спросил Эдвард.

– Он самый. Теперь единственный булочник в Линхэме, который ходит в церковь, это Эндрюс.

– Чарльз, но с ним невозможно иметь дело, – испугалась мисс Гловер. – Его хлеб совсем плох.

– Никуда не денешься, – простонал викарий. – Я не могу поступиться принципами и покупать хлеб у торговца, который подался в раскольники. Скажи Уокеру, что мы отказываемся от его услуг, если он не пообещает регулярно посещать приходскую церковь.

– Но, Чарльз, от выпечки Эндрюса у тебя всегда делается несварение! – воскликнула мисс Гловер.

– Я должен с этим смириться. Будь все наши страдания столь же пустячными, нам не на что было бы жаловаться.

– Почему бы вам не покупать хлеб в Теркенбери? – предложила миссис Рамзи, отличавшаяся необычайной практичностью.

Брат и сестра одновременно горестно всплеснули руками.

– Тогда Эндрюс тоже уйдет к диссентерам. К великому сожалению, этих людей в официальной церкви удерживает либо боязнь, что приходской священник перестанет покупать у них товар, либо надежда заполучить его в клиенты.

Некоторое время спустя мисс Лей очутилась наедине с сестрой викария.

– Должно быть, вы очень рады встрече с Бертой, мисс Лей, – любезно сказала мисс Гловер.

«Ну вот, завохтала», – подумала та, вслух же произнесла:

– Конечно.

– Для вас, наверное, огромное облегчение видеть, как замечательно все обернулось.

Мисс Лей бросила внимательный взгляд на сестру священника, но не уловила в ее лице и тени иронии.

– Счастливая молодая пара – это так прекрасно! У меня внутри все поет, когда я вижу этих влюбленных голубков.

– Да, приятное зрелище, – холодно сказала мисс Лей, мысленно обозвав мисс Гловер идиоткой.

Она поискала взглядом доктора Рамзи, предвкушая – вопреки своей позиции проигравшей стороны – предстоящую схватку. Мисс Лей от природы обладала бойцовскими качествами и, даже зная, что поражение неминуемо, никогда не уклонялась от поединка. Доктор Рамзи приблизился к ней.

– Итак, мисс Лей, вы снова к нам вернулись. Мы все счастливы видеть вас в Корт-Лейз.

«Надо же, какая сердечность», – сердито подумала мисс Лей, ожидая, что за этой репликой доктора последует колкость или упрек.

– Пройдемся по саду? – предложила она. – Полагаю, вам не терпится затеять со мной ссору.

– С превеликим удовольствием. Я имею в виду прогулку по саду. Само собой разумеется, никто не посмеет затеять ссору с такой очаровательной дамой, как вы.

«Он ни за что не сыпал бы любезностями, если бы не собирался потом как следует нагрубить», – решила мисс Лей.

– Я рада, что вам нравится сад, – учтиво сказала она.

– Крэдок все так чудесно обустроил! Прямо глаз радуется.

Тетушка Берты сочла эту реплику насмешкой и, не найдя с ответом, промолчала. Мисс Лей была мудрой женщиной. Они прошли еще несколько шагов, и вдруг доктор Рамзи выпалил:

– Что ж, мисс Лей, вы все-таки оказались правы!

Она остановилась и в упор посмотрела на своего спутника. Лицо доктора было совершенно серьезным.

– Да, и я готов это признать. Я ошибался. Торжествуете?

Он посмотрел на мисс Лей и затрясся от добродушного смеха.

Мисс Лей почти с отчаянием спросила себя, не издевается ли над ней доктор Рамзи. Впервые за все время она не понимала не только слов доктора, но и его сокровенных мыслей.

– Вы считаете, поместье привели в порядок?

– Просто не представляю, как этому человеку удалось столько сделать за такое короткое время! Да сами посмотрите!

Мисс Лей поджала губы.

– Даже в самые черные дни Корт-Лейз выглядел благородно; теперь же все это, – она огляделась по сторонам, задрав подбородок, – можно принять за вотчину колбасника!

– Мисс Лей, голубушка, вы меня простите, но усадьба выглядела просто неприлично!

– Зато сейчас «прилично»! Именно это меня и возмущает. Мой дорогой доктор, в прежние времена любой прохожий видел, что хозяева Корт-Лейз – достойные люди. Было ясно, что они не могут свести концы с концами – вероятно, потому, что слишком быстро их сожгли, как свойственно тонким натурам (мисс Лей смешала в кучу выражения). Глядя на все это, любой прохожий извлекал соответствующую мораль. Для дворянина существует только два подходящих состояния: полная нищета или ослепительное богатство; все, что между ними, вульгарно. Теперь же прохожий видит достаток и ухоженность, концы сведены с концами, да, но сделано это чересчур напоказ, как будто тут есть чем гордиться! Боже правый, наследники семьи Лей нынче служат примером того, как разумно следует распоряжаться средствами! Предки славного рода, которые проматывали целые состояния за картонным столом, покупали бриллианты, не имея денег на хлеб, и закладывали эти бриллианты, чтобы устроить прием для короля, – теперь образец экономности, идеал огородников, торгующих зеленью на базаре!

Мисс Лей обладала недюжинной способностью к фразерству: если начатое ею предложение завершалось красиво, ее не волновало, присутствует ли в нем глубокий смысл, или, напротив, оно представляет собой полную ерунду. Закончив разглагольствовать, мисс Лей взглянула на собеседника, ожидая, что тот выразит свое неодобрение (кстати, справедливое), но доктор Рамзи лишь расхохотался.

– Понимаю, вы хотите, чтобы я еще глубже почувствовал свою неправоту.

«Да о чем он, в конце концов?» – мысленно недоумевала мисс Лей.

– Видите ли, я всерьез считал, что дело примет скверный оборот, – продолжал доктор. – Вполне логично было предположить, что Крэдок поддастся искушению и пустит свое новое богатство на ветер. Сейчас, однако, я готов открыто признать, что ваша племянница сделала наилучший выбор. Эдвард – прекрасный человек. Мы и не подозревали, что у него окажется столько достоинств, да и кто знает, как далеко он еще пойдет.

Будь мисс Лей мужчиной, в этот момент она бы легонько присвистнула; будучи леди, она лишь удивленно подняла брови. Выходит, доктор Рамзи разделяет мнение мисс Гловер?

– А что говорят соседи? – поинтересовалась она. – Несносная миссис Брандертон, миссис Райл (та, что нахально прибавила к фамилии «Мэйстон»), Хэнкоки и остальные?

– Эдвард Крэдок завоевал единодушную любовь. Вся округа отзывается о нем очень лестно. При этом он не задрал нос – в Крэдоке сроду не было ни капли высокомерия – и совершенно не переменялся. Не подумайте, что я охотник признаваться в собственных ошиб-

ках, и все же искренне уверяю вас: Эдвард – именно то, что надо. Просто удивительно, с каким уважением к нему все относятся. Клянусь богом, у Берты есть все основания поздравлять себя с удачным браком. Такие мужья, как Эдвард, на дороге не валяются.

Мисс Лей улыбнулась. К счастью, выяснилось, что она не глупее большинства прочих людей (по ее скромному выражению), поскольку в последнее время сомнения в этом вопросе доставляли ей изрядное беспокойство.

– Значит, все полагают, что Берта и Крэддок счастливы, как голубки?

– Они и есть влюбленные голубки! – воскликнул доктор. – Неужели вы думаете иначе?

Мисс Лей никогда не считала нужным рассеивать заблуждения ближних и, обладая каким-либо знанием, однозначно предпочитала им не делиться.

– Я? – переспросила она. – Я благоразумно присоединюсь к мнению большинства. Это единственный способ заслужить репутацию мудрой особы. – И все же мисс Лей была обычным человеком. – Как по-вашему, кто в этой паре главный? – с колючей улыбкой спросила она.

– Муж, как и полагается, – буркнул доктор Рамзи.

– Считаете, у него больше мозгов?

– А, так вы – феминистка, – презрительно протянул доктор.

– Любезный доктор, я ношу перчатки шестого размера, а туфли – вот, взгляните. – Она продемонстрировала почтенному джентльмену остроносую туфельку на высоком каблуке, одновременно выставив на обозрение кусочек щиколотки, обтянутой ажурным шелковым чулком.

– Я должен воспринимать ваш довод как доказательство мужского превосходства?

– Бог мой, как же вы любите спорить! – рассмеялась мисс Лей, почувствовав себя в своей стихии. – Я знала, знала, что вы намерены со мной поспорить. На самом деле хотите услышать мое мнение?

– Да.

– На мой взгляд, если вы поставите исключительно умную женщину рядом с заурядным мужчиной, то этим ничего не докажете. Как обычно рассуждаем мы, женщины? Берем Джордж Элиот (в которой, кстати, от женщины – лишь юбки, и то не всегда), ставим ее в пару к какому-нибудь Джону Смигу и трагическим голосом спрашиваем, можно ли считать, что по своему развитию она ниже его. Согласитесь, это чепуха. Вопрос, которым я задаюсь в последние двадцать пять лет, звучит иначе: действительно ли среднестатистическая неумная женщина глупее среднестатистического неумного мужчины?

– И к какому же ответу вы пришли?

– Честно говоря, разница между ними небольшая.

– Получается, у вас вообще нет никакого мнения? – вскричал доктор.

– Поэтому я и излагаю вам свою теорию.

– Хм, – пробурчал доктор, – а какое отношение это имеет к Крэддокам?

– Никакого. Берта отнюдь не дура.

– Естественно, учитывая, что ей посчастливилось родиться вашей племянницей, так?

– Доктор, по-моему, вы начинаете дерзить, – с улыбкой произнесла мисс Лей.

Когда они вернулись с прогулки по саду, миссис Рамзи в гостиной прощалась с Бертой.

– Нет, в самом деле, мисс Лей, – сказал доктор, – Берта и Эдвард абсолютно счастливы.

Все так считают.

– «Все» всегда правы.

– А вы как полагаете?

– Боже милостивый, доктор, до чего ж вы настырны! Скажу так: для Берты книга жизни от начала до конца написана курсивом, а для Эдварда – большими круглыми буквами, как в прописях. Вам не кажется, что это некоторым образом может затруднить процесс чтения?

Глава XIII

Берта давно и с нетерпением предвкушала забавы на свежем воздухе, и летом Эдвард начал учить ее благородной игре в лаун-теннис. Долгими вечерами, когда Крэддок, закончив работу, переодевался во фланелевый костюм, который очень ему шел, супруги отыгрывали на корте сет за сетом. Эдвард гордился своим мастерством и, само собой, находил скучным играть против новичка, но в целом был очень терпелив и надеялся, что со временем супруга приобретет достаточные навыки и станет достойным партнером. Для Берты забава оказалась не такой увлекательной, как она ожидала; обучение продвигалось медленно и с трудом. Тем не менее совместное времяпрепровождение с мужем доставляло ей удовольствие. Берте нравилось, когда он поправлял ее ошибки, показывал различные виды удара; она восхищалась его добродушием и неисчерпаемым оптимизмом. Вместе с Эдвардом она могла без конца играть даже в такие примитивные игры, как банкрот и багатель. Теперь же Берта поджидала ясных дней, чтобы беспрепятственно предаваться общему развлечению. Такие вечера были всегда чудесны, но больше всего она любила по окончании игры лежать в шезлонге, наслаждаясь приятной усталостью, и болтать о разных пустяках, которые любовь делала ужасно интересными и важными.

Мисс Лей уговорили остаться. Тетушка Берты божилась, что уедет в конце недели, однако Эдвард в своей властной манере забрал ключ от кладовой и наотрез отказался его выдавать.

– Нет уж, – говорил он. – Я не могу заставить людей приехать ко мне, зато могу не отпустить. В этом доме все выполняют мои приказы, не так ли, Берта?

– Как тебе будет угодно, милый, – отвечала его жена.

Мисс Лей любезно уступила просьбам племянницы, тем более что в Корт-Лейз ей предоставлялся всяческий комфорт, неотложных планов у нее не было, и вдобавок она собралась более глубоко изучить семейную жизнь своих родственников. Мисс Лей не стала упорствовать в своем намерении уехать, сочтя это недостойной слабостью.

Почему в течение многих дней ее племянница и Крэддок являли собой счастливую пару, а затем ни с того ни с сего Берта едва не набрасывалась на мужа, тогда как он неизменно оставался благодушным и приветливым? Напрашивался очевидный ответ: между супругами порой случались маленькие ссоры, без которых со времен Адама и Евы не обходилось ни в одной семье. Однако мисс Лей менее всего была склонна доверять очевидному. Прямых причин для конфликта не существовало, поскольку Берта соглашалась со всем, что говорил Крэддок. Полная покорность – с одной стороны, искреннее добродушие – с другой; что же такое могло слугить яблоком раздора?

Мисс Лей давно сделала для себя вывод: когда с приближением осени зеленая листва жизни окрашивается в золото и багрянец, можно получить гораздо больше удовольствия, разумно сочетая простоту даров природы с благами цивилизации. По вечерам она устраивалась в удобном кресле подле корта и наслаждалась прохладой, которую давали сень деревьев и большой красный зонт. Рукоделие ее не занимало, поэтому она брала с собой томик любимого Монтеня. Прочитав страницу, мисс Лей переводила внимательный взгляд на игроков. Эдвард, несомненно, был красив. Крэддок отличался большой чистоплотностью и относился к тем мужчинам, каждая черточка которых дышит свежестью ежедневно принимаемой ванны. Сразу было видно, что душистое мыло для него так же свято, как вера в Консервативную партию, скачки в Эпсоме и кризис сельского хозяйства.

Как часто повторяла Берта, энергия была из Крэддока ключом. Несмотря на все возрастающие вес и объем, он сохранял удивительную подвижность и постоянно демонстрировал – хотя его об этом не просили – чудеса силы и ловкости: то перемахивал через изгородь, то на вытянутой руке поднимал за ножку стул.

«Если здоровье и отменное пищеварение – это все, что требуется от мужа, Берта должна себя чувствовать самой счастливой женщиной на свете», – мысленно усмехалась мисс Лей. Тетушка Берты никогда не поклонялась собственным теориям настолько, чтобы утратить возможность посмеяться над ними. Обладая беспристрастным суждением, она четко видела две практически равнозначные стороны вопроса и, соответственно, была готова с равным пылом отстаивать обе точки зрения.

Игра закончилась, и Берта, тяжело дыша, рухнула в шезлонг.

– Милый, будь добр, собери мячи! – крикнула она.

Эдвард отправился искать укатившиеся теннисные мячи; Берта проводила его восхищенным взглядом.

– Ну разве он у меня не умница? – обратилась она к тете. – Иногда мне просто стыдно за себя.

– Образец добродетели. Доктор Рамзи, мисс Гловер и даже миссис Брандертон прожужжали мне все уши, расхваливая Эдварда.

– Да, он всем очень нравится. Артур Брандертон часто спрашивает у него совета. Такой молодец!

– Кто, Артур Брандертон?

– Да нет же, Эдди.

Берта сняла шляпку и вытянулась в шезлонге. Волосы ее немного растрепались, пышные завитки выбились на лоб и шею так соблазнительно, что привели бы в упоение любого мало-мальски сносного поэта моложе семидесяти лет. Мисс Лей обвела взором изящный профиль племянницы и в который раз восхитилась цветом ее лица – сочетанием нежнейших оттенков заката. Глаза Берты в томной тени длинных ресниц блестели любовью; полные, чувственные губы полуоткрылись в улыбке.

– Волосы совсем разлохматились? – спросила она, прочитав взгляд тетушки.

– По-моему, напротив, тебе идет не слишком гладкая прическа.

– Эдвард терпеть не может, когда я растрепана, он любит, чтобы волосок лежал к волоску.

Ну а для меня главное, чтобы он был доволен. Он настоящий красавец, правда?

Не дожидаясь ответа, Берта задала следующий вопрос:

– Тетя Полли, вы, наверное, думаете, что я совсем дура, раз так сильно влюблена в Эдварда?

– Милочка, это совершенно правильное поведение по отношению к законному супругу.

Улыбка Берты погрустнела.

– Эдвард считает меня чересчур привязчивой. – Она следила глазами за тем, как муж поднимает мячики, закатившиеся в кусты; сегодня Берта была настроена на откровенность. – Ах, тетушка, если бы вы только знали, как изменился мир с тех пор, как я полюбила. Он словно бы стал больше, полнее. Любовь – единственное состояние, в котором стоит жить. – Завидев, что Эдвард с восемью мячами на ракетке приближается к ним, она крикнула: – Скорей иди сюда, Эдди, я тебя поцелую!

– Раз так, не подойду! – засмеялся он. – Берта – сплошной кошмар. Мечтает, чтобы я всю жизнь только и делал, что целовал ее. Это не кажется вам неразумным, тетя Полли? Мой девиз – всему свое время и свое место.

– Один поцелуй утром, – пояснила Берта, – и один на ночь – вполне хватит, чтобы твоя жена сидела тихо, а все остальное время можешь посвящать работе и чтению газет.

Берта вновь обворожительно улыбнулась, но радости в ее глазах мисс Лей не заметила.

– Можно объесться даже самым вкусным блюдом, – сказал Крэдок, балансируя ракеткой, поставленной на кончик носа.

– В том числе общепринятой философией, – заметила Берта.

Через несколько дней, когда гостья объявила о своем окончательном отъезде, Эдвард предложил устроить в ее честь теннисный турнир. Мисс Лей отнюдь не горела желанием тратить время на пустую болтовню со сливками линхэмского общества, но Крэддок был решительно настроен оказать тетушке все возможные почести, а внутренний голос подсказал ему, что в данном случае необходимо устроить хотя бы скромный прием. Итак, гостями вечера стали: мистер и мисс Гловер, Брандертоны, мистер Аттхилл Бэкот – великий политик (местного масштаба) и Хэнкоки. Мистер Аттхилл Бэкот блеснул не только политическими познаниями, но и галантностью, взявшись развлекать мисс Лей. Достопочтенный джентльмен пустился в обсуждение грехов правительства, а также затронул тему плохой боеспособности армии.

– Больше солдат, больше штыков, – говорил он. – Для офицеров – начальное образование в широком смысле и, при наличии времени, обучение основам грамматики.

– Боже правый, мистер Бэкот, как вы можете произносить такие слова? Я считала вас консерватором.

– Мадам, я участвовал в выборах в восемьдесят пятом, и если бы кандидату от Консервативной партии суждено было пройти в парламент, поверьте, я бы там был. Все дело в ограничениях. Самые стойкие консерваторы меняют взгляды. Взять хотя бы генерала Хэнкока!

– Пожалуйста, потише, – попросила мисс Лей, забеспокоившись. Мистер Бэкот непроизвольно взял свой ораторский тон, и его голос разносился по всему саду.

– Я говорю, взять хотя бы генерала Хэнкока, – повторил он, не обращая внимания на ее просьбу. – Разве это тот человек, под чье командование вы спокойно отдали бы десять тысяч своих сыновей?

– Надо отдать справедливость, – рассмеялась мисс Лей, – не все генералы так безнадежно глупы, как наш бедный Хэнкок!

– Уверяю вас, мадам, все! Как только выясняется, что человек ни к чему не способен, его тотчас производят в генералы, просто в пример остальным. И легко понять почему. У родителей, отправляющих своего отпрыска в армию, всегда должна быть возможность сказать: «Может, наш сын и дурак, зато из него получится отличный генерал».

– Пожалуйста, не разгоняйте генералов, – сказала мисс Лей. – Они очень кстати на чаепитиях.

Мистер Бэкот открыл рот, чтобы горячо возразить, но тут его окликнул Крэддок:

– Мы хотим включить вас в команду. Сыграете в паре с мисс Хэнкок против моей жены и генерала? – Обернувшись к супруге, он позвал: – Берта, иди сюда!

– Нет, нет, Эдди, сегодня я пропускаю игру, – отозвалась Берта. Она поняла, что муж намеренно поставил всех слабых игроков в одну партию, рассчитывая побыстрее избавиться от них. – Мне не хочется.

– Ты должна играть, иначе разобьешь следующие пары, – настаивал Крэддок. – Все уже расписано: мисс Гловер и я играем против мисс Джейн Хэнкок и Артура Брандертона.

Берта гневно сверкнула глазами, но Крэддок, конечно, не заметил ее раздражения. Он предпочитал брать в пару мисс Гловер. Сестра священника играла превосходно, и ради хорошей игры Крэддок легко мог пожертвовать чувствами жены. Неужели он не знает, что Берту вообще не интересует теннис, что она участвует в этой забаве только затем, чтобы побыть рядом с ним? Рядом с Крэддоками в этот момент находились только мисс Гловер и Артур Брандертон, и Эдвард в своей обычной добродушной манере пошутил:

– Берта у нас неумеха! Конечно, она пока только новичок. Дорогая, ты не против сыграть в паре с генералом Хэнкоком?

Артур Брандертон засмеялся, Берта тоже улыбнулась мужниной остроте, но при этом покраснела.

– Я совсем не буду играть. Необходимо проследить, чтобы подали угощение, и потом еще не все гости собрались, надо их принять.

– Ах да, я и забыл, – беззаботно ответил Эдвард и, взяв под руку молодого Брандертона, двинулся прочь. – Идем, старина. Нужно подыскать замену в команду начинающих. – Мысли о жене он уже выбросил из головы.

Эдвард обладал невероятно дружелюбной, открытой манерой общения, так что окружающие моментально проникались к нему симпатией. Берта, бледнея, проводила обоих мужчин взглядом.

– Мне нужно на минутку заглянуть в дом. Фанни, голубушка, займите миссис Брандертон, – сказала она мисс Гловер и поспешно удалилась.

Берта вбежала в спальню, бросилась на кровать и залилась слезами. Унижение казалось ей смертельным. И как только Эдди – любовь всей ее жизни! – мог обойтись с ней так жестоко? Что плохого она ему сделала? Он знает, да, прекрасно знает, какое счастье способен подарить Берте, и нарочно повел себя грубо. Берта горько рыдала, ревность к мисс Гловер (не к кому иному!) внезапно острой болью пронзила ее сердце.

– Он меня не любит! – простонала она, и слезы еще сильнее хлынули из ее глаз.

В дверь постучали.

– Кто там? – крикнула Берта.

Ручка повернулась, в спальню вошла мисс Гловер, от волнения покрывшаяся красными пятнами.

– Прошу прощения, Берта, но мне показалось, что вам нехорошо. Могу я чем-нибудь помочь?

– Ничего страшного, – ответила Берта, вытирая слезы. – Жара плохо действует на меня, вот голова и разболелась.

– Попросить Эдварда подняться к вам? – сочувственно предложила мисс Гловер.

– Зачем мне Эдвард? – раздраженно ответила Берта. – Через пять минут я буду в полном порядке. У меня часто бывают похожие приступы.

– Я уверена, что он не хотел вас обидеть. Он сама доброта!

– Что вы такое вообще говорите, Фанни! – вспыхнула Берта. – Кто не хотел меня обидеть?

– Я подумала, что вы расстроились, когда Эдвард назвал вас неумехой и новичком в игре.

– Милая, вы, должно быть, считаете меня совсем дурочкой! – нервно рассмеялась Берта. – Совершенно очевидно, что я и есть неумеха. Говорю же, всему виной погода. Хорошенькая жизнь у меня была бы, если бы я огорчалась всякий раз, когда Эдди скажет что-либо подобное!

– Может быть, все-таки прислать Эдварда к вам? – с сомнением в голосе спросила мисс Гловер.

– Боже милостивый, зачем? Видите, мне уже лучше. – Берта промокнула глаза и провела по лицу пуховкой. – Дорогая, мне всего лишь сделалось дурно из-за жары. – Она сделала над собой усилие и звонко расхохоталась, так что сестра викария почти поверила в правдивость ее слов. – Ну, пора идти к гостям, не то миссис Брандертон станет жаловаться на мои скверные манеры больше обычного.

Берта обняла добродетельную деву за талию и почти бегом потащила ее за собой вниз по лестнице, к ужасу и изумлению последней.

За оставшийся вечер Берта ни разу не бросила взгляда на Крэддока, однако блистала очарованием, весело щебетала и смеялась. Все собравшиеся отметили приподнятое настроение хозяйки и сошлись на том, что она совершенно счастлива.

– Глаз радуется, когда видишь такую замечательную пару, – выразил общее мнение генерал Хэнкок. – Полное благополучие в семье!

Однако недавняя сцена не ускользнула от острого взора мисс Лей. С щемящим сердцем она видела, как мисс Гловер побежала вслед за Бертой. К сожалению, в ту минуту мисс Лей не могла остановить сестру викария, поскольку была связана разговором с миссис Брандер-

тон. «До чего же навязчивы эти добросердечные души! Лучше бы оставила бедную девочку в покое!» – пронеслось у нее в голове.

Чуть позже мисс Лей озарило прозрение, она поняла всю картину. «Какая же я бестолковая! – мысленно отругала она себя и, обмениваясь сладко-завуалированными дерзостями с миссис Брандертон, продолжила обдумывать произошедшее. – Все стало ясно с первого раза, когда я увидела их вместе. Как я могла забыть?»

Мисс Лей пожала плечами и пробормотала себе под нос максимуму Ларошфуко:

– *Entre deux amants il y a toujours un qui aime et un qui se laisse aimer*²⁶.

Помолчав, она на том же языке произнесла еще одну фразу; не зная автора, мисс Лей осмеливалась приписывать ее себе. Ей показалось, что эти слова как нельзя лучше подходят к ситуации.

– *Celui qui aime a toujours tort*²⁷.

²⁶ Из двух любящих один любит, а другой позволяет себя любить (фр.).

²⁷ Тот, кто любит, всегда не прав (фр.).

Глава XIV

Берта и мисс Лей провели беспокойную ночь. Эдвард же после дневных трудов и сытного ужина, разумеется, спал сном праведника. Берта, лелея свою обиду, с трудом заставила себя поцеловать мужа на ночь, после чего тот, по обыкновению, повернулся к ней спиной и захрипел. Мисс Лей, зная о сложностях, которые ожидают семейную чету, спрашивала себя, может ли чем-то помочь. Но чем? Муж и жена читали книгу жизни по-разному: она – курсивом, он – большими круглыми буквами, как в прописях. Возможно ли было подобрать для них общие символы? Естественно, первый год супружества нелегок, и к прочим разочарованиям обычно добавляется пресыщение плоти. В каждом браке неизбежны моменты полного отчаяния, и здесь опаснее всего сторонний наблюдатель, который придает им преувеличенное значение и своим вмешательством обращает преходящую трудность в постоянную, то есть еще туже затягивает узел, вместо того чтобы дождаться, пока его ослабит время.

Эти размышления привели мисс Лей к довольно логичному выводу, который более всего соответствовал ее натуре: в подобных обстоятельствах лучше ничего не предпринимать – пусть все идет своим чередом. Тетушка Берты не стала откладывать свой отъезд и на следующий день покинула родственников, как и собиралась.

– Вот видите, – на прощание сказал ей Эдвард, – я же обещал, что уговорю вас задержаться подольше.

– Эдвард, вы замечательный человек, – сухо ответила мисс Лей. – Я никогда в этом не сомневалась.

Крэддок с удовольствием выслушал комплимент, не уловив иронии. Расставаясь с племянницей, мисс Лей ощущала какую-то подозрительную нежность, неловкую и очень странную. Проявлять чувства она не любила и не умела. Тем не менее ей искренне хотелось сказать Берте, что в трудной ситуации та всегда может рассчитывать на ее дружескую поддержку. Вслух, однако, мисс Лей произнесла лишь следующее:

– Если захочешь приехать в Лондон за покупками, можешь остановиться у меня. И вообще, почему бы тебе для разнообразия – если Эдвард отпустит – не провести месяц-другой в компании тетушки?

После того как Крэддок увез мисс Лей на вокзал, Берте вдруг стало очень одиноко. Все эти недели тетушка служила барьером между ней и Эдвардом; приезд мисс Лей оказался очень кстати, когда после первых месяцев безумной страсти Берта понемногу начала понимать, что связана узами брака с мужчиной, которого совсем не знает. Присутствие в доме третьего лица заставляло сдерживать свои порывы, теперь же Берта смотрела в будущее почти со страхом. Любовь к Эдварду причиняла ей горькие душевные страдания. Нет, она по-прежнему любила мужа горячо и страстно, а он... он испытывал к ней всего лишь легкую, спокойную привязанность. Одна мысль об этом приводила Берту в ярость.

Зарядили дожди, в течение двух дней о теннисе не могло быть и речи. На третий день проглянуло солнышко, земля быстро подсохла. Эдвард уехал в Теркенбери, но к вечеру возвратился.

– Эй, – воскликнул он, обращаясь к жене, – ты почему еще не оделась для тенниса? Поторопись!

Только этого Берта и ждала. Ей надоело постоянно уступать и унижаться; надо наконец выяснить отношения.

– Ты хороший игрок, – сказала она, – но я больше не хочу с тобой играть.

– Господи, это почему же?

Берту прорвало:

– Потому что я до смерти устала быть для тебя удобной вещью! У меня есть своя гордость, я не позволю с собой так обращаться! И не смотри на меня, будто не понимаешь. Ты играешь со мной только тогда, когда больше не с кем, разве нет? И так во всем! Ты готов общаться с кем угодно, хоть с распоследним болваном, лишь бы не со мной! Всем своим поведением выказываешь презрение к собственной жене!

– Что еще я натворил?

– Конечно, ты уже не помнишь! Тебе и в голову не приходит, что из-за тебя я страшно несчастлива. Думаешь, мне нравится, что ты прилюдно насмехаешься надо мной, будто я какая-нибудь дурочка?

Крэдок прежде не видел жену в таком бешенстве, и на этот раз у него не было возможности уйти от разговора. Берта стояла, стиснув зубы; щеки ее гневно пылали.

– Ты имеешь в виду то, что произошло позавчера? Я заметил, что ты разозлилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.